ВЕНЕЛИН Ю

Древние и
нынешние
Болгаре.

ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКІЯ

ИЗЫСКАНІЯ

Юрія Венелина.

ТОМЪ I.

МОСКВА.

1836.

ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКІЯ
ИЗЫСКАНІЯ.

ТОМЪ I.

БОЛГАРЕ.

Ut vetustis novitatem, novis auctoritatem, obsoletis nitorem, obscuris lucem, fastiditis gratiam, dubiis fidem, omnibus vero naturam, et naturae suae omnia darem.

PLINIUS.

ДРЕВНІЕ И НЫНѢШНІЕ

БОЛГАРЕ

ВЪ

ПОЛИТИЧЕСКОМЪ, НАРОДОПИСНОМЪ,

ИСТОРИЧЕСКОМЪ И РЕЛИГІОЗНОМЪ ИХЪ ОТНОШЕНІИ

КЪ

РОССІЯНАМЪ.

ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКІЯ ИЗЫСКАНІЯ

Юрія Венелина.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

Ивана Мольнаръ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1856.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Марта 5-го дня, 1856 года.

Ценсоръ И. Безсомыкинъ.

Печатано съ изданія ~~1829~~ съ перемѣнами.

ЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ,

ГОСПОДИНУ ТАЙНОМУ СОВѢТНИКУ,

МИНИСТРУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ,

СЕНАТОРУ,

ЧЛЕНУ СОВѢТА О ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ, ЧЛЕНУ ГЛАВНАГО СОВѢТА ЖЕНСКИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ, ЧЛЕНУ МѢСТНЫХЪ СОВѢТОВЪ ПРИ ВОСПИТАТЕЛЬНОМЪ ОБЩЕСТВѢ БЛАГОРОДНЫХЪ ДѢВИЦЪ И С. ПЕТЕРБУРГСКОМЪ АЛЕКСАНДРОВСКОМЪ УЧИЛИЩѢ, ЧЛЕНУ СОВѢТА С. ПЕТЕРБУРГСКАГО УЧИЛИЩА ОРДЕНА СВ. ЕКАТЕРИНЫ И ПАВЛОВСКАГО ИНСТИТУТА, ДѢЙСТВИТЕЛЬНОМУ ЧЛЕНУ ИМПЕРАТОРСКАГО ЧЕЛОВѢКОЛЮБИВАГО ОБЩЕСТВА, ПРЕДСѢДАТЕЛЮ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОММИССІИ,

ОРДИНАРНОМУ АКАДЕМИКУ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

И

РАЗНЫХЪ ОРДЕНОВЪ КАВАЛЕРУ,

АВРААМУ СЕРГІЕВИЧУ

НОРОВУ,

въ знакъ глубочайшаго почтенія

посвящаетъ

Иванъ Молнаръ.

Выходитъ въ свѣтъ второе изданіе сочиненія, конечно извѣстнаго всякому, кто принимаетъ къ сердцу вопросы славянской науки.

Еще девятнадцатилѣтнимъ юношей, Юрій Ивановичь Венелинъ упражнялъ себя въ исторической критикѣ, работая усердно въ библіотекѣ Львовскаго Университета и въ кучѣ выписокъ и замѣчаній, порожденныхъ изученіемъ источниковъ, останавливая свое чуткое вниманіе на тѣхъ сторонахъ, которыя казались темными, на тѣхъ выводахъ, которые для ученыхъ были спорными. Талантъ, начинавшій сознавать свои силы, искалъ дороги новой, другими еще непроложенной, хотя бы трудной; жизнедѣятельность, закипавшая внутри, стремила въ неразгаданную даль; будущій ученый, имѣвшій указать пути многимъ другимъ, прежде всего самъ долженъ былъ обречь себя на судьбу странника. Обходя Венгрію, съ студенческой котомкой за плечами, юноша собиралъ свѣдѣнія у профессоровъ этого малаго міра Европы, соединявшаго въ своемъ просвѣщеніи отголоски столь многихъ разноплеменныхъ народовъ. Была мысль сѣсть на корабль въ Тріестѣ, хотѣлось видѣть Гре-

цію, объѣхать Архипелагъ: но обстоятельства 1821 года отвлекли его отъ одной классической страны, чтобы сберечь для другой, для той, которую самъ назвалъ онъ классическою страною Славянства и для которой совершилъ впослѣдствіи подвигъ, не столь нужный Греціи. Невольно повинуясь призванію судьбы, въ 1823 году двинулся Венелинъ, черезъ родныя вершины Карпатъ, на Черновцы, и, спустя нѣсколько дней, странника принялъ и радушно обласкалъ у себя Генералъ-Губернаторъ И. Н. Инзовъ, незадолго передъ тѣмъ встрѣтившій такимъ же привѣтомъ знаменитаго поэта русскаго. Довольный скромнымъ мѣстомъ, поспѣшно засѣлъ молодой ученый за свои любимыя разысканія: доселѣ сохранилась кипа бумагъ, составленныхъ имъ въ Кишиневѣ. Это большею частію выписки изъ греческихъ и римскихъ писателей, преимущественно средневѣковыхъ лѣтописцевъ, сличенія, переводы, замѣчанія. Дороговизна книгъ заставляла выписывать огромныя тирады, дороговизна бумаги — пользоваться самою плохою. Но уже здѣсь можемъ замѣтить, что главные пункты, привлекавшіе вниманіе, были тѣ же самые, которые затрогивались ученымъ прежде, а впослѣдствіи поглотили всю его жизнедѣятельность. Въ самомъ дѣлѣ, Иванъ Никитичь Инзовъ оставилъ по себѣ глубокое и благодарное воспоминаніе, какъ Попечитель поселенцевъ южнаго края Россіи; очень много Болгаръ жило въ Кишиневѣ; Венелинъ знакомился съ ними, собиралъ свѣдѣнія о краѣ и народѣ, задавалъ себѣ вопросы объ ихъ исторіи: такъ постепенно готовилось и опредѣлялось будущее великое дѣло.

Лѣтомъ 1825 года началось новое странствованіе, во внутренность, къ сердцу Руси, гдѣ ожидалъ найти свое окончательное совершеніе слагавшійся умъ и характеръ Карпатскаго Славянина. Съ пятью рублями вошелъ онъ въ заставу: но онъ несъ для Московскаго Университета запасъ свѣдѣній, какимъ не всегда могутъ похвалиться питомцы, запасъ энергіи, который не всѣми одинаково сберегается за стѣнами аудиторій. Венелинъ не растратилъ, а пріумножилъ. Можно сказать навѣрное, что накопленная прежде сумма историческихъ, существенныхъ и вспомагательныхъ, знаній, не заставляла его особенно нуждаться въ лекціяхъ исторіи: для нихъ подъ рукою была библіотека, былъ досугъ отъ оффиціальныхъ занятій. Потому, нѣтъ ничего страннаго, если мы встрѣчаемъ Венелина на медицинскомъ факультетѣ, гдѣ ревностно расширялъ онъ свѣдѣнія, заготовленныя въ Сегединѣ. Даже какъ будто переродился онъ: «я посвятилъ себя, говоритъ онъ, наукамъ болѣе благотворнымъ, чѣмъ Исторія и Метафизика, — наукамъ, кои привлекли все мое вниманіе и сдѣлались исключительнымъ предметомъ моихъ занятій.» Такъ думалъ онъ нѣкоторое время, такъ хотѣлъ убѣдить себя. Но науки, которымъ такъ горячо отдался онъ, нашли свое примѣненіе не со стороны врачебной, а съ той общей, хотя не менѣе существенной стороны, во сколько естествознаніе необходимо и плодотворно для исторіи. Онѣ-то подарили намъ тѣ прекрасныя страницы его сочиненій, на которыхъ столь рѣзко выдаются топографическія замѣчанія, при вопросахъ геологіи, физики, даже ботаники. Между

тѣмъ, студентъ медицинскаго факультета писалъ въ журналахъ разборы сочиненій, обличавшіе его обширныя познанія въ топографіи и исторіи южнаго Славянства, особенно Болгаріи, равно какъ Валахіи и Молдавіи. Выдержавъ окончательное испытаніе на званіе лѣкаря, онъ явился на поприщѣ литературы славянскимъ историкомъ, археологомъ, географомъ и этнографомъ; вмѣстѣ съ окончаніемъ медицинскаго курса, онъ окончилъ печатаніе и перваго тома своихъ изслѣдованій: «Древніе и нынѣшніе Болгаре въ политическомъ, народописномъ, историческомъ и религіозномъ ихъ отношеніи къ Россіянамъ. Историко-критическія изысканія Юрія Венелина. Томъ I. Москва, въ Универс. Типогр., 1829.»

Обстоятельства изданія мы узнаемъ изъ предисловія, присоединеннаго тогда же сочинителемъ. Въ разговорахъ съ нѣкоторыми московскими учеными, Венелинъ касался иногда тѣхъ историческихъ замѣчаній, которыя хранились у него въ кучѣ выписокъ, по разнымъ спорнымъ вопросамъ славянской исторіи, и которыя самъ онъ называлъ *Архивомъ*, вовсе не имѣя въ виду когда либо напечатать ихъ. Между тѣмъ, М. П. Погодинъ обратилъ на нихъ серьозное вниманіе и лѣтомъ 1828 года убѣдилъ ученаго составить нѣчто цѣлое. Постоянно имѣя въ виду древнѣйшую исторію Руси, равно какъ прочихъ племенъ славянскихъ, но развлекаясь прежде многими частными вопросами, Венелинъ въ новомъ дѣлѣ, требовавшемъ порядка, естественнымъ образомъ остановился прежде всего на Болгарахъ, предварившихъ другія одноплемен-

ныя отрасли своимъ появленіемъ на поприщѣ исторіи, и особенно письменности. Мы знаемъ, что давно уже собиралъ онъ относящіяся сюда свѣдѣнія. Тѣмъ не менѣе, не легко было справиться съ планомъ и связью, при такой новости дѣла и при такомъ ревностномъ стремленіи рѣшать вопросы самые запутанные и темные. «Я зашелъ, говорилъ сочинитель, въ лѣсъ мнѣній и противорѣчій; увидѣлъ на каждомъ шагу затрудненіе. Теряясь въ многосложности труда и не довѣряя собственнымъ силамъ, я унывалъ и опять отказался отъ довершенія начатаго мною. Дѣло, можетъ быть, тѣмъ бы и кончилось, если бы тотъ же Г-нъ N. N. не побудилъ меня къ окончанію начатаго, принявъ даже и трудъ изданія на себя и издержки его на свой счетъ.» Въ такомъ видѣ и при такихъ обстоятельствахъ изданъ былъ томъ сочиненія, первый въ ряду предполагавшихся четырехъ или пяти. Не трудно, кажется, уразумѣть его настоящее значеніе, прочитавши хотя одно только предисловіе. Мы въ правѣ предположить (и даже не въ правѣ предполагать ничего другаго), что здѣсь много учености, судя по огромной начитанности сочинителя; много остроумія, судя по его неоспоримой даровитой природѣ; счастливо и удачно разрѣшены многія частности дѣла: но, конечно, много увлеченія, естественнаго на окольныхъ дорогахъ и мелкихъ тропинкахъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ недостатокъ общаго и полнаго историческаго воззрѣнія, равно какъ нѣсколько промаховъ, неизбѣжныхъ въ началѣ столь трудной работы. Довольно уже этой драгоцѣнной откровенности автора, которая искупаетъ

и дастъ средства исправить или упорядочить всякую ошибку, всякое увлеченіе. Онъ самъ въ предисловіи разсказалъ намъ ходъ труда, признался въ своихъ затрудненіяхъ и замѣшательствахъ, откровенно обозначилъ недостатки, неровность слога, отсутствіе строгаго порядка, частыя повторенія. «Такимъ образомъ, говорилъ онъ, я самъ уже началъ рецензію моего сочиненія, указавъ на нѣкоторыя слабыя его стороны.» Издавая первый томъ, онъ прибавлялъ, что накопилось уже много другихъ, новыхъ замѣчаній; отпечатавъ, вскорѣ переплелъ его съ бѣлыми листами, чтобы вносить новое, дополнять, исправлять; черезъ нѣсколько времени былъ уже недоволенъ изданнымъ, близкимъ людямъ выражалъ желаніе во многомъ сдѣлать поправки, а черезъ нѣсколько лѣтъ даже печатно объявлялъ о томъ. Вотъ, на примѣръ, его отзывъ о той статьѣ перваго тома, въ которой доказывалъ онъ руссизмъ Аттилы, отзывъ, напечатанный спустя шесть лѣтъ: «я признаюсь, что эта статья одна изъ самыхъ слабыхъ въ моей книгѣ... Замѣчу еще, что въ I томѣ моихъ изысканій *очень многое* не вполнѣ развито и что можно сказать еще *очень многое* въ оправданіе и объясненіе всего этого (О хар. нар. пѣс. у Слав. Задун., стр. 17—19).» Къ сожалѣнію, въ нашей литературѣ человѣку даровитому слѣдуетъ иногда подражать бездарнымъ, то есть говорить свысока, заданнымъ рѣзкимъ тономъ въ общихъ фразахъ прикрывать прорѣхи своего дѣла, тѣмъ самымъ не впускать сюда умничать (хотя бы загородилась дорога истинно-умнымъ), и, главное, скромно помалчивая о своихъ недостаткахъ, вы-

пускать за собою стаю хвалебщиковъ, всегда готовыхъ дивиться вершинѣ, на которую имъ самимъ взлѣзть не подъ силу. Это оправдалось въ дѣйствительности.

Появленіе книги встрѣчено было такимъ разнообразіемъ мнѣній, что было бы трудно, да и нѣтъ большой нужды, перечислять ихъ. Довольно замѣтить, что болѣе основательныя сужденія высказаны были: въ Литературной Газетѣ О. I. Бичуринымъ; въ Вѣстникѣ Европы Каченовскимъ; въ Атенеѣ Кубаревымъ; въ Московскомъ Вѣстникѣ М. П. Погодинымъ. Это была единственная книга, извѣстіе о которой, послѣ Ориктогнозіи Фишера, сообщалось въ «Leipziger allgemeine Bücher-Kunde.» Оказалось даже нѣсколько пристрастныхъ приверженцевъ, на долго задивившихся «глубокомысленнымъ твореніямъ» Венелина; съ береговъ Днѣпра раздался голосъ, сравнившій автора съ Колумбомъ. Среди возгласовъ, доказавшихъ, что книга прочтена была охотно, хотя не совсѣмъ внимательно и не съ должной ученой оцѣнкой, послышалось въ тоже время много голосовъ недовольныхъ, возставшихъ противъ яркости или рѣзкости мнѣній; наконецъ нашлось даже нѣсколько горячихъ головъ и чувствительныхъ, благородныхъ сердецъ, старавшихся, въ доказательство терпимости мнѣній и оцѣнки личнаго увлеченія, распространить слухи о помѣшательствѣ автора: дальнѣйшее поведеніе ихъ спасено было тѣмъ, что обстоятельства наши не позволяли повторить исторіи Галилея. Какъ бы то ни было, нужно только жалѣть, что самъ Венелинъ не могъ въ достаточной мѣрѣ воспользо-

ваться замѣчаніями: пристрастные отзывы въ пользу сочиненія — не пользовали; безпристрастные ограничивались большею частію печатнымъ изложеніемъ содержанія книги; возражавшіе имѣли на своей сторонѣ много разсудка, но не вездѣ обличили достаточно свѣдѣній или истинно-ученыхъ данныхъ, оживленныхъ проницательностію взгляда; изслѣдованія строгой науки были еще впереди. Главный выигрышъ для самого сочинителя состоялъ въ томъ, что сдѣланъ былъ имъ первый шагъ, обращено на него всеобщее вниманіе ученыхъ, получилъ онъ какъ бы нѣкоторое право дѣйствовать на проложенномъ пути, занялъ нѣкоторое положеніе въ ряду писателей. Обстоятельства имѣли расположиться такимъ образомъ, что этотъ первый изданный трудъ условилъ и вызвалъ почти всѣ послѣдующіе, опредѣлилъ всю жизнедѣятельность автора, указалъ ему путь, на которомъ стяжалъ онъ впослѣдствіи безсмертную извѣстность. Но тогда не зналъ еще и не предъугадывалъ этого самъ Венелинъ; оставимъ и мы до времени эту сторону дѣла и воротимся къ судьбѣ изданнаго тома.

Со времени его выхода въ свѣтъ, не было строгаго ученаго, — какъ ни мало таковыхъ оказалось, — который, на поприщѣ изслѣдованія общеславянской и особенно болгарской исторіи, счелъ бы себя въ правѣ обойти указанія Венелина и не остановиться на нихъ со вниманіемъ, хотя бы для того, чтобы силою научнаго анализа опровергнуть или исправить; не было, надѣемся, исторически-образованнаго Славянина, хотя бы дѣйствовавшаго въ другихъ сферахъ изученія, который бы не про-

челъ съ любопытствомъ книги «о древнихъ и новыхъ Болгарахъ,» не принялъ многое къ свѣдѣнію, не сказалъ спасибо за указанія; не было, вѣроятно, у насъ историка-скороспѣлки, который бы не затронулъ книги съ какой либо общей стороны, и, не пускаясь далеко, въ самодовольствѣ не поглумился бы надъ преувеличеніями и увлеченіями; даже общая масса читающей публики на Руси унесла кое-какія общія черты Венелина и его труда въ оборотъ своего говора и журнальнаго толка. Доказательства всего сказаннаго—въ памятникахъ послѣдней двадцатипятилѣтней писменности общеславянской и русской; доказательство еще нагляднѣе въ томъ, что давно уже разошлось первое изданіе, давно требовалось другое, нынѣ выходящее. Но, при всемъ томъ, взглянувши на помянутую сферу обще-образованную, обще-пишущую по журналамъ и обще-читающую, можно бы подумать, что Венелинъ забытъ съ своимъ трудомъ: это тѣмъ болѣе было бы странно, что книга «о древнихъ и новыхъ Болгарахъ» во многихъ отдѣлахъ своихъ читается довольно легко и сообщаетъ нетрудное знакомство съ народомъ, судьбы коего такъ важны, особенно въ виду современныхъ событій. И въ самомъ дѣлѣ, не забытъ Венелинъ, а лучше спросимъ: сдѣлано ли послѣ него что либо замѣчательное въ томъ же родѣ? чѣмъ возбуждено любопытство читающихъ, чѣмъ вызваны отголоски повременныхъ изданій? Не забыто ли лучше самое дѣло, отчасти затронутое, отчасти созданное трудами незабвеннаго ученаго? Наконецъ, на поверхности обще-доступной русской литературы не цар-

ствовали ли въ наше время совсѣмъ иные интересы? Питая искреннее уваженіе къ послѣднимъ, позволимъ однако себѣ, при настоящемъ случаѣ, напомнить черты лица самого Венелина, въ высокой степени замѣчательнаго, равно какъ особенности дѣла его, не только близкаго къ сердцу всякого Русскаго, но даже засѣявшаго великую ниву для всходовъ, въ которыхъ да позволено будетъ прозрѣвать значительный приплодъ будущей жатвы. Въ своемъ обзорѣ мы будемъ имѣть въ виду не однихъ ученыхъ, а большинство читающихъ и образованныхъ.

Всѣмъ извѣстно и тысячу разъ повторялось, что разбираемое сочиненіе Венелина, помимо главнаго хода дѣла, не вездѣ обрисовавшагося съ полной ясностью, содержитъ въ себѣ много отступленій, много увлеченій и даже преувеличеній. Этотъ характеръ дѣятельности имѣлъ свой плодотворный исходъ, его оправдавшій впослѣдствіи, свое приложеніе внѣ книгъ и ученаго кабинета, о чемъ еще скажемъ ниже. Однако и въ сферѣ болѣе узкой, измѣряемой требованіями науки и ограниченной кабинетомъ и книгами, есть нѣсколько обстоятельствъ, весьма уважительныхъ и съ своей стороны оправдывающихъ Венелина. Заглянемъ въ его рабочую. Это не было сочиненіе, писанное на заданную тему, съ ограниченной и вполнѣ опредѣленной цѣлью: не много еще подобныхъ твореній насчитываетъ наука славянскихъ нарѣчій, немного еще нашлось для нея умовъ совершенно строгихъ, точныхъ и ясныхъ; область этого знанія, какъ и самая судьба племенъ славянскихъ, слишкомъ велика и обширна, чтобы

охватить ее однимъ опредѣленнымъ взглядомъ; слишкомъ глубоко уходитъ она своими корнями въ даль минувшаго и въ глубь всего существеннаго въ человѣческомъ мірѣ, чтобы можно было разомъ подняться на высоту общихъ выводовъ; наконецъ, слишкомъ тѣсно сплетается со всѣми вѣтвями современной исторіи, чтобы, говоря о ней, не затрогивать по неволѣ и того, и другаго, и третьяго. Миновать заразъ всѣ эти затрудненія,—значило бы только отказаться отъ предмета и обратиться къ другому. Венелинъ самъ высказывалъ слабость силъ своихъ, приносилъ такимъ образомъ собственную личность въ жертву осуждающаго мнѣнія, но самому дѣлу отдалъ лепту, въ надеждѣ, что и она поможетъ жизни славянской, обходимой западными учеными, вдовствующей и ожидающей помощи отъ родныхъ, отъ руки близкой. Это былъ сборникъ матеріаловъ, въ разное время собранныхъ и разобраныхъ; авторъ старался привести ихъ въ порядокъ, но невольно увлекался тѣми мыслями, которыя мгновенно освѣщали для него тотъ или другой рядъ историческихъ свидѣтельствъ, ту или другую темную сторону запутаннаго дѣла. Такъ точно, нерѣдко, одна какая либо черта современной исторіи, одинъ случай, одно событіе поднимаетъ въ чуткой головѣ тысячи вопросовъ, и по всему славянскому Востоку и Югу Европы пробѣжитъ ваша мысль, на всемъ пространствѣ пробудитъ отголоски, освѣтитъ нѣсколько пунктовъ въ судьбѣ и назначеніи племенъ, вамъ родныхъ и вами изучаемыхъ, тамъ и сямъ ярко вспыхнетъ сознаніемъ, тамъ и сямъ озарится надеждой: и, въ

тоже время, очень возможно, вы обманетесь въ выводахъ, по крайности въ быстротѣ ихъ осуществленія и претворенія въ дѣйствительность, а строгій разсудокъ воротитъ васъ туда же, откуда вы вышли, чтобы переизслѣдовать данныя. Такія-то вспышки озарявшейся мысли были естественны въ трудѣ Венелина, по самому существу труда, и безпрерывно увлекали подвижный до крайности умъ сочинителя, умъ, не споривший съ страстнымъ сердцемъ: подчиненный неудержимому ихъ вліянію, Венелинъ шелъ дальше и дальше, то совершенно оживлялъ предъ своимъ взоромъ минувшее, то рисовалъ картины странъ, имъ видѣнныхъ, имъ изученныхъ, заговаривался съ представившимися лицами, запѣвалъ пѣсню; порою замѣчалъ онъ уклоненіе, не могъ не чувствовать, что отбился на рубежъ крайнихъ увлеченій, спѣшилъ воротиться къ строгому дѣлу: но, попавши однажды на извилистый путь, могъ воротиться только тѣмъ же, и не инымъ путемъ. Начиналось снова серьозное изслѣдованіе, раскрывались мельчайшія черты и подробности, а силы, привыкшія развлекаться, готовы были снова повторить тотъ же кругъ переходовъ и увлеченій. Мы видѣли, какъ авторъ порою, сознательно и безсознательно, терялся въ такой работѣ; онъ бросалъ начатый трудъ, и потомъ съ новой восторженной энергіей брался за перо. Нельзя не замѣтить, что все это значительно оправдывается положеніемъ самого дѣла. Разумѣется, судьбы Славянства, опредѣлясь въ дѣйствительности, твердо обозначутъ точки и стороны для научнаго постиженія; но, пока еще не вскрылись для взора всѣ

жилы и руды этой сокровищницы; пока не только еще не выработаны массы драгоцѣннаго металла на диво и на показъ всѣмъ, но и взоръ еще не у многихъ навыкъ ихъ отыскивать и разомъ цѣнить: дотолѣ имѣютъ право всѣ увлеченія, обличающія не только полное сознаніе, но даже хотя бы инстиктивное представленіе важности дѣла; до тѣхъ поръ мы будемъ цѣнить и Венелина, и Коллара, и Челаковскаго, всѣхъ ученыхъ и поэтовъ славянскихъ, въ суммѣ ихъ увлеченій отличая мѣткія показанія сущности. А у Венелина есть эти крупныя зерна, подобранныя изъ исторіи, языка и быта. Не спѣшите называть ихъ парадоксами, соблазняясь примѣрами другихъ, рядомъ попавшихся увлеченій и преувеличеній: прежде поизучите, такъ, какъ Венелинъ, источники; воспитайте въ себѣ его воспріимчивость къ отгадкѣ смысла и духа славянской древности, отзовется ли онъ въ строгомъ историческомъ показаніи, въ имени ли, пословицѣ или ходячемъ преданіи; воспитайте такую поэтическую душу, успѣвавшую порою захватывать сущность не сѣтями анализа, а воспріимчивостію живаго чувства и пророчествомъ слова: тогда, быть можетъ, вы согласитесь съ Венелинымъ гораздо болѣе, чѣмъ предполагаете; а не согласитесь, опровергнете его тѣмъ же оружіемъ, — ваше и наше счастье, — получимъ новый и лучшій плодъ славянской науки. Но не беритесь за дѣло опроверженія, если намѣрены вы подбирать только обломки всеоружія западной учености или осколокъ какого нибудь ржавѣющаго желѣза ставить про-

тивъ стали искрометной. Тѣмъ не многимъ, коимъ удалось побороть выводы Венелина, поставивъ на мѣсто ихъ свои, яснѣйшіе, опредѣленнѣйшіе и точнѣйшіе, честь имъ и слава; но тѣхъ борцевъ, которые выходили на него безъ силы, съ одною лишь «ухваткою ученою, нѣмецкою,» пустилъ ихъ боецъ нашъ, какъ Кастрюка-Мастрюка.— Еще болѣе порывы его находятъ себѣ оправданіе въ личномъ характерѣ, крайне согласовавшемся съ неопредѣленнымъ и нестойкимъ положеніемъ дѣла. Загляните въ статьи, начиная съ самой даже внѣшней стороны, — вы откроете черты лица своеобразнѣйшаго. Сочиненія, сохранившіяся въ бумагахъ, всѣ на бѣло, безъ большихъ поправокъ, не исключая и тѣхъ трудныхъ мѣстъ, гдѣ вставлены переводы съ другихъ, и особенно древнихъ, языковъ: это доказываетъ съ одной стороны значительное владѣніе пріемами и средствами науки, съ другой стороны ясно, что авторъ не вездѣ владѣлъ собою на столько, чтобы возвращаться и передѣлывать; каждая такая статья,—порывъ; ему легче оборваться, перерваться, но не вернуться, чтобъ перемарывать. Подобнымъ образомъ и въ языкѣ нѣтъ постоянной и непрерывной ровности; не мудрено: въ немъ и нельзя ожидать особенной отдѣлки, ибо извѣстнѣйшія сочиненія Венелина носятъ обыкновенно характеръ первоначальныхъ разъисканій, и притомъ часто съ филологическими основами. За то слогъ вылитъ весь въ одинъ образъ,—вглядѣвшись въ него, вглядитесь въ Венелина. Тутъ не обработка внѣшняя, тутъ выработанный духъ, путемъ са-

мобытнаго развитія; развитіе, вы замѣчаете, шло не по тѣснымъ программамъ, не по узкимъ рамочкамъ, отмѣчено не нарѣзками, а вылилось въ цѣлый типъ, едва успѣвшій охватить всѣ выразительные переливы, всю подвижную физіономію; это быстрина, увлекающая не только бѣглыя и живыя изображенія, но даже и тяжелыя массы филологическихъ разысканій; движеніе, восходящее до лиризма; частые обрывы и разливы въ сторону; наконецъ, постоянная почти шутливость, или лучше юморъ, въ мѣстахъ самыхъ важныхъ; нигдѣ не видно желанія высказать или даже намекнуть на свое личное горе, не видно затаеннаго негодованія и злобы, при всемъ томъ, что жизнь автора вовсе не была сладка, и частныя письма его обличаютъ самыя драматическія движенія чувствъ. По образцу сѣверныхъ писателей и поэтовъ, могъ бы замучить васъ авторъ отголоскомъ собственнаго тяжелаго чувства: добродушный, онъ шутитъ съ вами. Однимъ словомъ, вездѣ природа югозападнаго Славянина. Самъ Венелинъ превосходно сознавалъ ее, въ ея различіи отъ природы Славянина сѣверовосточнаго: прочтите его разительную характеристику тѣхъ и другихъ племенныхъ вѣтвей въ сочиненіи «объ источникѣ народной поэзіи вообще и южнорусской въ особенности,» или въ статьѣ «о спорѣ между Южанами и Сѣверянами.» Наши писатели, столь склонные къ характеристикѣ всякой замѣчательной личности и нерѣдко столь плохо понимающіе ея права въ окружающей дѣйствительности, не замедлили снабдить

Венелина (подобно какъ Гоголя) своими строгими замѣчаніями, такъ, что въ статьѣ «о нашествіи Завислянскихъ Славянъ на Русь до Рюриковыхъ временъ,» онъ долженъ былъ отвѣчать на упреки въ *игривости*: «я ни чуть не нахожу, говорилъ онъ, моего сочиненія игривымъ; если оно дѣйствительно такое, то объяснитъ и извинитъ оное Психологія и Физіологія. Если есть въ природѣ пасмурныя души, то должны быть и веселыя. . . . Игривость въ изложеніи не понравиться можетъ только тѣмъ единственно, кои страждутъ сплиномъ или дряхлостью живота.» Источникъ этой игривости, быстроты, этого движенія, лежалъ не въ поспѣшности, не въ поверхностномъ взглядѣ на вещи, а во внутреннемъ характерѣ и умѣ самого сочинителя; отсюда же, на половину, истекало и разнообразіе статей его. Правда, по всюду и всегда древнія судьбы Славянства, особенно Руси и Болгаръ: но что дѣлать, если около ложилась Византійская путаница, да степь ордъ Азіатскихъ? Что дѣлать, если съ натурой нашего стараго казака-крайниика, мчался Венелинъ по этимъ необозримымъ украйнамъ, влекомый порывомъ столь живымъ и естественнымъ, хотя бы до самозабвенія? Онъ начинаетъ обыкновенно отдѣльную статью свою со всѣми средствами учеными, путемъ филологическимъ, въ предѣлахъ весьма точныхъ; но скоро увлекается одною, другою, третьей мыслію, идетъ за ними ко всѣмъ народамъ, во всѣ времена и эпохи; сначала рвется какъ потокъ, потомъ дѣлится на побочные рукава, даже мелкіе

ручьи, и прерываетъ статью, ослабѣвъ или надорвавшись. Большая часть сочиненій его безъ конца; напрасно упоминаютъ, что въ бумагахъ неотыскано продолженія: на дѣлѣ его не оказывается, да и нельзя предположить когда либо. Не поставимъ этого въ упрекъ единству и цѣльности трудовъ: это единство существовало, но существовало именно въ особенностяхъ личныхъ и не столько, можетъ быть, коренилось на сознаніи научномъ, сколько на представленіяхъ поэтическихъ. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы понять, какимъ образомъ научное положеніе у Венелина весьма часто переходило въ поэтическій образъ, нужно помнить, что авторъ имѣлъ глубоко-поэтическую южно-русскую натуру. Не говоря уже о тѣхъ увлекательныхъ описаніяхъ мѣстности, которыя вынесъ онъ въ послѣдующія статьи изъ своего путешествія, взгляните на тѣ страницы, въ которыхъ видите вы такъ часто человѣка-странника въ теченіе половины жизни, вдохновеннаго путешественника, глядѣвшаго на страну и взоромъ ученаго естествовѣда, и еще болѣе взоромъ поэта, воспитаннаго въ лонѣ Карпатской природы. Такова статья его «о древнихъ жилищахъ русскаго народа», таково, по поводу замѣчаній «объ обрахъ», превосходное описаніе странъ Дуная, Карпатъ, Седмиградіи, Валахіи; таковы истинно-поэтическія краски въ характеристикѣ «Южанъ и Сѣверянъ, въ спорѣ ихъ на счетъ Россизма», и т. д. Живость историческихъ его представленій доходила именно до поэтической яркости. «Я помню, говоритъ онъ (О характерѣ народныхъ пѣсенъ у Славянъ Заду-

найскихъ, стр. 57 и далѣе), что въ дѣтствѣ, проходя исторію, я пожелалъ знать точно также и древности Готѳовъ и Вандаловъ, какъ и Римскія: это потому, что мнѣ показался очень интереснымъ тотъ народъ, который завоевалъ отечество Виргилія, Горація, Овидія, или, что важнѣе всего, отечество храбраго Юлія Цесаря. Аннибала я очень любилъ потому, что Аннибалъ былъ молодъ, и храбръ, и уменъ, и такъ славно взялъ Сагунтъ. Въ его походѣ изъ Испаніи черезъ Галлію въ Италію я не отлучался отъ него ни на шагъ, за то и умѣлъ восхищаться всѣми затрудненіями, которыя онъ превозмогалъ въ своихъ переходахъ. Проходя далѣе Исторію, я полюбилъ и Аларика и Радогостя, и Генсерика, но Аларика еще больше отъ того, что онъ мнѣ, не знаю почему, показался также молодъ, какъ и Аннибалъ. Я имѣлъ любопытство просить учителя объяснить мнѣ, черезъ какія горы и рѣки велъ Аларикъ свои полки подъ Римъ? Такіе ли мечи были и у Готѳовъ, какъ и у Римлянъ? На такомъ ли основаніи велъ полки Аларикъ, какъ и Fabius cunctator или Julius Caesar, т. е. какъ Диктаторъ или просто какъ Консулъ? Просилъ показать мнѣ на ландкартѣ тотъ *Готѳскій* или *Вандальскій Римъ*, изъ которыхъ выплывали эскадры Генсериковы, поработившія Испанію и Африку; спросилъ, есть ли и у Готѳовъ Капитолій такъ же, какъ и у Римлянъ, или есть ли у нихъ свой Овидій, и будутъ ли мнѣ изъ него читать?» Сочинитель Некролога, помѣщеннаго въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1839 года, разсказываетъ два

любопытныхъ случая: «однажды вечеромъ, въ своемъ путешествіи въ Болгарію, сталъ онъ, отъ нечего дѣлать, описывать какой-то городъ, который сдѣлалъ на него сильное впечатлѣніе своимъ прекраснымъ мѣстоположеніемъ. Вдругъ, говоритъ онъ, перенесся я во время XIV или XIII вѣка, когда Турки осаждали этотъ городъ; на площади, передъ моими окнами, представились мнѣ Турки того времени и толпа Болгаръ, и изъ моего описанія вышла первая глава романа». Въ другой разъ, «окончивъ труды свои, пошелъ онъ со мною въ Дѣвичій монастырь. Веселый разсказъ его, по обыкновенію, начался анекдотами, потомъ перешелъ къ воспоминаніямъ о дѣтствѣ, и, когда мы пришли на Дѣвичье поле, онъ былъ уже на полѣ исторіи. Тутъ, остановясь посреди поляны, разсказалъ онъ намъ разъисканные имъ факты; указывалъ на тѣ стороны, откуда шли войска Самозванца и Жолкѣвскаго; перенесъ насъ въ Кремль, гдѣ въ это время шло постриженіе Василія Шуйскаго, и окончилъ такъ: что же оставалось дѣлать боярамъ? Войска Самозванца идутъ *оттуда*, войска Жолкѣвскаго стоятъ *тамъ* въ виду; они скорѣй къ нему на встрѣчу, вручаютъ Гетману, на Дѣвичьемъ полѣ, ключи Московскіе». Трофеи Карла Великаго и мирный вѣнокъ Лейбница отнимали у Венелина сонъ во время ночи и тревожили его въ часы дня. Въ наукѣ возставалъ онъ противу германской монополіи; на славянской землѣ воздвигнулъ грозный ликъ Волжскаго царя, Аттилы, который забавлялся трусостію Рима Восточнаго и грозилъ Западному: онъ любовался этимъ ликомъ, съ особенной

любовью рисовалъ черты его. Былъ еще третій дѣятель исторіи, питавшій поэтическое увлеченіе его ученыхъ изъисканій,—Ю. Цесарь. Цесарь и Карлъ приводятъ всю Исторію къ Риму: имъ противоборствуетъ Аттила, какъ представитель міра славянскаго. Какъ же не видѣть здѣсь, помимо науки, истинно-поэтическаго увлеченія, какъ не искать его въ личномъ характерѣ, и какъ не объяснить имъ многое и многое во всей дѣятельности!

Неужели послѣ этого мы, уже успѣвшіе ознакомиться съ пріемами западной цивилизаціи, не отдадимъ нѣкотораго права увлеченіямъ подобной личности и не оправдаемъ ихъ въ наукѣ? Давайте намъ такихъ личностей побольше, ибо, помимо ихъ строгихъ изысканій, самыя черты обрисовавшагося сочинителя сообщатъ намъ понятіе объ истинно-славянскомъ живомъ типѣ; мы даже готовы будемъ помириться съ мыслію, что до извѣстной степени таковъ характеръ славянской науки, не подавляющій всѣхъ личныхъ особенностей дѣятеля, подобно бытовому устройству Славянъ, массою общинныхъ требованій не заслоняющему права лица самобытнаго. Остается только одно впечатлѣніе, непріятное для нѣкоторыхъ: рѣзкость противъ ученыхъ авторитетовъ, то есть нѣмецкихъ критиковъ и изслѣдователей, противъ которыхъ вѣчно ратовалъ Венелинъ; обстоятельство это многихъ обижало, обижаетъ и, можетъ быть, еще будетъ обижать: о вкусахъ спорить не должно.

Итакъ книга «о древнихъ и новыхъ Болгарахъ» останется достояніемъ науки; если ученое изслѣдованіе шагнуло или шагнетъ далѣе, это не

помѣшаетъ уважать и цѣнить сочиненіе, выразившее собою пройденную эпоху; за исключеніемъ опровергнутаго и исправленнаго, останется всегда много дѣльнаго для поученія; кажущіеся парадоксы оправдаются, статься можетъ, новыми открытіями; парадоксы дѣйствительные вызовутъ истину непарадоксальную; всѣ увлеченія легко примирятся съ наукой при созерцаніи оригинальнаго образа самого творца, а своей подвижной энергіей будутъ питать умъ, менѣе строгій и спеціальный, болѣе живой и легкій; много въ нихъ выиграетъ народное чувство читающаго Славянина, многое затронетъ его сердце за живое.

Но есть еще особенная сторона въ дѣлѣ Венелина: она разрываетъ узкія требованія книги и кабинетной учености, выводя насъ на просторъ животрепещущей дѣйствительности. Къ ней-то обратимся теперь. Такія натуры, какова была натура Венелина, требуютъ обыкновенно, чтобы не разбросаться, одной спеціальной области занятій, на которую можно было бы устремить всю силу таланта. Счастливая судьба дала ему такую область, — именно область исторіи, языка и быта Болгаръ; по всему замѣтно, что, со времени появленія первой книги, все живое сочувствіе автора преимущественно склонялось отселѣ къ тѣмъ вопросамъ и статьямъ, которые именно принадлежали помянутой области; все остальное, отселѣ появлявшееся въ печати изъ подъ пера его, хотя обличало по прежнему ученость, даровитость и остроуміе, но далеко уступало на степени живости, дѣйственности и плодотворности. И здѣсь не безъ выигрыша осталась наука, но

это была наука книжная, кабинетная: между тѣмъ, въ отношеніи къ Болгарамъ, для Венелина явилась возможность одной великой монографіи, монографіи, которую чертилъ онъ отселѣ не на бумагѣ, а въ сердцахъ и умахъ цѣлаго возраждавшагося племени, чертилъ не перомъ, а собственнымъ присутствіемъ и живымъ вліяніемъ своей личности, создалъ и завершилъ всею послѣднею энергіею своей пылкой дѣятельности. Ближайшее начало такому неожиданному обороту дѣла положено было все-таки опять разбираемой нами книгой: она открыла ему путь ученаго странствованія въ Болгарію при пособіи Императорской Россійской Академіи; она же привязала къ нему въ первые сердца избранныхъ Болгаръ, еще до личнаго знакомства и будущихъ близкихъ сношеній. Весною 1830 года отправился Венелинъ въ вождѣленную страну классическихъ воспоминаній Славянства, и на первыхъ уже шагахъ получилъ много предвѣщаній и даже удостовѣреній во всей трудности, опасности и малоуспѣшности предпринятаго дѣла. Русскіе перебирались уже изъ-за границы послѣ знаменитой кампаніи. Изъ за Дуная продолжали тянуться болгарскіе переселенцы; значительная часть Предъ-балканья опустѣла въ слѣдствіе войны, заразы и выселковъ. Амнистія, объявленная Султаномъ, не успокоивала Христіанъ: они хорошо знали, что Турки не простятъ попытокъ возстанія и выраженнаго сочувствія къ Русскимъ; тамъ и сямъ завязывались сильныя распри, доходившія до кровопролитія. Въ скудномъ положеніи финансовъ, Турецкое правительство обложило купечество и зем-

ледѣльцевъ тяжкими податьми; запрещеніе вывоза хлѣба изъ Молдавіи и Валахіи пало прямо на жителей внутреннихъ областей, у коихъ Турки отнимали послѣдній кусокъ хлѣба. Изъ бѣглецовъ, не хотѣвшихъ или неуспѣвшихъ воспользоваться переселеніемъ, образовались въ горахъ цѣлыя шайки: фирманъ Султана не въ состояніи былъ бы защитить отъ нихъ, не защитилъ бы и отъ Турокъ, которые въ ученомъ изыскателѣ должны были видѣть подозрительнаго лазутчика. Все, что было у Болгаръ дорогаго въ памятникахъ древности, особенно письменныхъ, отчасти сгибло въ войну, отчасти растащено, развезено или разобрано вслѣдъ за выходцами и Духовенствомъ. Болѣе образованные Болгаре, которые могли бы быть руководителями, находились по городамъ Валахіи, Молдавіи, Бессарабіи, въ Германштадтѣ, въ Вѣнѣ, нѣкоторые даже въ Петербургѣ. Присоедините къ этому наконецъ то, что зачиналась уже холера и готовилась чума, опустошившая впослѣдствіи всю Болгарію. При всѣхъ подобныхъ затрудненіяхъ, при всей краткости пребыванія своего за Дунаемъ и въ Валахіи, при болѣзни и неоднократной, даже личной опасности, Венелинъ съ полной рѣшимостью и самоотверженіемъ совершилъ предпринятое дѣло, и совершилъ лучше и плодотворнѣе, чѣмъ кто либо смогъ бы на его мѣстѣ. Онъ вывезъ или снялъ достаточное количество рукописей, впослѣдствіи изданныхъ; составилъ записки о встрѣчавшихся печатныхъ книгахъ; мѣрами крайняго усилія собралъ значительное число народныхъ пѣсень; овладѣлъ живымъ языкомъ и собралъ множество матерьяловъ

для его изученія, въ данныхъ ходячаго говора; на мѣстѣ повѣрилъ и подкрѣпилъ многіе ученые вопросы, бывшіе прежде для него догадками, на примѣръ касательно именъ всѣхъ членовъ Аттилина рода; болѣе же всего выиграло, кажется, яркое представленіе топографическихъ особенностей туземнаго быта. Извѣстно, на сколько успѣлъ Венелинъ распорядиться собранными матерьялами. Черезъ полтора года странствованія, онъ вернулся въ Москву и окончательно основался здѣсь. Не вдругъ завязались его живыя отношенія къ Болгарамъ. Во время путешествія, кое-гдѣ только испытывалъ онъ искреннее сочувствіе туземцевъ, простыхъ и необразованныхъ. Между тѣмъ, послѣ 1829 года, Болгаре мало по малу возвратились къ прежнимъ своимъ жилищамъ и занятіямъ; въ своемъ разбродѣ, по городамъ Южной Руси и Валахіи, познакомились они съ первымъ томомъ Изысканій Венелина. Трудно передать, до какой степени задѣты они были за живое, съ какою жадностью читали и вдумывались въ судьбы свои, съ какимъ радостнымъ чувствомъ признали подобающее себѣ мѣсто въ кругу семьи славянской, прежде отнятое у нихъ нѣкоторыми писателями, заклейменное именемъ Татарщины, а теперь очищенное и возвращенное Венелинымъ; нѣкоторые, хотя впрочемъ, немногіе, успѣли его видѣть лично, воодушевиться его увлеченіемъ, пересказать свой восторгъ соплеменникамъ. Одинъ изъ послѣдующихъ главнѣйшихъ дѣятелей болгарскаго образованія, В. Е. Априловъ, по возвращеніи изъ Константинополя въ 1831 году, случайно нашелъ книгу Венелина: «этотъ томъ,

говоритъ онъ (Денница новоб. образов.), возбудившій общій энтузіазмъ въ Славянахъ, поощрилъ перваго меня къ занятіямъ. Долго искалъ я автора въ Петербургѣ и Москвѣ, чтобы просить его продолжать свои изысканія, потому что его положенія были торжествомъ для всѣхъ Болгаръ. Они видѣли въ немъ того генія, который можетъ извлечь ихъ изъ неизвѣстности, ознакомить ихъ съ ихъ братьями, Русскими, и поставить ихъ наравнѣ съ просвѣщенными народами. . . . При первомъ извѣстіи, что я открылъ мѣстопребываніе нашего Исторіографа, всѣ кинулись съ восторгомъ спрашивать объ немъ. Живущій въ Букарестѣ Г. Георгій Пѣшаковъ доставилъ мнѣ оду для отсылки Юрію Ивановичу.» Эту торжественную и восторженную оду желающіе могутъ найти во всѣхъ жизнеописаніяхъ Венелина. Въ 1831 году; покойный книгопродавецъ А. С. Ширяевъ получилъ изъ Букареста, отъ 30 Іюля, письмо Анастасія Стояновича-Кипиловскаго, замѣчательное во всѣхъ отношеніяхъ, такъ, что мы рѣшаемся привести его, не смотря на языкъ, затруднявшій Болгарина. «Почтенный Господинъ, А. С. Ширяевъ! Предъ нѣсколько дней счастіе имѣлъ пріять на рукахъ сочиненную Г. Ю. Венелинымъ книгу, подъ заглавіемъ «Др. и нын. Болгаре», которую шестой разъ нынѣ ненасытно прочитаю. Я Болгаринъ родомъ. Чувства мои относительно къ народу моему совсѣмъ сходственны тѣмъ чувствамъ, отъ которыхъ преисполнена и душа достопочтеннаго списателя сей книги. Я не знаю отъ чего, однакожъ должно

признаться, что въ душѣ моей возгорѣлся такой же восторгъ, что даже могу смѣло сказать, сравнивается съ восторгомъ самого почтеннаго списателя. Не могу объяснить Вамъ, сколько несчастнымъ почитаю себя, узнавъ, что мужъ сей, Г. Венелинъ, презимовалъ въ городѣ нашемъ, я же не имѣлъ счастья познакомиться съ нимъ. . . . Означенная книжка, т. е. первая часть, въ цѣломъ городѣ нашемъ одна для всѣхъ любопрочитателей нашихъ: потому прошу Вашу Милость благоволить первою почтою объявить мнѣ, отпечатаны ли и прочія части сего сочиненія, и послѣднюю цѣну каждой части, и слѣдовательно взнести Вамъ деньги на нѣсколько экземпляровъ. При томъ же теплѣ прошу изволить одолжить меня увѣдомленіемъ, гдѣ достопочтенный списатель, Г. Венелинъ, нынѣ находится, дабы могъ адресоваться къ нему благодарственнымъ посланіемъ, каковымъ долженствуетъ весь народъ отнестись къ сему безсмертному возобновителю, такъ сказать, болгарскаго существованія.» Венелинъ въ это время продолжалъ жадно заниматься исторіей, языкомъ, литературою Болгаръ, воскрешалъ свои воспоминанія и записки путешествія, но мало еще имѣлъ живыхъ связей съ покинутою страной. Въ 1834 году, среди занятій и отчетовъ для Академіи, онъ началъ печатать II томъ своихъ Историческихъ изысканій, подъ прежнимъ заглавіемъ; но дѣятельность, успѣвшая уже наклониться въ одну сторону, къ Болгарамъ, отбивала охоту отъ изслѣдованій, хотя близкихъ и родственныхъ, но все же постороннихъ, имѣвшихъ

предметомъ другія вѣтви Славянства; при томъ же внѣшнія обстоятельства были слишкомъ тѣсны, горе закрадывалось глубоко въ душу: «мысль, что мои занятія, говоритъ онъ («о зародышѣ новой болг. литер.» 1838, стр. 24), не приведутъ меня ни къ чему, кромѣ убытковъ, заставила меня прекратить изданіе II тома и *четвертый* корректурный листъ бросить подъ столъ.» Напрасно Кипиловскій ожидалъ появленія его сочиненій, чтобы воспользоваться ими для предполагаемой исторіи Болгаръ; не дождавшись, онъ уже рѣшался выдать послѣднюю и въ 1836 году, въ Февралѣ, написалъ о томъ новое объявленіе, въ которомъ останавливаютъ наше вниманіе слѣдующія строки (сообщаемъ въ переводѣ): «энтузіазмъ Венелина къ своему предмету такъ великъ, что, къ великому нашему стыду, не только доселѣ не съумѣли мы послѣдовать его примѣру, но даже не постарались, по крайней мѣрѣ, узнать и справиться, что съ нимъ сдѣлалось и по какой причинѣ не выходятъ въ свѣтъ остальныя части его труда, узнать для того, что, если бы не имѣлъ онъ средствъ, то помочь бы ему, или купить у него трудъ его и напечатать. Эти слова, желательно, чтобы тронули сердце всякаго ученаго и богатаго Болгарина, если оно еще не окаменѣло.» Болгаре не теряли однако же времени: возбужденные до энтузіазма, они готовили необходимѣйшія сочиненія и учебныя руководства, обдумывали предстоящее дѣло образованія, и въ 1835 году плодомъ ихъ усилій, въ особенности усилій *В. Апри-*

лова и *Н. Палаузова*, явилось Габровское училище, начало, образецъ и разсадникъ последующихъ другихъ. Поспешно известили Венелина обо всехъ успехахъ и начатомъ уже собираніи песень: отъ 22 Мая 1836 года онъ получилъ письмо изъ Одессы, подписанное обоими незабвенными деятелями болгарскаго просвещенія. «На это письмо, говоритъ Венелинъ, я не решался отвечать имъ потому, что не желалъ огорчить известіемъ, что отъ обстоятельствъ я решился не заниматься более ихъ древностями.» Въ самомъ же деле, какъ узнаемъ изъ другаго места, после неудачь поездки, «благородныя чувствованія, изложенныя въ означенномъ письме, неуспели изгладить въ немъ недоверчивости къ готовности Болгаръ (изъ последующаго письма къ Априлову).» Среди грустнаго настроенія души, онъ думалъ еще, что Пешаковъ, приславшій ему оду, «былъ одинъ Болгаринъ, который наконецъ захотелъ оценить его слабое адвокатство въ пользу соотечественниковъ (оттуда же).» Іюня 28, 1837 года, снова написано было Априловымъ письмо изъ Одессы; оно оканчивалось замечательными словами: «вы очень одолжите всехъ моихъ соотечественниковъ, если непрестанете трудиться въ пользу ихъ исторіи. Они поместятъ Васъ въ число своихъ благодетелей и потомство впишетъ Ваше имя въ храмъ безсмертія.» Благородныя чувства были слишкомъ явны и сильны, слова слишкомъ убедительны, чтобы после нихъ задумываться и сомневаться. Венелинъ еще прежде, тотчасъ по возвращеніи изъ поездки, понималъ уже всю ея

недостаточность и желалъ пополнить недостающее постояннымъ и живымъ сношеніемъ съ туземцами. Съ этой стороны необыкновенно замѣчательно письмо его къ Г. Инзову, писанное въ 1832 году. «Само собою разумѣется», говоритъ онъ здѣсь, «что въ такой странѣ, въ какой нѣтъ ни туземныхъ ученыхъ, могшихъ облегчить меня своими многолѣтними наблюденіями, ни книгохранилищь, въ коихъ бы можно было все обозрѣть, принужденъ будучи гоняться за всякою мелочью порознь, и все почти схватывал, такъ сказать, на лету, я, вопреки желанію и старанію моему, могъ и долженъ былъ иное упустить изъ виду... По сему, по возвращеніи въ Москву, главнымъ моимъ желаніемъ и почти обязанностью было пріобрѣсть въ той странѣ просвѣщеннаго корреспондента, который бы, при постоянномъ вниманіи къ могущимъ встрѣтиться письменнымъ древностямъ Болгаръ, равно и къ нынѣшнему ихъ состоянію, какъ въ домашнемъ быту, такъ и въ нравственномъ отношеніи, сообщалъ бы мнѣ постепенно свои замѣчанія и пріобрѣтенія, для умноженія и упроченія моего собранія свѣдѣній.» Не нашедши такого надежнаго человѣка между самими Болгарами, Венелинъ обратилъ все свое вниманіе на Бессарабскія поселенія, появленіе коихъ составило замѣчательнѣйшую эпоху въ судьбѣ Болгарскаго народа. Онъ надѣялся «учредить подобную наблюдательную точку въ Болградѣ, какъ въ центрѣ, въ которомъ можно найти людей изъ разныхъ областей придунайской и забалканской Болгаріи, или, по крайней мѣрѣ, бывалыхъ и жилыхъ въ тѣхъ мѣстахъ.» Съ этою цѣлію составилъ

онъ подробный проектъ дѣйствованія, представивъ его начальству тамошняго Попечительнаго Комитета и изложивъ возможность организаціи особыхъ чиновниковъ, для наблюденія за всѣмъ ходомъ болгарскаго образованія, за развитіемъ языка, словесности, общежитія, для собиранія памятниковъ, составленія Музея, содѣйствія русскимъ ученымъ. Однимъ словомъ, это замѣчательнѣйшій документъ, какой только оставилъ Венелинъ на память своей проницательности въ судьбы исторіи, своей талантливости и энергіи. Къ сожалѣнію, онъ не возъимѣлъ дѣйствія. «Такъ какъ я напрасно ожидалъ,— говоритъ Венелинъ въ одномъ письмѣ къ Априлову,—не только поясненій, но даже и отвѣта, то на 48 страницѣ я прекратилъ печатаніе II-го тома, и, въ справедливомъ негодованіи, чуть было рукопись не бросилъ въ огонь.» Теперь, послѣ помянутыхъ писемъ изъ Одессы, не оставалось желать ничего болѣе. Не медля нисколько, помѣстилъ онъ тотчасъ въ Московскомъ Наблюдателѣ 1837 года, въ сентябрской первой книжкѣ (вышла она собственно уже въ 1838 году), прекрасную статью *«О зародышѣ новой болгарской литературы»*, въ которой изложилъ вкратцѣ всю свою дѣятельность, исторію поѣздки, и то начало новаго будущаго, которое открывалось въ перепискѣ съ Болгарами. Статья эта, съ прибавленіемъ *книжка первая*, въ 1838 году отпечатана была особо и разнеслась по всей Болгаріи. Въ Октябрѣ 1837 года спѣшилъ онъ отвѣчать Априлову длиннымъ письмомъ, любопытнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Здѣсь изложилъ онъ исторію своей поѣздки, описалъ всѣ затрудненія, высказалъ нѣсколько справедливыхъ и го-

рячихъ упрековъ, расположилъ весь планъ послѣдующей дѣятельности болгарскаго просвѣщенія, обозначилъ пункты будущей переписки, поручилъ отыскивать памятники по тѣмъ слѣдамъ, которые успѣлъ открыть въ своемъ путешествіи, однимъ словомъ — высказалъ все, что только могъ, для возбужденія дѣятельности. До какой степени дорожилъ онъ зачатымъ дѣломъ, мы можемъ замѣтить изъ одного, наивно и просто высказаннаго желанія; благодаря за оду, присланную Пѣшаковымъ, онъ прибавляетъ: «но еще было бы пріятнѣе, если бы вмѣсто того прислалъ онъ мнѣ народную пѣсню.» Закипѣла дѣятельность; началась значительная переписка, въ которой, кромѣ Априлова и Палаузова, скоро приняли участіе и другія лица; Венелинъ зналъ о всемъ, что только совершалось въ духовномъ развитіи Болгаръ; оживляемый притоками энергіи, изливавшейся изъ души возраждаемыхъ, онъ отвѣчалъ на нее новыми запросами, новыми планами; отыскивались древніе памятники, собирались пѣсни, издавались книги, заводились училища, и все это, или прямо, или посредственно, имѣло постоянное отношеніе къ Венелину. Является на сцену дѣло развитія и просвѣщенія цѣлаго племени; въ него уходитъ вся личная дѣятельность Венелина. Кто захотѣлъ бы знать первую судьбу этого развитія, тотъ можетъ обратиться къ «*Денницѣ ново-болгарскаго образованія*», сочиненію В. Априлова, изданному въ Одессѣ 1841 года; кто захотѣлъ бы вникнуть еще глубже, тому оставалось бы изучить подробнѣе поѣздку и переписку Венелина, чтобы потомъ сопоставить и связать одновременныя и послѣдующія явленія бол-

гарскаго образованія. — Тогда же, наконецъ, въ Болгаріи собрана была подписка на полученіе II-го тома, и авторъ самъ довелъ печатаніе до шестнадцатаго листа. Замѣтно было по всему, онъ какъ бы молодѣлъ.

Однако прежняго горя и воспитанной имъ наклонности было достаточно для того, чтобы отравить въ самомъ началѣ обновившуюся дѣятельность и не дать вкусить достойныхъ плодовъ ея. Присоединилось и еще обстоятельство: казенное мѣсто было потеряно. Нѣсколько мѣсяцевъ за тѣмъ Венелинъ отдавался напряженнымъ занятіямъ, а жизни между тѣмъ грозило болѣе и болѣе разрушеніе. Самъ уже наконецъ, какъ врачь, понявши свое положеніе, онъ отправился въ Университетскую клинику: тамъ не было мѣстовъ. По возвращеніи, на порогѣ своей комнаты, больной упалъ, пораженный ударомъ. Скоро подана была помощь, но не на долго. И. И. Молнаръ поспѣшилъ взять и отвезти его въ Павловскую больницу. Спустя нѣсколько часовъ, Юрій Ивановичь скончался на рукахъ своего стараго друга и брата, передъ самой заутреней Свѣтлаго Воскресенія, 26 Марта 1839 года, спустя ровно 16 лѣтъ по прибытіи съ тѣмъ же сотоварищемъ въ Хотинъ. Марта 29, въ середу на Святой, происходило погребеніе; братъ, знакомые, студенты и члены Историческаго Общества проводили тѣло въ Даниловъ монастырь, туда, гдѣ послѣ легъ Языковъ, Валуевъ и Гоголь.

И такъ вотъ какое дѣло совершено было Венелинымъ: дѣло почти безпримѣрное въ исторіи Славянства, чтобы усилія одного лица, при крайне скудныхъ средствахъ, могли привести съ собою

духовное возрожденіе пятимилліоннаго племени. Тотъ не пойметъ никогда всей великости подвига, кто живую и дѣятельную сторону, нами очерченную, отрывать будетъ отъ сочиненій Венелина, и прежде всего отъ его книги о Болгарахъ. А если такъ, то мы имѣемъ въ книгѣ не одно ученое пріобрѣтеніе, но главнымъ образомъ событіе всей современной исторіи Славянства. Потому-то не у однихъ ученыхъ должна она быть въ рукахъ: сю долженъ дорожить всякій образованный человѣкъ изъ Русскихъ и Болгаръ, связанныхъ отселѣ не однимъ только ходомъ историческихъ событій, но даже сознаніемъ, наукой, современной письменностью и училищами Болгаріи. Съ одной стороны, всѣ дѣла Венелина, отъ насъ и у насъ начавшіяся, съ другой все современное состояніе образованной и мыслящей Болгаріи, — вотъ два звѣна, заковывающія для будущаго рядъ плодотворныхъ явленій. Пишущій эти строки благодаритъ Бога и считаетъ себя вполнѣ счастливымъ, если успѣлъ провести далѣе хотя одну изъ стезей, проложенныхъ Венелинымъ, въ изданіи или обработкѣ собранныхъ и открытыхъ имъ матерьяловъ; почтетъ себя счастливымъ, если, по долгу глубочайшаго уваженія къ покойному, этой статьей напомнитъ и уяснитъ сколько нибудь ходъ и значеніе его подвига, совершеннаго для соотчичей и Болгаръ.

Какъ скоро печальная вѣсть о смерти Венелина разнеслась по Болгаріи, туземцы поражены были глубокимъ горемъ. Тотъ самый Болгаринъ, который нѣкогда привѣтствовалъ достойнаго писателя торжественной одой, написалъ въ Букарестѣ 1839 года, Іюня 12, «Рыданіе на смерть-та Ю. И.

Венелина.» Память покойнаго осталась навсегда въ сердцахъ истинныхъ Болгаръ, какъ священная память благодѣтеля. Это первое имя, которое слышитъ ребенокъ, приходя въ болгарское училище; первое имя, которое везетъ съ собой юноша, ищущій образованія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Россіи, везетъ какъ нѣкоторое право на дѣлежъ свѣдѣній, какъ знамя связи, скрѣпившій отнынѣ просвѣщеніе того и другаго племени. Великолѣпный памятникъ воздвигли Болгаре на могилѣ своего возродителя; каждый изъ нихъ, бывая въ Москвѣ, считаетъ долгомъ поклониться дорогому праху.

Дѣло Венелина оказалось истинно-великимъ: но не много блага удѣлило оно самому творцу при жизни его, не много и не достаточно озарило скромную и даже горькую участь его; съ другой стороны, обнаруживая въ жизни современной доселѣ продолжающееся вліяніе, не проведено оно было по всѣмъ путямъ, указаннымъ Венелинымъ, не всѣми и даже не многими воспринято для продолженія, а еще менѣе оцѣнено и понято. Русскіе и Болгаре въ долгу еще передъ памятью покойнаго и не могутъ не почувствовать внутренняго упрека, если положатъ руку на сердце. Одноплеменникъ нашь, по ходомъ событій отчужденный, изъ за Карпатъ пришелъ онъ къ намъ, нося въ сердцѣ горячую любовь къ родной Руси, въ умѣ ревность по благѣ нашей мысли, въ глубинѣ души твердую вѣру въ величіе судебъ нашего предназначенія; довѣрчиво, отъ имени нашего, обратился къ Болгарамъ, возсоздалъ и связалъ на долго духовный союзъ между ними и нами; на поприщѣ нашей литературы дѣйствовалъ, и дѣйствовалъ къ ея чести;

не много отъ насъ требовалъ, не много нашихъ издержекъ израсходовалъ, и оставилъ еще наслѣдство мысли, возбужденности, даже бумагъ, еще не исчерпанныхъ въ своемъ содержаніи. Однако все-таки несправедливо было бы умолчать, что сочиненія Венелина печатались постоянно у насъ на Руси; уже по смерти его, собранныя и объясненныя имъ грамоты изданы нашей Академіей; въ Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, пока не прекратилось ихъ изданіе, помѣщаемо было много статей покойнаго; собранныя имъ болгарскія пѣсни недавно явились во Временникѣ, который и впередъ, чаятельно, дастъ мѣсто бумагамъ ученаго, если онѣ тщательно будутъ осмотрѣны и отобраны. При всемъ томъ, при всей важности вопросовъ, поднятыхъ Венелинымъ, они остаются для Русскихъ не единственными, не первостепенными: мы только забыли его дѣло и привели необходимость печатно напоминать объ немъ. Для Болгаръ же они все, и Болгаре не отвѣтили ожиданіямъ Венелина, въ такой мѣрѣ, въ какой имѣлъ право желать онъ при жизни и требовать, какъ награды, по смерти. Передъ самой поѣздкой въ Болгарію, написалъ онъ тѣ глубоко-трогательныя строки въ дневникѣ своемъ, которыя конечно извѣстны каждому по его жизнеописанію. Онъ страшился будущаго, «досадовалъ, что, бросивъ медицину и насущный хлѣбъ на время, пустился въ изысканія, коихъ конца предвидѣть неможно и кои въ сіе время столь мало цѣнятся.» Темное предчувствіе сбылось въ тяжести предстоявшихъ ученому затрудненій, которыя отчасти уже перечисляли мы и которыя все-таки побѣдилъ Вене-

линъ. За Дунаемъ Болгаринъ отбилъ у него Цароставникъ, пріобрѣтеніе котораго ласкало ученаго сладостнѣйшей надеждой; подобное же событіе случилось съ нимъ въ Варнѣ. Въ другихъ случаяхъ, по собственному признанію одного письма, много вредила ему въ разысканіяхъ «врожденная Болгарамъ, сопряженная съ необразованностію, нѣкоторая недовѣрчивость. Я на опытѣ узналъ,— говоритъ онъ,— что иные дѣйствительно отъ меня скрывали свои книги, коими, по неимѣнію печатныхъ, чрезвычайно дорожатъ. . Дорожа своими книгами, не легко рѣшаются и за деньги уступить оныя; иные же, интересаны, за небольшую книжицу думаютъ составить свою фортуну (и это продолжается еще нынѣ).» Съ пѣснями была таже судьба, опять, къ сожалѣнію, не устраненная доселѣ. «Всякой разъ, говоритъ онъ, когда я просилъ господъ Болгаръ продиктовать мнѣ пѣсню, они удивлялись, не понимая, къ чему это, наконецъ заключали, что въ этомъ таится что либо тайное, и начисто отказывали. . . Одни подстрекали другихъ не давать мнѣ пѣсень, а другіе смотрѣли мнѣ въ карманъ». Потерявъ надежду получить отъ Болгаръ какія либо археологическія и историческія данныя, или даже достаточное количество пословицъ и пѣсень, путешественникъ сосредоточилъ все свое вниманіе и изученіе на митрополичьей библіотекѣ Букареста, которой обязаны мы изданными въ послѣдствіи актами и грамотами. Но и тутъ не переставала его преслѣдовать недовѣрчивость и подозрительность: «я былъ бы довольно счастливымъ, писалъ онъ изъ Валахіи, если бы не мѣшали моему спокойствію. Мнѣ кажется, что я между четырьмя

глазами. Это часто заставляетъ меня погружаться въ самыя печальныя догадки. Я теперь также несчастенъ, какъ Жанъ-Жакъ нѣкогда въ Лондонѣ.» Такое положеніе, превышавшее силы души довѣрчивой, теплой и мягкой, разразилось тяжкой психической болѣзнью: Венелинъ вернулся въ Москву растерзанный. Долгое время не получалъ онъ отъ Болгаръ не только поддержки въ средствахъ внѣшнихъ, но даже и участія; тогда-то, подъ бременемъ бѣдности и безучастія, хаживалъ онъ на Крымскій бродъ, въ бурю, въ дождь; стоитъ, бывало, тамъ часа два, не сводя глазъ съ воды, и мнѣ бывало любо, повторялъ онъ, что природа отвѣчаетъ своею бурею моему чувству. Все это равнодушіе Болгаръ къ дѣлу своего образованія, такъ долго томившее Венелина въ безъизвѣстности и одинокости, описалъ онъ живыми и мѣткими упреками въ одномъ письмѣ къ В. Е. Априлову. Наконецъ, дѣло приняло благой оборотъ, о которомъ говорили мы выше: честь его принадлежитъ нѣсколькимъ Болгарамъ, имена которыхъ должны остаться вѣчно незабвенными для Болгаръ; таковы были, главнымъ образомъ, В. Е. Априловъ, Н. С. Палаузовъ, А. С. Кипиловскій, Г. Ѳ. Нѣшаковъ. Но Венелинъ скоро скончался; ему послѣдовали Априловъ и Палаузовъ; Кипиловскій и Нѣшаковъ сошли съ поприща дѣйствія, оторванные отъ сношеній съ Русскими, забытые въ глуши Валахіи, неоцѣненные молодыми дѣятелями. Благодаря имъ, Венелинъ въ послѣдніе годы жизни видѣлъ нѣсколько отрадныхъ мгновеній; безъ нихъ, дѣло его забыто въ истинномъ смыслѣ или получило иной оборотъ. Новая болгарская письменность получила

вліянія изъ иныхъ центровъ, вліянія разнородныя и расторгающія связь съ Русью: изъ Вѣны, Парижа, Букареста, Константинополя. Молодые образованные люди, нахватавшись вершковъ Европеизма, далеко не сравнялись со стариками въ горячей любви къ отечественному просвѣщенію, или, понявъ его ложно, наводняли доселѣ писменность ненужными переводами и занятыми общими взглядами; а между тѣмъ, описаній мѣстности, быта, статистическихъ свѣдѣній о своемъ народѣ, хотя бы въ его современности, пѣсенъ, пословицъ, образцовъ народной рѣчи,—ничего этого не даютъ они или слишкомъ мало даютъ другимъ Славянамъ и ближе всего — самимъ себѣ. Что пользы въ ихъ чувствованіяхъ къ Венелину, когда они безплодны, не ведутъ къ дѣлу или ведутъ къ дѣлу иному? Что ему въ громкихъ и напыщенныхъ похвалахъ, въ названіи голубчика, которое иные Болгаре придаютъ ему? Что ему въ великолѣпномъ памятникѣ, въ добавокъ не теперешними Болгарами воздвигнутомъ, ему, прожившему и умершему въ горькой бѣдности? А между тѣмъ никто изъ Болгаръ не позаботился даже хорошенько разобрать оставшіяся послѣ Венелина бумаги, при всей ихъ любопытности и важности; никто не позаботился издать ихъ, на мѣсто праздныхъ разглагольствій современной болгарской письменности, тогда какъ все дѣло въ средствахъ изданія; исключеніе только за тѣми «Критическими изслѣдованіями», которыя отпечатаны были въ 1849 году на иждивеніе Н. П. Денкоглу, благодаря неусыпнымъ стараніямъ Н. И. Молнара и безкорыстной ревности одного московскаго ученаго Слависта. Не говоря о другихъ

любопытныхъ бумагахъ, напомнимъ, что въ нихъ доселѣ лежитъ забытая и столь нужная Болгарамъ Граматика языка ихъ, съ огромными усиліями составленная Венелинымъ, при цѣлой кипѣ предварительныхъ работъ, записокъ и замѣчаній, особенно важныхъ богатствомъ матерьяла. Судьба этого труда стоитъ вниманія. Изъ путешествія своего ученый привезъ много данныхъ языка: но сочинить изъ нихъ Граматику — трудъ былъ не малый, требовавшій много времени, тогда какъ средства жизни добывались одними уроками и статьями; естественно, дѣло подвигалось медленно. Однако въ 1835 году оно было кончено, и, для сбереженія тратъ пересылки, доставлено въ Академію съ молодымъ ученымъ К. Самъ авторъ относился объ Граматикѣ такъ, что въ ней передано живое нынѣшнее болгарское нарѣчіе, что она писана для Русскихъ, а слѣдовательно для всякого европейскаго филолога, и что потому самому, наконецъ, приняла она видъ не школьный, а академическій. Для того, чтобы оцѣнить ее, нужно принять къ свѣдѣнію нѣсколько обстоятельствъ. Во первыхъ, извѣстна мысль сочинителя, что Болгаре суть вѣтвь Руси и языкъ ихъ—нарѣчіе языка русскаго; во вторыхъ, во время краткой поѣздки, не могъ онъ изучить многихъ мѣстныхъ подрѣчій и говоровъ, а довѣряя современной ему письменности легко могъ составить объ языкѣ нѣкоторыя особыя, исключительныя понятія; въ третьихъ, онъ самъ придавалъ труду своему одно значеніе опыта. Тѣмъ не менѣе, опытъ Венелина выше опыта многихъ другихъ, и потому могъ бы быть весьма полезенъ Болгарамъ, если бы за разборъ и распо-

ряженіе богатымъ матерьяломъ взялась рука человѣка знающаго, умѣющаго понимать особенности взгляда Венелина и смыслъ употребленныхъ имъ знаковъ. Въ Сентябрѣ 1835 года сочинитель получилъ изъ Академіи отзывъ А. Х. Востокова, который, за указаніемъ мѣстъ сомнительныхъ, прибавлялъ: «не смотря однакожъ на сіе и на другія мѣста, въ которыхъ я не могу согласиться съ Г. Венелинымъ, нахожу я въ Грамматикѣ его весьма много дѣльнаго, и полагаю, что изданіе ея въ свѣтъ принесетъ большую пользу языкознанію славянскому.» Въ переговорахъ о печатаніи, которое Венелинъ хотѣлъ вести самъ, прошло довольно много времени; дѣло окончательно не состоялось въ 1837 году, и съ тѣхъ поръ Болгаре не хотѣли подумать или не додумались о немъ, принимая въ свою писменность уродливыя показанія Миклошича, странности Цанковыхъ, едва ли объяснимыя въ хорошую сторону, и тому подобныя, неудачныя попытки. Но пусть все это такъ: хоть бы продолжалось дѣло Венелина въ томъ же духѣ и по тѣмъ направленіямъ, какъ началъ онъ самъ, или какъ поддержали современные ему дѣятели Болгаріи,— и того нѣтъ. Мало: не видится и не предвидится участія къ такому дѣлу, кто бы ни началъ его. Не пора ли опомниться и обозрѣться вокругъ болѣе яснымъ и безпристрастнымъ взоромъ? Да послужитъ настоящее изданіе помятникомъ для воспоминающихъ, зеркаломъ для обозрѣвающихся.

П. Безсоновъ.

1855 года,
Іюня 25.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Выпуская въ свѣтъ вторымъ изданіемъ сочиненіе близкаго моего роднаго и друга Ю. И. Венелина, и предоставляя подробнѣе сказать, или, лучше, напомнить о немъ П. А. Безсонову, я съ своей стороны считаю долгомъ остановить вниманіе читателей на слѣдующихъ двухъ обстоятельствахъ.

Первое изданіе все разошлось. Между тѣмъ, сознательно или безсознательно, по любви къ вопросамъ, столь любопытнымъ, или изъ одной памяти объ имени Венелина и изъ желанія достать рѣдкую книгу, но только тамъ и сямъ слышались запросы на изслѣдованіе «о Болгарахъ.» При всѣхъ затруднявшихъ меня обстоятельствахъ, я поспѣшилъ все-таки удовлетворить требованіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ уже прошло двадцать пять лѣтъ,

какъ имя Венелина и его книга, нынѣ вторично издаваемая, продолжаютъ неотразимо и впечатлительно дѣйствовать на умы Болгаръ, вызывая ихъ къ изученію прошедшаго, къ пониманію настоящаго, къ образованію и сознанію религіозной и племенной связи съ Русскими. Судя по тому, надѣюсь, что книгу поспѣшатъ пріобрѣсти съ одной стороны сами Болгаре, съ другой, и можетъ быть еще прежде, тѣ Русскіе, которые захотятъ подѣлиться съ ними благотворнымъ плодомъ, созрѣвшимъ на почвѣ Руси и въ ея сердцѣ Москвѣ; потомъ найдутся вѣрно Русскіе, которые пріобрѣтутъ и для себя. Если же обманусь я, и требованія на книгу, прежде слышанныя, окажутся на дѣлѣ одной прихотью, я не буду жалѣть о совершенномъ предпріятіи: я исполнилъ долгъ любви и памяти къ покойному. Я вѣрю и убѣжденъ, что слова его не останутся безъ вліянія; что два-три лишнихъ человѣка, имѣющихъ прочитать книгу, вознаграждены будутъ за вниманіе многими добрыми сѣменами умственнаго развитія; что даже прихоть человѣка, остановившаго взоръ свой на сочиненіяхъ Венелина совершенно случайно, можетъ заронить въ его душу лишнюю мысль, заставитъ его подумать, потомъ вдуматься, а потомъ убѣдиться въ одной думѣ, разубѣдиться въ другой: и дѣйствіе

окажется не лишнимъ, не безполезнымъ. Есть вѣрованія, есть мысли и убѣжденія, которыя не легко проникаютъ къ людямъ, ибо идутъ тихо, по видимому въ убожествѣ и даже пренебреженіи; богатый и сильный остановится передъ ними развѣ изъ одной прихоти, какъ передъ страннымъ или странникомъ; но случается, что, остановившись, онъ войдетъ въ ихъ положеніе или по крайности затронется чувствомъ, побратается — хоть на время, поколеблется въ величіи своей силы, своего богатства, передъ лицомъ той жизни, которая шла скорбнымъ и труднымъ путемъ развитія; яркость прежнихъ убѣжденій его и привычекъ, быть можетъ ложныхъ, потускнетъ передъ строгою истиной, единой сильной, единой богатой, хотя бы наружность ея не была обольстительна съ перваго взгляда.

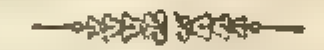
Есть и другое обстоятельство: оно лежитъ у меня на душѣ, хотя не разъ уже, писменно и словесно, я объявлялъ о томъ. Со всѣмъ тщаніемъ сбереженныя, хранятся у меня многія сочиненія Венелина; не всѣ полныя, но еще неизвѣстныя и не бывшія въ печати, не всѣ важныя, но еще не уступающія многимъ современнымъ произведеніямъ ученыхъ. Пытаюсь еще разъ съ именемъ покойнаго напомнить о наслѣдствѣ его, оставленномъ для Болгаръ и Русскихъ; подожду еще, не захотятъ ли имъ воспользоваться наслѣдники; не при-

дутъ они,—я совершилъ все-таки долгъ душеприкащика.

Настоящія исправленія и дополненія, сравнительно съ прежнимъ изданіемъ, конечно, оцѣнены будутъ любителями науки и книжнаго дѣла.

Иванъ Молнаръ.

1856 года,
Февраля 27 дня.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

ВВЕДЕНІЕ.

Прежде нежели приступимъ къ разсмотрѣнію исторической тяжбы Болгаръ, мы должны нѣсколько познакомиться съ нынѣшнимъ ихъ состояніемъ, а послѣ уже слѣдовать за ними въ древность.

1) Болгаре.

Болгаре (нынѣшніе) — племя Славянское, одного рода со всѣми прочими: *Россіянами, Поляками, Чехами, Кроатами, Словенами, Сербами,* и проч.

2) Жилища Болгаръ.

Жилища Болгаръ, если исключить ихъ колоніи въ южной Россіи, находятся въ Турецкой Имперіи. — Трудность или нерадѣніе были причиною, что до сихъ поръ мы не могли имѣть полныхъ и вѣрныхъ какъ статистическихъ, такъ и *народописныхъ* свѣдѣній о семъ Государствѣ. Все почти писанное объ ономъ до нынѣ, отнюдь не изображаетъ вполнѣ всѣхъ характерическихъ чертъ сего политическаго тѣла; да и то большею частію составлено изъ поверхностныхъ извѣстій, касающихся почти исключительно до однихъ Турокъ, и анекдотовъ изъ сераля, рынка, бань, кофейныхъ домовъ и проч.

1

Зная, что вся масса сей державы состоитъ изъ совершенно разнородныхъ частей, укрѣпляемыхъ между собою проницательною политикою Порты, надлежало бы постараться изобразить взаимное отношеніе оныхъ между собою, что однако еще ни кѣмъ не исполнено. Главное искомое здѣсь понятіе—о населенности Турціи по количественной пропорціи каждаго изъ населяющихъ оную народовъ. Въ семъ отношеніи нѣкоторые стали было дѣлать опыты, которые однако основаны на догадкахъ. По сему и количество Болгаръ и пространство, ими занимаемое, было загадкою. Числомъ обыкновенно полагали ихъ до одного или $1^{1}/_{2}$ милліона, основываясь предположительно на пространствѣ земли, называемой *Болгаріею*. И подъ этою вывѣскою таилось все понятіе нашей географической братьи о количествѣ сего народа, стѣсненномъ въ узкіе предѣлы небольшой страны! Нынѣ, по вѣрнымъ извѣстіямъ, если разобрать народонаселеніе каждой Турецкой области порознь, выйдетъ слѣдующее положительное свѣдѣніе:

Населеніе *Болгаріи* составляютъ:

a) Главное *Болгаре*.

b) Частное Турки, Волохи, Греки.

Населеніе *Румеліи* составляютъ:

a) Главное *Болгаре*.

b) Частное Турки, Греки и проч.

Населеніе *Македоніи* составляютъ.

a) Коренное *Болгаре*.

b) Частное Турки, Греки.

Населеніе *Албаніи* составляютъ:

a) Главное Скипетари, (Албанцы, Арнауты).

b) Частное *Болгаре*.

Населеніе *Ѳессаліи* составляютъ:

Волохи, *Болгаре*, Турки, Греки.

На сей разъ не могу сказать, до какой точки простирается Болгарскій народъ къ югу (въ Ливадіи), или простирается ли въ самомъ дѣлѣ. По крайней мѣрѣ извѣстно, что въ прежнія времена они простирались, въ смѣси съ Греками, до самой южной оконечности Мореи, гдѣ слыли подъ именемъ *Езеритовъ* и *Миленниковъ* (Const. de adm. imp. c. 50). Слѣды ихъ видѣть можно, кромѣ историческихъ свидѣтельствъ, и изъ Славянскихъ названій разныхъ мѣстъ какъ въ Ливадіи, такъ и въ Мореи. Вообще Болгаре живутъ болѣе въ селеніяхъ, чѣмъ городахъ, которые преимущественно населены Имперскими привилегистами, предоставившими себѣ честь жить на счетъ чужихъ трудовъ, Турками, или даже Греками. Въ Болгаріи есть города, населенные и одними Болгарами. Впрочемъ они не совсѣмъ чужды и Румельскихъ и Македонскихъ городовъ. Такъ, на примѣръ, въ *Инджигѣ*, подлѣ Константинополя, живутъ (какъ утверждаетъ одинъ Грекъ, въ своемъ Resumé Géograph. de la Turquie. Paris 1826 стр. 501) одни Болгаре, и занимаются приготовленіемъ толстыхъ суконъ; равно и въ *Бѣлградѣ*, не подалеку отъ упомянутой столицы. Тотъ же Грекъ говоритъ (стр. 529), что три городка *Буюкъ-Бегикъ*, *Базаръ-Джедидъ*, и *Сидеро-Капши*, лежащихъ у Контесскихъ и Салоникскихъ береговъ Архипелага, населены одними Болгарами, и проч. Многое еще объяснится въ подробнѣйшемъ описаніи сихъ странъ.

Еще замѣтимъ, что въ VIII вѣкѣ сдѣлано было Имп. Іустиніаномъ II столь значительное переселеніе Болгаръ изъ Европейскихъ областей Имперіи въ Аналію, что цѣлая область заселена была ими, которая

въ послѣдствіи доставляла Имперіи до 30,000 отборныхъ солдатъ. Не знаю, уцѣлѣло ли потомство сего обширнаго поселенія; по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ никому, кажется, не вздумалось хотя нѣсколько о немъ поосвѣдомиться. Впрочемъ это неудивительно, если вспомнимъ, что не заботились извѣдать и о Болгарахъ Румельскихъ и Македонскихъ.

(Однако изъ разсказа одного Болгарина я угадываю, что Румельцы имѣютъ объ Анатольскихъ своихъ единоплеменникахъ нѣкоторое свѣдѣніе. Одинъ литераторъ показывалъ мнѣ нѣсколько листовъ церковной книги, писанныхъ уставомъ и полууставомъ, и вывезенныхъ, по увѣренію его, изъ Анатоліи. Впрочемъ это подлежитъ еще изысканію.)

Сверхъ сего извѣстно, что значительная часть Болгаръ поселилась въ разныхъ округахъ Новороссіи и Бессарабіи. Значительную часть населенности многолюднаго города Кишинева составляютъ сіи Задунайскіе выходцы, и занимаютъ часть города, называемую *Болгаріею.* По Молдавіи, Валахіи и Трансилваніи много ихъ разбрелось семействами.

3) Масса ихъ или количественное отношеніе.

Изъ сего видно, что Болгаре въ Европѣ числомъ превосходятъ Турокъ, тѣмъ больше еще Грековъ, такъ что ихъ, по превосходству, можно признать за господствующій народъ въ Европейской Турціи.

Здѣсь замѣтимъ причину, почему при такомъ количествѣ Болгарскаго народа, имя Болгаріи ограничено только въ предѣлахъ страны, и нынѣ извѣстной подъ симъ именемъ? Потому, что въ сей странѣ преимущественно Болгаре были самостоятельны; Ру-

мелія же или Ѳракія и Македонія, почти всегда принадлежавшія Имперіи, хотя и были населены Болгарами, но не могли быть переименованы въ такое имя, которое не принадлежало сему государству. Вообще и Имперскіе Болгаре, и сами Греки назывались Римлянами (*Ρωμεοι*).

Не менѣе значительна масса Болгаръ и въ отношеніи къ прочимъ Славянскимъ племенамъ. Они еще нынѣ многочисленнѣе Сербовъ, Кроатовъ, Поляковъ и самихъ Чеховъ, кромѣ Россіянъ. Если бы сей народъ не понесъ значительныхъ потерь отъ долговременнаго желѣзнаго ига и убійственной политики Порты, отъ чумы; если бы сей народъ во всѣхъ странахъ, имъ обитаемыхъ, до нынѣ оставался господствующимъ, то за вѣрное можно предположить, что нынѣ могъ бы быть столь массивнымъ, столь же колоссальнымъ, какъ и Россіяне. — Сіе-то понятіе должно предохранять насъ отъ дурныхъ предположеній касательно бытія сего народа въ давно-прошедшія времена.

4. *Языкъ и сродство.*

Языкъ *Болгарскій* отличается отъ всѣхъ прочихъ сродственныхъ, какъ-то: отъ Сербскаго, Кроатскаго, Словенскаго, Русскаго и проч. и составляетъ совсѣмъ особое Славянское нарѣчіе. На сей языкъ Славянскіе литераторы столь же мало обращали вниманія, сколько и на самый народъ. Я написалъ подробный разборъ его по всѣмъ частямъ рѣчи. Вообще языкъ сей болѣе всего подходитъ къ Сербскому, и послѣ къ Мало-Россійскому. Сербы довольно хорошо понимаютъ Болгаръ, точно какъ Поляки или Кроаты

Чеховъ. Впрочемъ они говорятъ такъ скоро, что съ трудомъ поймешь въ разговорѣ и слова, тожественныя съ Русскими.

5) Паденіе Болгарскаго Государства.

Государство сіе существовало съ древнѣйшихъ временъ и теряется въ хаосѣ, такъ называемаго Скиѳскаго міра. Оно возвышалось и нисходило попеременно по всѣмъ степенямъ могущества, пока наконецъ, по общему ходу дѣлъ человѣческихъ, не сокрушилось подъ ударами враговъ своихъ, и не потеряло политическое свое бытіе. Народъ однако не переставалъ существовать и до нынѣ. Мало свѣдѣній объ немъ имѣется теперь потому, что съ тѣхъ поръ, какъ государство сіе исчезло изъ среды Европейскихъ державъ, Турки заняли его мѣсто, и укрывали Болгаръ отъ взоровъ Европы. Конечно той же участи подвержены и Греки; но они, въ этомъ отношеніи, были счастливѣе; прошедшее ихъ существованіе безпрестанно отражалось въ воображеніи Европейцевъ посредствомъ спасенныхъ ими Греческихъ историческихъ памятниковъ. Въ огромныхъ кипахъ Византійскихъ лѣтописей Восточная Имперія изображена до мельчайшихъ подробностей. Сверхъ сего Греки, бывъ подъ властію Венеціанъ, прежде всѣхъ Турецкихъ подданныхъ пріучились нѣсколько къ Европейской промышленности и образованности. Значительная часть ихъ, разсѣявшаяся по разнымъ странамъ Европы, присутствіемъ своимъ безпрерывно напоминала о себѣ и несчастномъ своемъ отечествѣ; и вообще народъ Греческій столько знаменитъ, что нельзя позабыть его совершенно. Болгаре не имѣли тѣхъ выгодъ. Населяя самыя вну-

треннія части Европейской Турціи (съ одной стороны они прикрываемы были Волохами, съ другой Сербами, съ запада Албанцами, съ юга, отъ Мореи, Греками) и укрываясь отъ писателей въ сельскихъ своихъ жилищахъ, преданы забвенію.

Въ этомъ отношеніи болѣе посчастливилось Сербамъ, ихъ сосѣдамъ, хотя они ихъ и малочисленнѣе. Это приписать должно ихъ сосѣдству съ Австрійскою Имперіей, а отчасти и съ Италіей, и пребыванію ихъ въ самой Венгріи въ значительномъ количествѣ. Сербы образованностію и просвѣщеніемъ почти опередили нынѣшнихъ Грековъ; ихъ юношество образуется въ разныхъ Академіяхъ Венгріи и училищахъ высшихъ наукъ; отличнѣйшее купечество Венгріи состоитъ большею частью изъ Сербовъ; нѣкоторые даже изъ среды ихъ распространяютъ кругъ своихъ коммерческихъ дѣйствій и на прочія Европейскія государства. Сербы служатъ Венгріи какъ въ военномъ, такъ и въ гражданскомъ званіи *). Россія и Австрія имѣли изъ среды ихъ многихъ отличнѣйшихъ Генераловъ. Наконецъ и возродившаяся у нихъ литератута обратила на себя вниманіе Европейскихъ ученыхъ, и заслужила почетное мѣсто во всеобщей *языкописи* (Λογογραφια). Впрочемъ всѣ сіи преимущества извѣстности заслужены одними Венгерскими Сербами, коихъ слава отражается и на ихъ Турецкихъ собратій, живущихъ въ Сербіи. Но эти послѣдніе такіе же невѣжды, какъ и Болгаре. Однако и они дали о себѣ знать военнополитическимъ своимъ подвигомъ, подъ предводительствомъ *Георгія Петровича*, прозваннаго *Чернымъ*.

---

*) Это нынѣ измѣнилось. *Изд.*

Болгаре не имѣли подобныхъ о себѣ возвѣстителей и, если бы имя ихъ не отзывалось громко и со стукомъ оружія въ Византійскихъ лѣтописяхъ, то Европейцы забыли бы объ нихъ совершенно. Сей народъ лишился не только отечества, но и исторіи. До сихъ поръ еще никто не обработывалъ оной надлежащимъ образомъ. (Сочиненная *Рангелѣ* и *Енгелемъ* кратка и недостаточна, ибо составлена не изъ собственныхъ его источниковъ, но изъ чужеземныхъ.) Чтобы возвратить нынѣшнему Болгарскому народу историческое его достоинство, надлежало бы насмотрѣться на живую картину прошедшаго его бытія, и тѣмъ облагородилось бы наше понятіе о немъ. Не стану приводить здѣсь доказательствъ Историческихъ, сколько важны и занимательны свѣдѣнія о семъ народѣ; скажу только, что Болгарія еще въ XIV столѣтіи, на примѣръ въ царствованіе Короля Александра, съ 1330—1354 года, играла довольно значительную роль. Тогда еще она владѣла, кромѣ собственно такъ называемой Болгаріи, отчасти Валахіею и нѣкоторыми сѣверными округами Романіи и Македоніи. Въ могуществѣ не уступала тогдашней Имперіи Цареградской, и Короли ея придерживались своихъ претензій на обладаніе Греціею. Титулъ Александра былъ: *Царь и Самодержецъ Всеболгарскій*, *Грегескій*, *Албанскій* и проч. Угодно же было судьбѣ, чтобы въ то самое время, когда Россіяне освобождались отъ ига Татаръ, ихъ близкіе собратья пали подъ ярмо Татаръ же Туркестанскихъ!! «Златовѣнчанный левъ Болгаріи (гербъ ея) лежитъ», какъ выражается Раичь, «распростертый на землѣ, удавленный Магометанизмомъ.» Дѣло въ томъ, что Туркестанъ поглотилъ три (и болѣе) независимыя Государства: 1-ое Имперію, которая въ по-

слѣднія времена походила болѣе на порядочное Княжество, и высокое значеніе слова *Имперіи* едвали ей годилось; 2-ое, Славянское Королевство *Болгарію;* 3-е, сильное Княжество *Сербію* и *Кроацію*, и проч.

Между тѣмъ, какъ Европейскіе публицисты, человѣколюбивые политики, *охали* надъ судьбою Грековъ; межъ тѣмъ, какъ вселенскіе летучіе листки испещрены именемъ Фанаріотовъ, Суліотовъ, Идріотовъ, Еллиновъ и проч.; между тѣмъ, какъ всякая политическая голова не преминула разсуждать о возрожденіи или нѣтъ Византійскаго орла..., Болгаре не бывали и въ помпнѣ, даже никакой Славянинъ не рыдалъ надъ тѣломъ зарѣзаннаго льва. Почему же такъ?.. Огромное его туловище заброшено въ Балканскихъ, Македонскихъ и Румельскихъ лѣсахъ; тамъ питается имъ чудовище двурогое, вышедше изъ пустынь Аравіи; перья же орла вѣтромъ разнесены по бѣлому свѣту.

И такъ паденіе Царства Болгаръ вмѣстѣ повлекло за собою и ихъ неизвѣстность.

Казалось, что война Россіянъ съ Турками въ Болгаріи какъ въ прошедшемъ, такъ и въ настоящемъ столѣтіи, подастъ поводъ къ обращенію особеннаго на сей народъ вниманія, и къ исторженію его изъ неизвѣстности. Это обстоятельство дѣлается еще тѣмъ важнѣе, что нашъ церковный, Священный языкъ, кромѣ многихъ другихъ обстоятельствъ Русской Исторіи, еще и до сихъ поръ считается загадочнымъ. Иные приняли оный за древній Моравскій, другіе за Сербскій, безъ убѣдительныхъ доказательствъ на то и на другое. Далѣе Сербовъ (къ Востоку), по неизвѣстности Болгаръ, никто несмѣлъ шагнуть; и знаменитый даже Добровскій отважился въ Македонію не иначе, какъ подъ Сербскимъ конвоемъ. Онъ принялъ языкъ Священнаго писанія,

хотя не совсѣмъ рѣшительно, за *Сербо-Болгаро-Македонскій.* (См. его *Кирилла и Меѳодія,* перев. М. Погодина, стр. 110.)

Не смотря на всю занимательность обширнаго Болгарскаго народа, нельзя не удивиться, что не только Карамзинъ никакого не обращалъ на нихъ вниманія, но и другіе новѣйшіе народописцы, при исчисленіи Славянскихъ племенъ, большею частью совсѣмъ не упоминаютъ о Болгарахъ, живомъ нынѣшнемъ народѣ, между тѣмъ какъ исчисляютъ истребленныхъ Славянъ Померанскихъ!! Пусть иностранцы, по невѣдѣнію ли, или по нерадѣнію, мало о нихъ заботятся, но тѣмъ непростительнѣе намъ забыть Болгаръ, изъ рукъ коихъ мы получили крещеніе, которые насъ научили писать, читать, на коихъ природномъ языкѣ совершается наше Богослуженіе, на коихъ языкѣ, большею частію, писали мы почти до временъ Ломоносова, коихъ колыбель сопряжена неразрывными узами съ колыбелью Русскаго народа, и проч. Quod erit demonstrandum.

б) *Имя народа.*

Собственное имя народа, т. е. то, которымъ онъ самъ себя называетъ, есть...., или спросите лучше всякаго Болгарина, кто онъ таковъ? Онъ отвѣтитъ вамъ: «*Азъ самъ Бэлгаринъ*» или во множественномъ: «*Ны сми* «*Болгаре.* Карамзинъ, вѣрившій ихъ Татаризму, склонялъ неправильно *Бэлгары, Болгаровъ* и проч. Иные даже пишутъ *Булгары, Булгаръ* или *Булгаровъ.* Всякій согласится, что сіе имя должно склонять, какъ и Россіянинъ, Англичанинъ, Датчанинъ; и если нельзя говорить *Россіяны, Россіяновъ*, то не менѣе и *Болгары, Болгаровъ;* деретъ уши не только Русскому Грамматику, но и всякому Болгарскому поселянину. Несторъ склонялъ сіе имя правильно: *Болгаре, Болгаръ.* По чему же не слѣдовали ему наши писа-

тели? — Сообразно сему надо писать *Болгарія*, а не *Булгарія*, какъ этому мы выучились было отъ иностранцевъ.

7) *Болгарская Іерархія.*

Болгарская Іерархія, во время самостоятельности своего отечества, находилась подъ управленіемъ собственнаго Патріарха, имѣвшаго пребываніе, то въ *Доростолѣ* или *Дристрѣ* (Силистріи), то въ *Охридѣ* или *Ахридѣ* въ Македоніи, или въ *Терновѣ*, т. е. сообразно политическимъ обстоятельствамъ. Онъ правилъ своею паствою независимо отъ Патріарховъ Восточной Имперіи; по сему и всю его Іерархію можно принимать за особенную церковь, т. е., по *Болгарскому* или Славянскому Богослуженію, за *Славянскую*, хотя она ни въ догматахъ, ниже въ обрядахъ своихъ, ничѣмъ не отличалась отъ собственно Греческой. Въ томъ же смыслѣ называется и Іерархія Антіохійскаго Патріаршества *Сирійскою Церковью*.

За паденіемъ государства долженъ былъ неминуемо послѣдовать и упадокъ Іерархіи. Въ XV столѣтіи, а именно около 1463 года, Болгарскіе Архипастыри, пребывавшіе въ городѣ *Терновѣ*, именовались *Патріархами Терновскими и всея Болгаріи*; Архіепископъ же Ахридскій именовался *Архіепископомъ Ахридскимъ, Іустиніаны первой, и всея Болгаріи*.

(Въ XIV столѣтіи, во время существованія Болгарскаго государства, Россійское духовенство, безъ сомнѣнія, было коротко знакомо съ Болгарскимъ, отъ коего переходило много сочиненій на Русь. Тогда Болгарскій народъ, господствуя и въ Валахіи и въ Молдавіи, не былъ столь удаленъ отъ Рос-

сіянъ, а жилъ съ ними смежно, какъ мы увидимъ обстоятельнѣе послѣ. Сверхъ многаго другаго, занятаго Россіянами у него, было, кажется, обыкновеніе Русскихъ Архипастырей (въ Кіевѣ, Москвѣ и Львовѣ) прилагать къ своимъ титламъ и *всея Россіи*, въ подражаніе Болгарскимъ, кои только одни, до Россіянъ, сіе имѣли обыкновеніе.)

По завоеваніи въ 1453 году Константинополя, и Цареградскій и Терновскій Патріархи очутились подъ однимъ правленіемъ. Порта, лишивъ Христіанъ собственнаго ихъ правленія, не лишила однако ихъ *духовнаго*; Патріарху Цареградскому вполнѣ подтверждено его достоинство и власть въ управленіи. Однако не такъ обходилась она съ Болгарскимъ, коего, на первый случай, предоставила самому себѣ; власть его однакожь стала уменьшаться со дня на день, и Турки не иначе стали смотрѣть на него, какъ на простаго Архіерея, который, вопреки имъ, крѣпко придерживался своего титула. Словомъ, Греки довели до того, что Болгарскіе Патріархи унижены на степень Екзарховъ и подчинены Цареградскому Архипастырю, и тѣмъ отворенъ путь ихъ монахамъ на Болгарскія каѳедры.

И такъ нынѣ, при соединеніи двухъ Іерархій въ одну, оба разнородныя племена, и *Болгаре* и *Греки*, управляются вмѣстѣ однимъ духовнымъ начальствомъ, выбираемымъ изъ среды обоихъ народовъ. Македонскія или Румельскія Епархіи можно назвать и Болгарскими и Греческими; первыя потому, что простой эпархіальный народъ есть Болгаре, и Богослуженіе производится на Славянскомъ языкѣ; *послѣднія* же, ибо главною частію управленія болѣе завѣдываютъ Греки. По недостатку подробнѣйшихъ оффиціальныхъ свѣдѣній объ Европейской Турціи, вообще, я не могъ

до сихъ поръ собрать въ подробности самыхъ точныхъ и опредѣленныхъ извѣстій о всѣхъ Епархіяхъ, въ предѣлахъ коихъ расиространенъ Болгарскій народъ, ниже означить ихъ предѣловъ, и взаимныхъ ихъ между собою отношеній. Главнѣйшія изъ нихъ суть:

Въ Болгаріи: 1) Митрополитъ въ *Терновѣ*, именующійся и Екзархомъ всея Болгаріи, 2) Митрополитъ или Архіепископъ въ *Варнѣ*, 3) Архіеп. въ *Силистріи*, 4) Архіепископовъ въ *Тріадицѣ*, т. е. Софіи, 5) Епископъ *Ловицкій*, въ Ловчѣ или Ловицѣ зависятъ отъ Екзарха Терновскаго; *Замаковскій* (въ Замаковѣ) отъ Софійскаго.

Въ Македоніи: 1) въ *Изкопѣ* (Uskup, Scopia) Митрополитъ, 2) въ Салоникѣ Архіепископъ или Митрополитъ же, 3) въ *Вереѣ* Архіепикоспъ, 4) въ *Касторіи* Архіепископъ, 5) въ *Середѣ* Архіепископъ, 6) въ *Кюпрели* Епископъ, зависящій отъ Салоникскаго, 7) въ *Кюстендилѣ* Епископъ и проч.

Прежде были Архіепископскія Каѳедры и въ Видинѣ и въ Охридѣ; но нынѣ, по видимому, упраздены Портою. — Прочее можетъ намъ объяснить, и много пользы принести внимательное путешествіе по всей Европейской Турціи; тогда можно бы изложить главныя черты и Болгарской церковной Исторіи.

8) Религія, политическое состояніе, просвѣщеніе.

Болгаре большею частью Греческаго исповѣданія. — Какъ Турки составляютъ сами исключительно военный классъ, а по сему и дворянское, такъ сказать, сословіе, то Болгаре, въ отношеніи гражданска-

го ихъ бытія, представляютъ родъ мѣщанскаго сословія и вообще земледѣльческій классъ. Хлѣбопашество, винодѣліе, садоводство, скотоводство, а преимущественно овцеводство есть исключительное ихъ занятіе.

Не имѣя ни правъ, ни законовъ отечественныхъ, Болгаре обезпеченіе жизни и собственности должны ожидать отъ свойствъ и характера областныхъ Пашей, или Комендантовъ крѣпостей. Посему участь гражданскаго ихъ бытія выставлена на произволъ военной необузданности ихъ побѣдителей. Сверхъ сего, врожденная Турецкой черни гордость и ненависть къ иноплеменникамъ и иновѣрцамъ бываетъ весьма часто причиною наглыхъ оскорбленій и дракъ.

Умственное состояніе Болгаръ соотвѣтствуетъ ихъ политическому. Будучи рабами, они погружены въ невѣжество, общее не только имъ, но и ихъ господамъ.— Можетъ быть, это зло предотвратила бы хорошо устроенная Іерархія, если уже Болгарамъ не дозволено имѣть собственныхъ высшихъ сословій; но и Іерархія, къ несчастію, въ плачевномъ положеніи. — При недостаткѣ училищъ для образованія юношества, опредѣляемаго для священнаго званія, бѣлое духовенство, обыкновенно, на той же съ простымъ народомъ степени просвѣщенія. Сверхъ сего, политика Порты не позволяетъ Болгарамъ, какъ и прочимъ Христіанамъ, ни сооружать, ниже обновлять старыхъ церквей, въ чемъ просители могутъ успѣть развѣ при большихъ пожертвованіяхъ. — Само собою разумѣется, что при невыгодныхъ обстоятельствахъ, недостаткѣ въ церкви, или духовникѣ, не одинъ Болгаринъ бросился въ объятія Исламизма. Сверхъ сего, Латинскіе монахи, привлекая Турецкихъ Христіанъ къ

Упіи, коснулись и Болгаръ, между коими однако гораздо меньше Уніатовъ, чѣмъ между Греками, Армянами и Сербами.

9) Литература.

О Болгарской Литературѣ нечего и говорить, ибо она еще не возродилась.

Впрочемъ и между ними стали появляться любители просвѣщенія и письменности отечественной, на примѣръ, Гг. Іорданъ *Геновигъ* и Василій *Неновигъ*. Въ 1824 году изданъ въ *Брашовѣ* (въ Кронштадтѣ, въ Трансилв.) Болгарскій *Букварь*, церковными буквами, и на Болгарскомъ языкѣ, — подъ заглавіемъ: *Букварь, св различны поученія, собрани отъ Петра Беровича; за Болгарски-тѣ оучилища. Напечатася св помощьта Г. Антоньова Іоанновича. Въ годѣ* 1824. Я не видалъ ни одной Русской азбуки, которую бы можно сравнить съ достоинствомъ сей книжки, весьма поучительной; изложеніе статей ея ясно, слогъ пріятный, показывающій, что Болгарскій языкъ гибокъ для всякихъ оборотовъ; сія книжка въ 141 стран. Къ ней прибавлено объявленіе о подпискѣ на слѣдующія книги, которыя намѣревались издать:

1. «*Священное цвѣтособраніе, собрано отъ ветхі-атъ и новы-атъ завѣтъ.*»

2. «*Лексиконъ малкій на 4 языцы: Болгарски, Грегески, Влашки и Россійски.*»

3. «*Грамматигеска Етимологія на тѣже 4 языцы.*»

4. «*Катихизисъ на наша православна вѣра.*»

5. «*Священная Исторія за ради дѣца-та.*»

6. «*Грамматика Болгарска.*»

Успѣхъ сего предпріятія мнѣ еще неизвѣстенъ; а о прочемъ въ другой разъ.

10) Характерическія черты Болгаръ.

«Болгаре», говоритъ одинъ Грекъ въ своемъ сочин. (Resumé Géorg. de la Turq. p. 401), «вообще роста высокаго, сложенія и силы атлетической, постоянны, трудолюбивы и неустрашимы. — Разгласили было, будто они негостепріимны; но я, напротивъ, могу увѣрить, что въ деревняхъ путешественникъ вездѣ принимаемъ съ отличною вѣжливостью и радушіемъ. Молодыя дѣвушки выходятъ ему на встрѣчу, и бросая предъ нимъ разные цвѣты, приглашаютъ его остановиться въ пріятной хижинѣ ихъ родителей. Впрочемъ въ большихъ городахъ надобно прибѣгать къ гостинницамъ. — Турки не такъ гостепріимны, какъ Болгаре.» Притомъ они опрятны во всемъ ихъ домашнемъ быту. Вотъ нѣкоторыя черты нравственнаго и тѣлеснаго характера сего несчастнаго народа, нѣкогда благороднѣйшаго изъ всѣхъ Славянскихъ племенъ. — Я представилъ бы ихъ моимъ читателямъ въ видѣ болѣе пространномъ и живомъ, еслибы случилось мнѣ посѣтить всѣ сіи области.

Начало Исторіи всякаго народа болѣе или менѣе темно. Тому доказательствомъ служатъ разныя Историческія изслѣдованія ученыхъ людей. Всякій просвѣщенный Историкъ старался проникнуть въ мрачную древность, чтобы отличить и оживить темную картину давнопрошедшаго бытія своихъ предковъ. Вотъ о чемъ заботится Историческая критика. Но взоръ

изыскателя - критика обыкновенно простирается почти только до перваго лѣтописателя, который въ свою очередь, и съ своей точки, глядя въ туманную древность, безъ всякихъ вѣрныхъ пособій, откликается намъ о видѣнномъ имъ. Положеніе его, какъ *зрителя*, бываетъ всегда самое опасное, скользкое. Счастливъ тотъ изъ нихъ, у кого было здравое душевное зрѣніе, и кто могъ въ потемкахъ избѣгнуть привидѣній. Во всякомъ однако случаѣ, *свѣдѣнія* лѣтописца, касательно давнопрошедшихъ до него временъ, суть большею частію *предполагательныя*, которыхъ отнюдь нельзя принимать за истину, не повѣривъ оныхъ прежде критикой. Посему, всякъ согласится, что и взоръ первыхъ лѣтописателей былъ ограниченъ, и могъ простираться только на извѣстное пространство, опредѣляемое естественностію. Посему, 1-е, отвергаются отклики тѣхъ, кои по своей легковѣрности, игривости воображенія или лживости, говорятъ о тѣхъ временахъ, до коихъ они не могли проникнуть. 2-е, Отдаленнѣйшую точку, до коей досягало зрѣніе перваго правдолюбиваго лѣтописателя, нельзя признавать за первую эпоху бытія какого либо народа, на примѣръ, Русскаго съ 862 года. Вообще, въ объясненіи начала Исторіи того или другаго народа, надлежитъ поступать съ отмѣнною строгостію и осмотрительностію не только къ источникамъ, но и къ самому себѣ; ибо а) ошибки лѣтописцевъ, б) неправильное или педантическое толкованіе ихъ изреченій, в) недоумѣніе между ими и нами, весьма легко могутъ подать поводъ къ заблужденію и нелѣпостямъ.

Главное правило — ни я, ни ты, ни онъ не смѣй выдавать себя за пробирную палатку, въ коей должна быть признаваема истина, или опредѣляемы сте-

пени вѣроятностей. Эта честь принадлежитъ *здравому разсудку* и *естественности.*

Сіи мысли невольно родились во мнѣ при взглядѣ на древнюю Европейскую Исторію, которая почти вся (исключая Грецію и Италію) состоитъ изъ весьма загадочныхъ мѣстъ.

Всякій Европеецъ старался, болѣе или менѣе, рѣшить задачи въ Исторіи своего отечества; всякій желалъ, болѣе или менѣе, прославить своихъ предковъ велерѣчивымъ описаніемъ ихъ дѣяній, или лучше, всякій желалъ прославиться громкостію ихъ имени. По сему побудительному поводу, бросились изъискивать и начало своего собственнаго племени, и его происхожденіе. Отваживаясь на-легкѣ за отдаленнѣйшую точку историческаго слѣда своихъ предковъ, многіе поспѣшили присвоить имъ названія неизвѣстныхъ и совсѣмъ загадочныхъ народовъ: Шведы *Готовъ*, Нѣмцы *Германовъ*, Поляки *Сарматовъ*, Венгры *Гунновъ* и *Аваровъ!*

Между тѣмъ, при распространеніи въ Европѣ просвѣщенія и усовершенствованія Исторіи, стали являться затрудненія, объясненія, изъисканія, предположенія, догадки, доказательства, опроверженія, сомнѣнія . . . Такъ родилась Историческая критика, и споры то перестаютъ, то возобновляются и донынѣ.

Здѣсь замѣтимъ, что въ прошедшемъ столѣтіи не во всѣхъ частяхъ Европы равно занимались историческою критикою, которая требуетъ трудовъ, терпѣнія и постоянства. Нѣмцы преимущественно, по своему характеру, принялись за нее. Французы не имѣли терпѣнія для ея утомительной работы, и согласились лучше вѣрить крикамъ съ сей стороны Рейна, что предки ихъ, *Франки*, были отличными Дайчерами.

Между Поляками, нѣкоторые стали было приниматься за сіе занятіе, но голосъ ихъ былъ такъ слабъ, что нельзя было принять ихъ рѣшенія. Россіяне еще не имѣли ни одного критика, который бы могъ засѣдать во всеобщемъ судѣ. Венгры имѣли отличныхъ изъискателей, но только для домашнихъ надобностей.

И такъ должно отдать полную справедливость и первенство, въ изъискательныхъ трудахъ, *Тайтовскимъ* племенамъ, какъ Датчанамъ, Шведамъ, Англичанамъ, но преимущественно Нѣмцамъ. Германія была верховнымъ и почти единственнымъ Историческимъ судилищемъ, предъ которое долженъ былъ предстать весь древній Европейскій міръ до Карла Великаго, множество исчезнувшихъ народовъ онаго, отъ которыхъ остались въ лѣтописяхъ только имена и ихъ имущество — *слава.* (Слава или хорошее мнѣніе о человѣкѣ составляетъ одну изъ лучшихъ частей его имущества, сказалъ какой-то философъ.)

Хотѣли узнать, кому принадлежитъ сіе наслѣдство, и нашъ Историческій Ареопагъ превратился въ аукціонный торгъ, на коемъ все почти, знаменитое въ Европейской древности, приписано Нѣмцамъ, безъ всякихъ ясныхъ на то документовъ. Такъ, напримѣръ, *Готы*, *Герулы*, *Квады*, *Маркоманы*, *Аланы*, *Франки*, *Лонгобарды* (иные даже покусились было и на *Вандаловъ*); равно какъ *Варяги*, *Россіяне.* Сверхъ сего были и такіе писатели, которые стали утверждать, что и Латыши, и Чухонцы отчасти Нѣмцамъ одолжены своимъ происхожденіемъ. (См. № III Матер. для Ист. Просв. въ Россіи, въ статьѣ о *Литовскихъ народахъ.*) Наконецъ права свои простерли и на Индію. Прочее же, по опредѣленію сего Ареопа-

га, какъ безсмертные *Гунны*, *Авары*, *Козаре* и *Болваре*, отданы Татарамъ.

Я не знаю, какое участіе принимаютъ Калмыки, или Бухарцы и Башкирцы въ семъ, присужденномъ имъ Магдебурскими и Гетингенскими ихъ доброжелателями, наслѣдственномъ правѣ; по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ они не заботились объ ономъ. Однако между тѣмъ Французы и Россіяне, не смотря на полное свое право объявлять и собственные свои доводы, подписались безпрекословно подъ Нѣмецкое свое происхожденіе. Не хочу быть адвокатомъ въ дѣлѣ обоихъ сихъ народовъ; но не могу не вступиться за истину въ пользу *здравой исторіи;* не могу здѣсь не замѣтить, что Славянскій народъ обиженъ Ареопагомъ до чрезвычайности. — Объявятъ ли меня еретикомъ касательно его верховнаго рѣшенія, или нѣтъ, все равно; но я поспорю за удѣлъ, присужденный Татарамъ, кои въ ономъ отнюдь не нуждаются, ибо они слишкомъ уже богаты славою собственныхъ своихъ дѣяній.

Я не обвиняю почтенныхъ Германскихъ изъискателей въ покушеніи на честь Болгарскаго народа, о которомъ говорить здѣсь я намѣренъ, а напротивъ предполагаю въ нихъ желаніе принести пользу всеобщей Исторіи, которая во многихъ ея частяхъ была еще загадочною. Если они ошиблись, то это могло произойти отъ слабаго или неосмотрительнаго соображенія судебныхъ обстоятельствъ.

Между тѣмъ, какъ Западъ Европы, послѣ нѣкоторыхъ изъискательныхъ трудовъ, нерѣдко заключавшихся въ простыхъ догадкахъ, показался многимъ покамѣстъ довольно объясненнымъ, надлежало приняться и за Востокъ. Венгерцы, принадлежащіе къ

оному, затолковали было кое-что независимо отъ Нѣмцевъ; но толковали о себѣ, не касаясь чужаго племени. Долго никто не смѣлъ тронуться за мрачный Востокъ, на коемъ мелькало много народовъ, много жестокихъ переворотовъ.

Наконецъ молодой Шведъ, *Иванъ Тунманнъ*, переселившійся въ Германію, рѣшился выступить на сіе скользское поприще, и въ 1774 году издалъ свои Untersuchungen über die Geschichte der östlichen europäischen Völker (*Историческія изъисканія о народахъ Восточной Европы, какъ-то: Болгарахъ, Козарахъ, Венграхъ, Волохахъ, Албанцахъ*, и проч.), которымъ, кромѣ двухъ послѣднихъ, приписалъ Татарское происхожденіе.

Въ кругу своихъ изъисканій онъ встрѣтился съ изслѣдованіями Венгерцевъ, и сія-то встрѣча дала направленіе его изъисканіямъ, параллельное Венгерскимъ. Вообще способъ Тунманнова изъисканія мнѣ не нравится. Надлежало прежде короче познакомиться съ нынѣшними живыми жителями восточной Европы, и потомъ преслѣдовать ихъ исторію обратно въ древность до тѣхъ поръ, пока можно было; тамъ надлежало остановиться и изъискать, откуда взялись сіи народы, и куда дѣвались, какъ исчезли тѣ, которые носились на томъ же пространствѣ до появленія наономъ сихъ послѣднихъ? Рѣшеніе сихъ вопросовъ повело бы его къ важнымъ и болѣе естественнымъ открытіямъ, противоположнымъ тѣмъ, которыя онъ выводилъ, а именно:

Онъ началъ съ древнѣйшихъ временъ, съ давноисчезнувшихъ народовъ или ихъ именъ, о коихъ не имѣлъ рѣшительнаго понятія, и переходя чрезъ новыя, безпрестанно появляющіяся племена, и потерявъ въ семъ лабиринтѣ изъ виду прямую линію, ведущую на ны-

нѣ-живущіе народы Востока, принужденъ былъ, для перехода къ опыть, допустить, нестерпимое въ здравой Исторіи предположеніе *превращенія изъ народа въ народъ.* Впрочемъ онъ подвизался прежде всѣхъ на семъ поприщѣ, и потому изысканій его перваго опыта отнюдь нельзя было принять безусловно за рѣшенія.

Сей-то опытъ принятъ былъ въ Германіи со всеобщими рукоплесканіями, и возбудилъ изыскательную дѣятельность и другихъ отличныхъ ученыхъ. Тогда-то Шлецеръ отважился въ походъ къ Сѣвернымъ народамъ. Сценою его подвиговъ были сѣверная Германія, Скандинавія и Россія. Перекричавъ всѣхъ громко и смѣло, онъ сдѣлался оракуломъ своихъ послѣдователей. Впрочемъ Шлецеръ вышелъ на Сѣверъ ученикомъ Тунманна, и состарѣлся ученикомъ же, то есть, подписавшись подъ главный догматъ Тунманнова ученія, вѣрилъ Татаризму народовъ восточной Европы.— Въ изысканіяхъ же своихъ, касательно Сѣвера, а преимущественно Руси, онъ послѣдовалъ ученію Байера, которое болѣе развилъ и распространилъ, съ нѣкоторыми измѣненіями.

Между тѣмъ въ Германіи и Англіи образовалось общество ученѣйшихъ мужей для составленія Всемірной Исторіи по частямъ ея. Одинъ изъ членовъ онаго, Г. Енгель, принялся за Исторію Венгріи и прочихъ племенъ восточной Европы, между коими и Болгаръ. Здѣсь-то онъ развилъ подробнѣе ученіе Тунманна, тоже съ нѣкоторыми прибавками.

Духъ обоихъ ученій и способъ изысканій Байеро-Шлецеровскаго и Тунманно-Енгелевскаго, совершенно сходны между собою; оба ученія привлекли къ себѣ множество послѣдователей; и такъ составились двѣ секты столь многочисленныя, что нынѣ сдѣлались уже

почти исключительно господствующими. Проповѣдники ученія о Востокѣ приняли вмѣстѣ и ученіе сѣверныхъ изъискателей, и на оборотъ. Изъ сего соединенія обѣихъ сектъ составилось общее о Востокѣ и Сѣверѣ Европы ученіе, или образъ мыслей, какъ бы Вселенскій, въ полной мѣрѣ отразившійся въ Исторіи Государства Россійскаго Н. М. Карамзина, и до нынѣ господствующій.

Желая разсмотрѣть ученіе о народахъ восточной Европы, мнѣ надлежало бы войти въ состязаніе съ самымъ авторомъ онаго, Тунманномъ; но какъ оно повторено Енгелемъ и нѣсколько обстоятельнѣе, то я предпочелъ сего послѣдняго.—Зная характеръ молодаго Тунманна, можно было надѣяться, что и онъ самъ оставилъ бы свои предположенія: онъ признавался, что готовъ отказаться отъ своихъ мнѣній, если окажутся новые сильнѣйшіе доводы; но къ несчастію смерть его похитила весьма рано — (на 30-мъ году жизни).

II.

Разборъ доказательствъ о Татарскомъ происхожденіи Болгаръ.

Упомянутые изыскатели и историки, по извѣстнымъ имъ причинамъ, приняли свое положеніе (thesin), что *древніе Болгаре были Татаре*, почти за доказанную истину; но какъ во временахъ Исторіи, болѣе извѣ-

стныхъ, нигдѣ не находили Татаръ подъ симъ именемъ, а Славянъ, то въ слѣдствіе онаго (положенія) допустили другое, что *древніе Болваре превратились въ Славянъ.*

И такъ, сообразно съ сими двумя положеніями, весь споръ о семъ дѣлѣ раздѣляется на два отдѣленія.

1-ое. На разборъ доказательствъ, подтверждающихъ будто Татаризмъ древнихъ Болгаръ.

2-ое. На разборъ доказательствъ ихъ *превращенія* въ Славянъ, и нѣчто вообще о теоріи и возможности онаго.

• •
•

Первое. «Что Болгаре были» говоритъ Енгель (См. Allg. Welthist. XLIX. Th. pag. 252.) «дѣйствительно Татарскаго происхожденія, видно»

А) «Изъ Нестора, который выводитъ ихъ изъ земли Козаръ.»

Вотъ что̀ Несторъ сказалъ (по Кенигсб. сп. стр. 10): *Словенску же языку, яко же рекохомъ живущимъ на Дунаи, пріидоша отъ Скиѳъ, рекше отъ Козаръ, рекоміи Болваре, и сѣдоша по Дунаеви, и насильницы Словеномъ быша.»*

Объяснимъ сіе мѣсто. Нѐсторъ здѣсь говорилъ о *Словенахъ* опредѣленно, въ частности, а не о Славянахъ вообще; по сему имя *Словенъ* здѣсь является какъ видовое, принадлежащее одному только Славянскому племени, коему оно и нынѣ только и принадлежитъ. Это явно видно изъ опредѣленныхъ имъ жилищъ ихъ наименованіемъ *Дуная.* Но если бы онъ имени *Словенъ* придавалъ общее значеніе, былъ бы несправедливъ, ибо Славяне населяли не одну сторо-

ну Дунайскую, но и сто другихъ рѣкъ отъ Рейна и Ейдера, границы Даніи, до Термопилъ и Волги.

Впрочемъ *живущимъ на Дунаи* не сказано еще совершенно опредѣленно, ибо Дунай дливенъ. Думаю, всякому извѣстно, что всегдашними жилищами собственно такъ называемыхъ *Словенъ*, были страны, нѣкогда называемыя *Noricum, Pannonia, Carnia*, и отчасти *Rhaetia*, а нынѣ *Австрія, Штирія, Каринтія, Карніолія*, Задунайская часть *Венгріи*, *Краина* *). Конечно Словене обитали по Дунаю съ границъ Баваріи до Бѣлграда или рѣки Дравы; въ Сербіи ихъ совсѣмъ уже не было, тѣмъ менѣе въ Болгаріи. Теперь понятно, гдѣ именно *живущимъ на Дунаи.*

И насильницы Словеномъ быша. Извѣстно, что Болгаре въ Венгріи основали было сильную династію, оружіе коей, какъ увидимъ въ послѣдствіи, проникало далеко на Западъ. Конечно занятыя Болгарами въ Венгріи, преимущественно по сію сторону Дуная, мѣста, до ихъ сюда прибытія, обитаемы были Римскими колоніями, послѣ Готами, и отчасти Словенами же, отсюда вытѣсненными. Посему Венгрія искони была собственно *Словеніей*, чрезъ которую протекалъ Дунай. Вотъ гдѣ именно *Болгаре Словеномъ насильницы быша.*

Я привелъ это еще не въ отвѣтъ Енгелю, но въ объясненіе Несторова мѣста, которое подтверждаетъ, что Болгаре не могли смѣшаться съ Словенами въ Болгаріи; чтобъ отвратить кривое толкованіе сего послѣдняго выраженія Несторова, въ которомъ, казалось бы, онъ Болгаръ исключаетъ изъ числа Славянъ, если бы *Словенъ* онъ принималъ за родовое названіе,

---

* См. Изъисканія Венелина о Словенахъ. *Изд.*

что однако несправедливо. Народъ, носящій имя Болгаръ, могъ быть также видомъ того огромнаго цѣлаго, коего имени не знаемъ, и называемъ Славянами только по произволу, именемъ, передѣланнымъ изъ видоваго *Словене*.—Изъ Несторова выраженія можемъ только заключать, что Болгаре не *Словене*, точно какъ и Поляки, и Сербы не *Словене же*. (Однако Славяне.)

Но обратимся къ Енгелю.

Какое слѣдствіе въ пользу Татаризма Болгаръ изъ того, что Несторъ ихъ выводитъ изъ земли Козаръ? Во-первыхъ, сей народъ (Козаре) не только Енгелю, но и прочимъ изыскателямъ былъ гораздо менѣе извѣстенъ, чѣмъ самые Болгаре, ибо не былъ столь знаменитъ; во-вторыхъ, сей народъ давно исчезъ, давно уже нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ онаго, кромѣ древнихъ лѣтописныхъ, весьма краткихъ, весьма неопредѣленныхъ. Вѣрныхъ свѣдѣній о немъ и по сію пору нельзя было добиться. И теперь еще одни думаютъ, что Козаре были Татаре, другіе, что Финны, третьи, что Славяне; но ни тѣ, ни другіе, ни третіи не приводили достаточныхъ доказательствъ. По сему, какъ можно выраженіемъ *пріидоша отъ Козаръ* дать понятіе о Татаризмѣ Болгаръ? Какъ можно доказывать предположеніе предположеніемъ же? Сверхъ сего, *отъ Козаръ* не значитъ именно изъ самой Козаріи, изъ среды Козаръ; ибо оба народа, если они были различные, не могли населять одну и туже страну, въ одно и тоже время. *Отъ Козаръ* можно понимать *изъ сосѣдства* Козаръ. Но положимъ, что Несторъ понималъ именно изъ Козаріи, то выраженія его, кажется, нельзя принять за самое правильное; ибо когда страна Козарія стала быть извѣстною въ VIII и IX столѣтіи, тогда Болгаре уже давно были на Дунаѣ. И такъ, если Болгаре вы-

шли изъ самой этой Козаріи, то она тогда, когда въ ней жили Болгаре, была не Козаріей, а Болгаріей; посему надлежало сказать: *пріидоша* изъ Болгаріи, разумѣется, древняго ихъ отечества.

Впрочемъ, что Несторъ, вмѣсто Болгаріи, наименовалъ Козарію, не большая ошибка; ибо имя древней Болгаріи, по выходѣ ея сыновей, стало выходить изъ употребленія, и замѣнено Козаріей, по имени новыхъ поселенцевъ, и сіе названіе было извѣстнѣе и Нестору. Онъ употребилъ оное единственно для указанія на страну, въ коей жили издревле Болгаре, т. е. на Болгарію. Въ томъ именно смыслѣ именуемъ Молдавію и Валахію, говоря о происшествіяхъ, на пр. 900—920 годовъ, не смотря на то, что сіи имена введены въ употребленіе только съ XV столѣтія, и проч. Изъ сего видно, что Болгаре *пріидоша отъ Козаръ*, значитъ изъ древней Болгаріи; что не могло служить Енгелю отнюдь никакимъ доказательствомъ ихъ Татаризма.

Б) «Собственныя имена ихъ древнихъ вождей *звенятъ* по-Татарски, на примѣръ: *Кубратъ* (Греками иногда превращаемый въ *Кробатъ*), *Батбая* (Batbajas), *Котрагъ* (отъ коего Болгаре отчасти назывались и *Котрагами*, откуда опять происходитъ скучное переименованіе въ Кутригуровъ), *Аспарухъ*, *Тербель* (Terbelis), *Тълецъ* (Teletzes), *Баянъ* (Bajanus, Греками часто превращаемый въ Paganus), *Токтъ* (Toctus), *Кампаганъ* Campaganus (Ханъ Кампа), *Церигъ*; — сверхъ сего, имена знаменитыхъ Болгарскихъ мужей: *Боилъ* (Boilus), *Цигатъ* (Tzigatus), *Конартикинъ*, *Буліасъ* (Bulias), *Тарканъ*, и проч.»

То-то и бѣда, что сіи имена вождей прозвенѣли Енгелю по-Татарски; то-то и бѣда, что участь древ-

нихъ Болгаръ зависитъ отъ состоянія слуха сочинителя! Такъ какъ вся важность сего втораго доказательства зависитъ только отъ слуха, то я скажу смѣло и рѣшительно, что имена отнюдь не звенятъ по-Татарски, и — дѣло съ концомъ и великолѣпнымъ отвѣтомъ, и все доказательство опровержено по достоинству.

Но прибавлю еще одно словцо. Не стану распространяться объ испорченномъ слухѣ автора доказательствъ; скажу только, что онъ слишкомъ пріучилъ оный къ безпрестанному. . . . *славъ* . . . *славъ* въ Исторіи Россійской, Польской, Померанской, Чешской, Моравской, Сербской, Кроатской, Далматской и проч., такъ, что о Славянахъ не иначе дерзаетъ подумать, какъ только подъ фирмою *славовъ*. По этой-то причинѣ и древніе Болгаре показались ему не Славянами.

На сіе отвѣчаемъ: имена собственныя владѣтелей, въ началѣ Исторіи всѣхъ почти Славянскихъ племенъ, не оканчиваются на *славъ;* это всякъ видѣть можетъ въ Исторіи Русской, Польской, Чешской, Померанской, почему же и не въ Болгарской? Въ послѣдствіи же и Болгаре имѣли своихъ *славовъ*, какъ и прочіе ихъ соплеменники.

Но еще есть другая причина, по которой упомянутыя Болгарскія имена прозвенѣли въ ушахъ изъискателя по Татарски, а именно: съ нѣкотораго времени стали требовать отъ собственныхъ именъ Славянъ отчета въ ихъ этимологическомъ происхожденіи и значеніи, и если оправдывались онѣ нынѣшнимъ языкомъ, то удостоивали ихъ славянскаго происхожденія; въ противномъ случаѣ называли варварскими, а именно, *Татарскими*, *Скандинавскими*, какъ попало по сосѣдству, и даже нашелся такой ученый, который толковалъ, что Владиміръ и Святославъ пере-

коверканы изъ Скандинавскаго Волдемара и Свена! Конечно, если продолжится подобная изыскательная система, то филантропы могутъ опасаться, чтобы агенты Скандинавской славы не распростерли своего влiянiя и на прахъ покойнаго Тамерлана. Уже и такъ горе отъ ума!

Сколько въ Россiи, Богемiи, Моравiи, Славонiи еще и нынѣ найдете въ употребленiи собственныхъ названiй, ничего неозначающихъ и не имѣющихъ никакой связи съ языкомъ! И въ древнiя времена собственныя имена рождались случайно, часто безъ всякаго значенiя, было бы только слово, или звукъ, какъ знакъ указательный того или другаго лица. И нынѣ, развѣ нужда народу знать, что значитъ Иванъ, Григорiй, Марiя, Ваня, Гриша, Маша, и проч.?

Положимъ, что вышеозначенныя Болгарскiя имена совершенно ничего не означали; то какое слѣдствiе можно вывести въ доказательство ихъ Татаризма? Сверхъ сего раждается еще вопросъ, въ такомъ ли видѣ оставили намъ Византiйцы сiи имена, въ какомъ онѣ произносимы были тогдашнимъ Болгарскимъ народомъ? Всякъ согласится, что отвѣчать можно неиначе, какъ только отрицательно; ибо если они еще и въ послѣдствiи искажали имена Болгарскiя, уже явно Славянскiя, имѣющiя значенiе и происхожденiе Грамматическое, то тѣмъ болѣе коверкали оныя въ тѣ времена, когда были еще менѣе знакомы съ симъ народомъ. И такъ, именъ приведенныхъ изыскателемъ за настоящiя, правописанныя, принять нельзя; а судить по звуку ихъ, худо толкуемому, сущiй вздоръ. Это въ отношенiи къ слуху изыскателя.

Теперь о самыхъ именахъ. — Кто знаетъ лучше Татаръ, чѣмъ Г. Енгель, тотъ не найдетъ ни малѣй-

шаго сходства сихъ спорныхъ именъ съ Татарскими. Я измучилъ было одного Татарскаго муллу выпрашиваніемъ у него Татарскихъ именъ, и въ полученныхъ не нашелъ ни малѣйшаго сходства съ спорными Болгарскими. Впрочемъ нѣкоторое созвучіе, иногда и весьма удачное, можно найти и между Арабскими и Нѣмецкими; какое же отсюда слѣдствіе? Вотъ настоящія имена Венгровъ, кои весьма близко подходятъ къ Татарскимъ: Барчай, Кичинь, Корай, и проч.

Но разберемъ спорныя по порядку.

а) *Ку-братъ* звенитъ по Татарски?

б) *Batbajas*, иначе *Basianus* *) есть исковерканный *Боянъ*. И это Татарское имѣетъ происхожденіе?

в) *Котрагъ*. Lis penes iudicem, ибо потеряло свое значеніе грамматическое. Мнѣніе, что народъ по этому имени назывался отчасти *Котрагами* или *Котригурами*, обветшалая басня.

г) *Аспарухъ*. Греки затемнили значеніе этого имени; однако же оно звучитъ какъ у южныхъ Славянъ *сплюхъ*, *лежухъ*, *лънюхъ*, *конюхъ*, *кожухъ* и проч. Ergo.

д) *Тербель* (Terbelis). Почему его такъ назвали Болгаре, (?) объяснитъ тотъ, кто скажетъ, почему Поляки *Леху*, *Краку*, или *Локътку*, дали такія имена и проч. Или не переименовали ли его Византійцы? или развѣ нѣтъ Славянскихъ словъ, которыя бы немножечко были похожи на Тербеля?

е) *Тълецъ*. Покорный слуга.

ж) *Боянъ*. Бояна Греки, какъ уже Стриттеръ замѣтилъ, превращали и въ *Пагана*, и употребивъ вмѣсто буквы *б*, коей не имѣютъ, равно какъ и γα вмѣсто *я*.

---

*) Vid. Memor. popul. in Bulg. pag. 457.

з) *Campaganus* тоже *Боянъ*. »Ханъ Кампа« толкуетъ изыскатель!

и) *Tzerigus?* иначе: *Telerigus?*

і) *Boilus* и *Bulias*, или лучше *Bolias* (Βοιλος, Βουλιας, Βολιας). Все, кажется, одно и тоже. Греки называли Болгарскихъ военачальниковъ Βοιλαδης, Βοιλαδης, т. е. *Воеводы*, которые у Болгаръ действительно назывались симъ именемъ; въ единственномъ же будетъ Βοιλας.

Впрочемъ былъ въ Болгаріи и особый классъ Вельможъ, называвшійся: *Бэлъри* (читай *Боляри*), по Русски *Бояре*. Греки ихъ называли *Bulias* и *Bolias*. Между темъ Βοιλας и Βοιδιλας употребляли для означенія собственнаго имени *Воеслава*.

к) *Тарканъ* и *Конартикинъ*, титулы Болгарскихъ Царевичей, *Романа и Бориса Петровичей*. За верность Греческой ихъ копировки нельзя ручаться.

Если же судить о сихъ именахъ вообще, то заметимъ, что Г. Енгель изъ длиннаго списка Болгарскихъ историческихъ лицъ, въ коихъ везде виденъ ихъ Славянизмъ, не смотря на некоторое измененіе подъ перомъ Греческимъ, выбралъ те, которыя исковерканы более всехъ, и посему сделались невразумительными и необъяснимыми, по его мненію, изъ Славянскаго языка.

Византійцы въ среднія и последнія времена Болгарской Исторіи уже несколько поправильнее стали писать имена историческихъ лицъ сего народа. Но вышеозначенныя имена принадлежатъ древней эпохе Болгарской Исторіи, а именно той, когда ни Греки (писатели только) съ народомъ не были коротко знакомы, ни народъ самъ, будучи язычникомъ, писать не умелъ. Сіе обстоятельство темъ более показалось

Енгелю кстати, что онъ намѣревался древнихъ Болгаръ превратить въ Татаръ. Но что онъ во всѣхъ отношеніяхъ не имѣлъ права коснуться сего доказательства, мы уже видѣли. Ибо: 1-е, Понятіе или силлогизмъ: имена невразумительныя, ergo Татарскія, ложный. 2-е, Ихъ всего менѣе можно объяснить изъ Татарскаго языка. 3-е, Ихъ звонкость больше можно признать за Славянскую, чѣмъ за Татарскую. 4-е, Если бы даже и было между ими и Татарскими нѣкоторое случайное созвучіе, то изъ сего заключать еще не слѣдуетъ о народности. 5-е, Сіи имена измѣнены Греческимъ перомъ. 6-е, Не смотря на сіе, многія изъ нихъ очевидно суть Славянскія.

Здѣсь, не въ отвѣтъ изыскателю, прибавлю кое-что объ именахъ Славянскихъ вообще, и о Болгарскихъ въ частности. Это пригодится. Я замѣтилъ уже, что первый и самый простой способъ давать имена лицамъ, состоитъ въ выдумываніи словъ или звуковъ, совсѣмъ не относящихся къ словопроизводству, и совершенно невразумительныхъ. Такъ водится въ народѣ; на примѣръ, въ черни у Карпато-Россовъ (т. е. у Русиновъ, иначе, Русняковъ), гдѣ Герольдія еще не въ модѣ, найдете имена: *Тева*, *Дѣло*, *Шекмаръ*, *Руцакъ*, *Малайло*, *Бурунъ*, и проч., раждающіяся и исчезающія вмѣстѣ съ лицами, и ни изъ какого языка необъяснимыя. Подобное же можно найти и у другихъ Славянскихъ племенъ. Впрочемъ сей способъ не могъ остаться единственнымъ, ибо нельзя было обойтись безъ того, чтобы народъ не производилъ и именъ порядочныхъ и вразумительныхъ, и не ввелъ бы какой либо общей для оныхъ формулы. Никакой народъ не славился толикимъ разнообразіемъ сихъ формулъ, какъ Славяне. Послѣ нихъ слѣдуютъ Греки и Римляне. Прочіе же народы, по бѣдности, или по негибкости своего языка, не могли имѣть оныхъ. По сей-то причинѣ, на примѣръ, Нѣмцы, кромѣ множества непонятныхъ названій, должны были прини-

мать, для наименованія себя, имена существительныя всякаго рода вещей и животныхъ, и даже землеписныхъ мѣстъ, и прилагательныя, и изъ нихъ сложныя и, наконецъ, названія всякаго рода ремесленниковъ; на примѣръ: Hr. Fuchs, *Г-нъ Лиса*; Hr. Wolf, *Г-нъ Волкъ*; Hr. Bär, *Г-нъ Медвѣдь*; Hr. Hase, *Г. Заяцъ*; Hr. Hahn, *Г. Пѣтухъ*; Hr. Thal, *Г. Долина*; Hr. Berg, *Г. Гора*; Hr Bauer, *Г. Мужикъ*; Hr. Lengbein, *Г. Длинная кость*; Hr. Klopfstock, *Г. Клепальная дубина*; Hr. Graukopf, *Г-нъ Сѣдая голова*; Hr. Weiss, Schwarz, Roth, *Гг. Бѣлый, Черный, Красный*; Hr. Becker, Müller, Schneider, Drechsler, *Гг. Хлѣбникъ, Мѣльникъ, Портной, Токарь;* Hr. von Schwarzburg, von Grünenthal, von Lichtenstein, *Г-нъ изъ Шварцбурга, Г-нъ изъ Гриненталя, Г-нъ изъ Лихтенштейна* и проч. Даже есть Hr. Engelmann, *Г-нъ Ангелкскій человѣкъ;* Hr. Hofmann, *Г-нъ Придворный человѣкъ* и другіе всякаго рода человѣки, и проч. и проч. Вообще, знающіе Нѣмецкій языкъ могутъ насчесть тысячи подобныхъ примѣровъ при чтеніи Нѣмецкихъ фамильныхъ именъ. И почтенное имя нашего изъискателя значитъ *Ангелъ* (Engel); напротивъ, былъ извѣстный герой, сподвижникъ Фридриха II, *Manteufel.* Посему, какъ въ Нѣмецкихъ обществахъ именуютъ лица по ихъ фамильнымъ названіямъ (какъ и у прочихъ Европейцевъ), то не рѣдко затрудняются или совѣстятся именовать лица, имѣющія не совсѣмъ блестящее прозвище, въ ихъ присутствіи. Подобнымъ бразомъ встрѣчаются *Гг. Гора съ Горою, Лиса съ Пѣтухомъ*, и проч.

Французы не совсѣмъ послѣдуютъ Нѣмцамъ. Они большею частію имѣютъ названія (если исключить владѣльцевъ, именующихся по названіямъ своихъ земель), не имѣющія никакого грамматическаго значенія, и составленныя машинально и произвольно изъ буквъ, вышло бы только слово или звукъ; всякъ пишется, какъ ему угодно, или какъ угодно было его родоначальнику. Въ примѣръ приведу нѣсколько фамилій изъ списка Парижскаго купечества за 1820 годъ: *Chatel, Chatelain, Chatelanat, Chatelet, Chatelin, Chatellain Chatelle, Chatelier, Chatenay, Chatenet*; или *Girard, Girardin,*

Girardaut, *Girault*, *Giraud*, *Girot*, *Girod*, *Girodet* и проч. Впрочемъ, есть у нихъ и названія грамматическія: *Mrs le Blanc*, *le Noire*, *le Rouge*, *le Marchand* и проч., коихъ однако къ неразумительнымъ можно отнести какъ 5 къ 100.

Венгерцы (природные Мадяры), подобно Нѣмцамъ, принимаютъ имена нѣкоторыхъ животныхъ и даже вещей; *Farkas* Волкъ, *Medve* Медвѣдь, *Szekér* Повозка и проч. Но этихъ нетакъ много. Притомъ, они употребляютъ и прилагательныя для означенія фамиліи: *Fekete* Черный, *Fejér* Бѣлый, *Sárga* Желтый, *Veres* (верешъ) Красный, *Nagy* (надь) Великій, *Vastag* Толстый, *Kicsiny*, *Kis* (кичинь, кишъ) Малый и проч. Кромѣ сихъ, также носятъ названія иностранныхъ народовъ: *Báro Orosz* (Баронъ Россіянинъ), *Báro Horváth*, Бар. Кроатъ; *Német* Г. Нѣмецъ, *Rátz* Сербъ, *Olasz* Италіанецъ, *Oláh* Волохъ, *Török* Турокъ, *Görög* Грекъ, *Örmény* Армянинъ. Но болѣе всего употребительны имена, образуемыя изъ названій мѣстъ, селеній, городовъ, прибавленіемъ къ онымъ буквы *i*, которая соотвѣтствуетъ Славянскому *скій*, напр., Buda—*Budai*, Eszterház — *Eszterházi*, Szétsény (Сѣчень)—*Sztésényi*, Radvány — *Radványi*, Rákótz (Раковецъ) — *Rákótzy*, Gara—*Garai* и проч. И имена ремесленниковъ.

Славяне, въ свою очередь, по свойству своего языка и гибкости онаго, имѣли ту выгоду, что, имѣя у себя особыя формулы, могли удержаться отъ присвоенія себѣ именъ вещей и животныхъ, имъ не принадлежащихъ. Первое ихъ обыкновеніе было давать имена лицамъ сообразно съ ихъ характеромъ, нравами, дѣяніями, образомъ жизни, или тѣлеснымъ качествамъ и проч. Въ семъ отношеніи имена бывали: 1-е Сложныя: *Ратиборъ*, *Людомилъ*, *Богумилъ*, *Доброходъ*, *Сивоусъ*, *Долгорукъ*, *Бѣлобрадъ*, *Подибрадъ*, *Святобой*, *Радогость*, и проч. 2-е Прилагательныя: *Мстивой*, *Боривой*, *Ярой* и проч. б) Нѣкоторыя изъ сложныхъ сдѣлались образцомъ и для другихъ; одно, кончащееся на *славъ*, подало поводъ къ образованію многихъ другихъ, такъ-что все прилагали къ *славъ*, что только было угодно: *Вратиславъ*, *Болеславъ*, *Вячеславъ*, *Изяславъ*, *Святославъ*,

Вертиславъ, Браниславъ, Владиславъ, Ярославъ, Держиславъ Предиславъ, Примиславъ, и проч. Такъ же и кончащіяся на, *миръ: Владиміръ* у Россовъ, Болгаръ и Померанцевъ, *Яромиръ, Везимиръ* у Померанцевъ, *Казимиръ* у Поляковъ, *Драгомиръ, Тихомиръ, Добромиръ, Стратимиръ, Радимиръ* у Болгаръ, *Строимиръ, Властимиръ* у Сербовъ и Кроатовъ и проч. Такъ составлялись имена у всѣхъ Славянскихъ племенъ.

Теперь взглянемъ на особыя формулы, свойственныя нѣкоторымъ Славянскимъ племенамъ порознь. 1-е) Окончаніе *икъ* свойственно весьма многимъ именамъ Славянскимъ: начальникъ, чиновникъ, странникъ и проч. По сему образцу производятся и имена собственныя лицъ, или отъ понятныхъ или отъ непонятныхъ именъ: *Шевчикъ, Крафчикъ, Томечикъ* и проч. и проч. Сверхъ сего, сюда принадлежатъ и уменьшительныя: *Михаликъ* отъ Михаилъ, *Грикъ* отъ ярый или *Ярый* (Jery), *Томашикъ,* и проч. Имена подобныхъ кончаній весьма употребительны между *Словаками* въ Венгріи и отчасти въ Моравіи. Здѣсь же и въ Богеміи они весьма часто превращаются въ *екъ: Калачекъ, Хованекъ, Воронекъ* и проч. Къ симъ можно причислить и окончанія на *акъ: Новакъ, Черiякъ, Позднякъ,* и проч. Сіи формулы преимущественно принадлежатъ Славянамъ въ Германіи, Силезіи, Богеміи, Моравіи, Западной Венгріи. — 2-е) На *ецъ: Воронецъ, Маринецъ, Иванчинецъ, Перевалишинецъ, Прачинецъ,* и проч. у тѣхъ же Славянъ. — 3-е) Образуемыя изъ названій мѣстъ окончаніемъ *скій: Волховскій, Вяземскій, Бѣлгородскій* и проч. Сей способъ вошелъ въ употребленіе исключительно у Поляковъ; впрочемъ встрѣчаются подобныя имена и у прочихъ Славянъ, кромѣ Болгаръ, Сербовъ и Кроатовъ.— 4-е) На *ко,* уменьшительныя: у Малороссовъ и отчасти у Сербовъ, на пр., Живко, Славко, Стойко, Лобко, Бранко и проч. 5-е) *Отцеименныя* (patronymica), производимыя отъ именъ родителей, прибавленіемъ: а) *Ичь* или *овичь, евичь:* Живковичь, Стойковичь, Лобковичь, Гражалковичь, Бранковичь, Даниловичь, Атанасевичь, Славичь, Савичь и проч. Это есть общая формула у Сербовъ и Кроатовъ, какъ *скій* у Поляковъ. Впрочемъ она так-

же отчасти свойственна и Болгарамъ, Малороссамъ и Полякамъ. б) Образованіемъ прилагательныхъ притяжательныхъ, имѣющихъ значеніе родительнаго падежа. Это есть окончаніе на *овъ*, *евъ*, (ова, ово, ева, ево) отъ именъ мужескаго рода, и *инъ* (ина, ино) отъ женскаго рода: Петръ-*Петровъ*, Михаилъ-*Михаиловъ*, воинъ-*Воиновъ*, Таца-*Тацынъ*, Евраксія-*Евраксинъ*, Баба-*Бабинъ*. Сообразно симъ произведены названія и отъ прочихъ именъ не только вещей и животныхъ, но и отъ именъ, которыя по какой либо формулѣ были уже образованы, и даже отъ названій мѣстностей. Сей способъ образованія именъ теперь принадлежитъ исключительно Россіянамъ. Нѣкогда онъ былъ въ употребленіи и у Померанцевъ. Остатки сихъ именъ и нынѣ еще тамъ находятся въ довольномъ количествѣ, носимыя онѣмечившимися лицами. — Подобнымъ образомъ производимы были и имена городовъ, селеній, проч. на *овъ*, *инъ* (городъ), *ово*, *ино* (селеніе). Географическая карта Помераніи и теперь изобилуетъ *овами* и *инами*: *Буковъ*, *Волховъ*, *Щетинъ* (Stettin), *Зверинъ* (Schwerin), *Берлинъ*, *Деминъ*, *Волинъ*, *Теплинъ* и проч. и проч. Между тѣмъ какъ сіи *отцеименныя* сдѣлались фамильными, введены въ Русскомъ языкѣ вышеприведенныя на *овичь*, которыя тоже указываютъ на происхожденіе лицъ; *ичь* собственно значитъ тоже, что *овъ* Воинъ-*Воиновъ* сынъ Воина, *Воиновичь* сынъ Воинова. Имена на *овичь* внѣ Россіи суть имена только *фамильныя*; въ Россіи же они только отцеименныя, и составляютъ *второе* имя лица, а *третье* фамильныя. Обыкновеніе называться тремя именами существуетъ издавна, какъ извѣстно, въ одной только Россіи; въ другихъ государствахъ Европы этого не было. Изъ древнихъ народовъ одни Римляне имѣли тоже обыкновеніе. (Греки хотя и имѣли въ своемъ языкѣ отцеименныя, но назывались только однимъ, и иногда двумя именами.) Сходство этого обычая у *Римлянъ* и *Россіянъ* столь разительно, что я не могу удержаться здѣсь отъ краткаго сравненія между ими.

У Римлянъ были прозванія, взятыя отъ разныхъ вещей,

животныхъ, прилагательныхъ, и даже глаголовъ, которыя имѣли свои обыкновенныя Латинскія окончанія, или получали новыя: *Lupus*, *Verres*; или cicer горохъ, *Cicero Горошекъ*, *tuber* горбъ, *Tubero* Горбачь, nasus носъ, *Naso* Носанъ и пр.; или Crassus, Brutus, Rufus, Minutus, Fulvus, Quintus, Sextus, Septimus, Octavus, Maximus, Flavus и проч. И такъ, если, на примѣръ, фамильное имя семейства было *Rufus* (рыжій), отецъ семейства назывался *Octavus*-Rufus, сынъ его *Maximus*-Rufus; то отчеименное сына дѣлалось поставленіемъ имени *Octavus* въ родит. падежѣ съ окончаніемъ на *ius*, сообразно съ склоненіемъ мѣстоименій nullus, ullus, alter и проч. (посему частица *ius* тоже, что въ Русскомъ *овъ* или *овичь*); и такъ, Maximus *Octavius* Rufus, по-Русски Максимъ *Октавовичь* Руфъ, сынъ его Curtus *Maximius* Rufus, Куртъ *Максимовичь* Руфъ, внукъ его, на пр., Quintus *Curtius* Rufus и т. д. Впрочемъ, *ius* дѣлались и фамильными, точно какъ и въ Русскомъ; Sextus *Acilius Fabius*, Tullus *Hostilius Flaminius*, такъ сказать: Секстъ *Ациліевъ сынъ Фабіевъ*, Туллъ *Гостиліевъ* сынъ *Фламиніевъ*; или иначе, Секстъ *Ациліевичь Фабіевъ*, Туллъ *Гостиліевичь Фламиніевъ*. Такъ и отъ женскихъ, но только на *in*us, (*инъ* и по Русски): Antonia *Antonin*us (Антонинъ), Saturnia *Saturnin*us (Сатурнинъ), Sabinia *Sabinin*us (Сабининъ) Messala *Messalin*us (Мессалинъ), и проч. Вообще, *ius* исключительно господствовало въ Римѣ, какъ *овъ* въ Россіи; и всегда Римлянина узнавали по его имени, какъ нынѣ Россіянина. Въ Римскихъ обществахъ также противно было законамъ учтивости и этикета именовать присутствующихъ по ихъ фамиліямъ, какъ и въ собраніяхъ Московскихъ или Петербургскихъ; на примѣръ, никтобъ ни за что не согласился назвать знаменитаго стряпчаго въ глаза *Цицерономъ*, вмѣсто *Маркъ Туллічь*, если не хотѣлъ получить въ отвѣтъ, о tempora, o mores! или отправиться на съѣзжую. Въ письмахъ обыкновенно ставили Marce Tulli! «Маркъ Тулличь!», а не Monsieur или Herr Cicero!

6-е) **У Болгаръ было прекрасное обыкновеніе да-**

вать имена лицамъ по душевнымъ и тѣлеснымъ ихъ качествамъ. Сіи имена производились какъ изъ именъ существ. и прилагательныхъ, такъ и изъ глаголовъ, и даже изъ нарѣчій, и оканчивались на *анъ*, или *янъ*: *Боянъ*, *Пружанъ*, *Каранъ*, *Тѣланъ*, *Душанъ*, *Милованъ*, *Доброванъ*, *Дрожанъ*, *Бранкованъ*, *Столнъ*, *Золанъ*, *Радованъ*, *Асянъ*, *Дѣянъ* или *Дѣлянъ*, *Чижманъ*, *Кавканъ* или *Коканъ*, *Розновапъ*, и проч. и проч. (Всѣ они суть историческія лица.) Сія формула изъ всѣхъ Славянскихъ племенъ принадлежала преимущественно Болгарамъ, и нѣсколько и Сербамъ, у коихъ тоже нѣкоторыя изъ сихъ именъ были въ употребленіи. Впрочемъ, и Русскому языку не чуждъ сей даръ образованія характерическихъ *существительныхъ*, но только не на *анъ*, а на *унъ*: *бѣгунъ*, *скакунъ*, *говорунъ*, *болтунъ*, *шалунъ*, *крикунъ* и проч. (а иныя и по другому, на *акъ*, *икъ*, *ецъ* и проч.) Не смотря на сіе, есть и въ Русскомъ: *булянъ*, *великанъ*, *грубіянъ*, и т. д.; еще больше изъ многихъ Русскихъ фамильныхъ названій: *Рѣзанова*, *Друганова*, *Жаданова*, *Черепанова*, *Лобанова*, *Рубана*, и проч. видно, что нѣкогда и Русскимъ не была чужда подобная формула.

Вообще, у Славянскихъ племенъ въ произведеніи именъ царствовала нѣкоторая мода. Были эпохи, что однѣ формулы выходили изъ употребленія при появленіи новыхъ. Во всей Помераніи и Балтійской Украинѣ *славовъ* не менѣе было какъ и въ Россіи. Эпоха ихъ началась съ X столѣтія, въ то самое время, какъ и въ Россіи. До того у Померанцевъ царствовало преимущественно окончаніе *икъ* да *гостъ*, если слѣдить оное съ X вѣка обратно въ древность, на примѣръ: *Генерикъ*, *Фредерикъ*, *Гунерикъ*, *Аларикъ*, *Генсерикъ*, *Рерикъ*, *Ерикъ*; послѣднее уменьш. отъ *Ерый* (Jеrу); такъ произносили, и еще произносятъ Германскіе Славяне слово *ярый*; у Поляковъ сіе имя произносится Jerzey (*Ержей*), у Словаковъ

въ Венгріи Jiry (*Йирій*), у Россіянъ *Юрій*. Послѣ принятія Христіанства, приняли оное въ значеніи *Георгія*. — Еще и другіе виды были сего слова: *Яровой*, *Яровидъ*, *Яромиръ*, *Ярославъ*, или *Еровой*, *Еровидъ* и проч.—Замѣтимъ, что *Ерикъ* (Ericus, Erich) перешло отъ знаменитыхъ нѣкогда Балтійцевъ и къ ихъ сосѣдамъ, Датчанамъ и Шведамъ, точно какъ и нѣкоторыя другія, однако нѣсколько переложенныя: *Володимиръ* (Voldemar), *Всеволодъ* (Wesswald, Oswald), *Яромиръ* (Jaromar), *Вячеславъ* (Wenceslaus, Wenzel); такъ и Henrik, Frederik, тоже, по видимому, измѣненныя, ибо въ чистотѣ ихъ можно сомнѣваться и проч.—Возвратимся къ Энгелю.

В) «Ихъ Короли, въ древнѣйшихъ Византійскихъ извѣстіяхъ, когда Болгаре не перемѣшались еще съ Славянами и Волохами, называются *Ханами* или *Хаганами*. Такъ называетъ ихъ, у Стриттера, Кодинъ и Ѳеофилактъ.» Memor. Popul. II pag. **499.**

Это самый щекотливый доводъ въ полемикѣ Гг. Енгеля и Тунманна. — Разсмотримъ прежде составныя его части.

1-е) «*Ханами или Хаганами.*» Это голое предположеніе, которое прежде надлежало доказать для того, чтобы годилось въ доказательство. Отнюдь нельзя сказать рѣшительно, одно ли и тоже было Ханъ и Хаганъ.

2-е) «*Когда Болгаре не смѣшались еще съ Славянами и Волохами.*» Темно и неопредѣленно. Гдѣ съ Славянами? Кажется, должно понимать: съ Словенами въ Венгріи. И такъ, древнѣйшіе Византійцы до тѣхъ поръ только называли Болгарскихъ Королей Хаганами, пока они не смѣшались съ Словенами?— Словенская земля къ Востоку, собственно, ограничивалась Дунаемъ. Мы видѣли, и еще увидимъ обстоятельнѣе, что восточную Венгрію (до Дуная) Болгаре наслѣдовали отъ Римлянъ и Готовъ, и за Дунай

собственныхъ жилищъ не переносили. Въ Болгаріи же, Валахіи, Молдавіи, никакихъ Словенъ не было. Гдѣ же было, и могло ли произойти сіе смѣшеніе? Очевидно, что сіе смѣшеніе лучше должно принять за сосѣдство. И сіе-то сосѣдство было причиною, что Византійцы перестали Государей новыхъ пришельцовъ называть *Хаганами*? Но, если Византійцы перестали ихъ именовать Хаганами потому только, что Болгаре въ Венгріи граничили или, допустимъ, смѣшались съ Словенами, то почему они перестали ихъ такъ называть въ Молдавіи, Валахіи, Болгаріи, гдѣ они совершенно были чисты отъ Словенъ? Еще: если сосѣдство или, положимъ, нѣкоторое смѣшеніе съ Славянами имѣло вліяніе на существованіе *Хагановъ*, то имъ никогда не существовать было, ибо не избѣгнуть было сосѣдства съ другими Славянами. Болгаре, прежде нежели перешли въ Валахію, Венгрію и за Дунай, жили въ *южной* Россіи, а потомъ, древнѣе, и въ *восточной*, и на Волгѣ, т. е. въ сосѣдствѣ или даже въ смѣси съ Россійскими Славянами. Почему же это обстоятельство, еще до появленія Болгаръ на Дунаѣ, не воспрепятствовало употребленію слова *Хаганъ*? Или, скажу больше, почему Болгаре уже на Волгѣ, а не за Дунаемъ, не превратились въ Славянъ?

3-е) «*Въ древнѣйшихъ Византійскихъ извѣстіяхъ.*» Объяснимъ сіе въ обоихъ смыслахъ, буквальномъ и логическомъ. а) Древнѣйшія извѣстія о Болгарахъ начинаются съ половины VII столѣтія, т. е. съ тѣхъ поръ, когда имя *Болгаръ* стало входить въ общее употребленіе. Посему, если дѣло идетъ буквально о Болгарахъ, то Византійцы ихъ Королей отнюдь не называли *Хаганами*; сіе имя они прилагали въ началѣ VII, въ ис-

ходѣ VI столѣтій, Аварскимъ Повелителямъ, а тамъ немножко далѣе Кутригурамъ, а тамъ опять *Гуннамъ*. б) Но, если *Гунновъ*, *Кутригуровъ*, *Аваровъ* принимать за народъ, тожественный съ Болгарами, какъ уже это дѣлалъ и самъ Енгель, то сіи имена, какъ исчезнувшія, нельзя иначе принять, какъ за произвольныя и введенныя одними только писателями; посему, и бывшее у нихъ слово *Хаганъ*, какъ тоже исчезнувшее, должно признать за произвольное, зависѣвшее отъ однихъ писателей, и собственно не принадлежавшее народу. И такъ, *существованіе сего* имени неизвѣстнаго происхожденія, никакъ не можетъ давать понятія о народности или племенности, т. е. о Татаризмѣ народа.

Но, если по нарицательнымъ названіямъ Государей позволительно заключать о племенности или происхожденіи народа, то въ этомъ случаѣ надлежитъ знать, такъ ли именно Болгаре называли своихъ Государей, т. е. *Хаганами* ли или *Ханами*; надлежитъ услышать это слово изъ устъ самаго народа, а не изъ-подъ пера Греческаго. Чтобы *Хаганъ* было настоящее имя, сомнительно; по крайней мѣрѣ знаемъ, что Византійцы пишутъ оное и *Каганъ*, *Кеганъ*. Но, положимъ, что это было дѣйствительно *Ханъ*, передѣланный Греками въ *Хаганъ*, и что сіе слово Татарское, то изъ сего также можно заключить о Татаризмѣ Болгаръ, какъ о Латинизмѣ Россіянъ изъ слова *Императоръ*, или о Славянизмѣ Мадяровъ изъ слова Király (*Кираль*) Король. Но *Хаганъ*, *Каганъ* принято изъискателями за *Ханъ* по поводу, 1-е, нѣкотораго созвучія, 2-е, по поводу предположенія, что Болгаре были Татаре; ergo Хаганъ значитъ Ханъ. Но, Милостивый Государь, вѣдь вы доказываете предпо-

ложеніе: *Болгаре были Татаре;* тоже предположеніе, только въ другихъ словахъ: *Хаганъ значитъ Ханъ;* слѣдовательно — не значитъ ли это доказывать idem per idem, подтверждать положеніе имъ же самимъ? Это ли значитъ доказывать?

Гораздо пристойнѣе было бы узнать то имя, которое у Византійцевъ сдѣлалось Каганомъ или Хаганомъ, и поводъ перехода его къ нимъ, если не они сами выдумали оное. Трудно, думаю, добиться сего имени; по крайней мѣрѣ, можно предположить, что оно, по общей Болгарской формулѣ для названій, оканчивалось дѣйствительно на *анъ*, тѣмъ болѣе, что такъ образуемы были и титла или имена чиновъ, какъ на примѣръ: *Bolias Tarkan* (*Болярінъ Тарканъ*), титулъ Болгарскаго Царевича, и другія имена Грамматическія. Впрочемъ, Болгаре своихъ Государей именовали *Князьями*, а въ послѣдствіи *Царями*. Сіе послѣднее слово передѣлали изъ *Цезарь* своимъ скорымъ выговоромъ въ *Царь*. Впослѣдствіи, оно, съ многими другими, отъ Болгаръ перенято и Россіянами, кромѣ коихъ ни у одного изъ прочихъ Славянскихъ племенъ не было въ употребленіи.

Но слово *Князь*, какъ Славянское, было общимъ у всѣхъ племенъ сего народа. Многіе старались объяснить происхожденіе онаго. Большая часть изъискателей какъ бы съ достовѣрностію утверждали, что оно есть сокращенное *Конязь*, чтó означаетъ будто всадника или ратника, имѣвшаго преимущество ѣздить въ походѣ верхомъ. (Смотри: о Древност. Русск. Успенскаго. стр. 225) «Слово *Князь* родилось едвали не отъ *коня*, хотя многіе ученые производятъ его отъ Восточнаго (?) имени *Каганъ* и Нѣмецкаго König», говоритъ Карамзинъ, томъ I стр. 75. Но какое отноше-

ніе отъ всадника къ Государю? Сверхъ сего, сомнительно, чтобы сіе слово происходило прямо отъ *коня*. По правилу словопроизводства какого бы то ни было Славянскаго нарѣчія, одни только слѣдующія могутъ быть образованы: *Конярь*, *Конякъ*, *Конювъ*, *Конникъ*, *Коникъ*, *Коничекъ*, *Конягъ*, или, если даже и сократить, будетъ: *Князрь*, *Князкъ*, *Князгъ*, и проч.

Хотя впрочемъ *Князь* или *Конязь* не происходитъ непосредственно отъ *коня*, однако *конь* есть очевидно его корень. Но какъ отъ него произвести это имя? — Слѣдующимъ образомъ. а) Слово женское *Княгиня*, производимое отъ мужескаго, супружескаго, не можетъ быть произведено этимологически отъ *Князь*; въ немъ именно видно, что имя, изъ коего оно образовано, кончилось на *г*, посему и было: *Княгъ*; отсюда *Княгиня*. Производимое же отъ *Князь* есть *Княжна*. б) Сего именно окончанія на *г* требуетъ производство слова *Князь* или *Княжь*. Это окончаніе на *ь* показываетъ родительный падежъ, или прилагательное притяжательное отъ имени, которое должно было кончиться на *г*: *вражь* или *вражій* отъ *врагъ*; а *Княжій*, или *Княжь* отъ *Княгъ*. Но какъ *Княжь* склонять было неудобно, и трудно выговаривать: *Княжя*, *Княжю*, и сбивались на выговоръ болѣе удобный: *Князя*, *Князю*, то и въ именительномъ *Княжь* замѣнено словомъ *Князь*. Но что *Князь* есть собственно *Княжь*, подтверждаетъ слово *Княжна*, и *Княжь*, и нынѣ еще иногда появляющійся въ газетныхъ объявленіяхъ и проч. И такъ, повторимъ вкратцѣ; родители: *Княгъ* и *Княгиня*; дѣти ихъ: *Княжь* и *Княжна*. Ergo, *Княгъ* могло быть и *Конягъ*, т. е. кому какъ угодно было произносить. Посему, Князь дѣйствительно, хотя не непосредственно, могло происходить

отъ *коня*, въ своемъ этимологическомъ отношеніи. Чтобы сіе имя означало само собою Государя, нельзя допустить по низкому его происхожденію.

Предлагаю слѣдующее предположеніе *). *Конягъ* или *Княгъ* было имя собственное или прозвище лица, до незапамятныхъ временъ, достигшаго верховной власти, подобно Цесарю, и славившагося могуществомъ во всемъ Славянскомъ мірѣ. По видимому имя его сохранилось въ памяти потомства, какъ и Юлія Цесаря. Впрочемъ, имя *Коняга* самаго прекратилось, но сохранилось въ его сыновьяхъ и прочихъ потомкахъ, которые прослыли *Княжьями*, т. е. *Княжими*, т. е. *Княжескими* сыновьями, наслѣдниками Коняга, т. е. *Конявовичами*, точно какъ и наслѣдники Карла В. *Каролинзами*. *Князь*, отцеименное, сдѣлалось въ послѣдствіи нарицательнымъ той власти, которую имѣли верховные правители. И такъ, знаменитый *Конягъ* у Славянъ поминается только въ своихъ потомкахъ, — но самъ онъ существуетъ у Нѣмецкихъ племенъ. Кто не знаетъ слова *König*? Какъ сіе имя отъ Славянъ перешло къ Нѣмцамъ, всякъ догадается, кто вспомнитъ, что къ симъ же Нѣмцамъ перешелъ и знаменитый Италіянецъ Caesar, превратившійся, по Греческому правописанію (*Καισαρ*), въ Kaiser, и къ Славянамъ (Болгарамъ и Россамъ) подъ сокращеннымъ именемъ *Царь*; — кто вспомнитъ, что западные Славяне такимъ же образомъ увѣковѣчили у себя имя Карла Великаго (Carolus), называя своихъ Государей его именемъ: *Король*, *Краль*. — До 800 году по Р. Х. Сѣверъ покрытъ былъ тьмою. Впродолженіе этого мрачнаго

*) Другое, удачное и геніальное объясненіе названій «*Князь* и *Воина*» см. въ Журн. Телескопъ, N. 15, 1832 г. *Изд.*

времени, Сѣверъ очень могъ имѣть своихъ Карловъ, Цесарей, Аннибаловъ, Александровъ Македонскихъ; *Конявъ*, можетъ быть, принадлежалъ къ ихъ числу и былъ увѣковѣченъ какъ Цесарь и Карлъ Великій. (*Догадка.*)

Теперь ad rem. Въ словѣ *Князь* окончаніе *ь*, въ этимологическомъ отношеніи, есть то же, что и *овъ*, на примѣръ *Михаиловъ*; ergo и *Князь* и *Михаиловъ*, отценменныя. Я забылъ выше замѣтить, что у Болгаръ окончаніе *анъ* служило и въ значеніи отценменныхъ: на примѣръ отецъ *Мило*, сынъ *Милованъ*, отецъ *Бранко*, сынъ *Бранкованъ* и проч. Можетъ статься, что они кромѣ *Князь* употребляли издревле и *Княвань* или *Кяванъ*. Карпато-Россы въ Мармарошскомъ Графствѣ, у коихъ слово Князь вышло изъ употребленія, Княгиню однако удержали, но называютъ ее только *Кягиней* и *Кегиней*, что у Грековъ могло быть *Хаванъ*, *Каванъ*. По крайней мѣрѣ не вижу ничего, чтобы могло противорѣчить сему предположенію. Если же слова *Княванъ*, вмѣсто *Князь*, у Болгаръ не было, то Византійцы своего *Хавана* передѣлали изъ какого либо собственнаго имени, тѣмъ болѣе, что *анъ* было господствующее окончаніе народныхъ Болгарскихъ именъ. Еще и теперь можно найти имена, *Хавану* созвучныя: *Коханъ* у Карпато-Россовъ *Кохан*овичь, у Поляковъ *Кохан*овскій, у Сербовъ *Коканъ* или *Кокан*овичь. Въ росписи Болгарскихъ именъ, у Стриттера, нахожу двухъ Вельможъ *Кавкановъ*, одинъ Дометіанъ *Кавканъ* (Δομετιανος ὁ Καυκανος) около 1015 года, а другой *Кавканъ* былъ Воеводой войска у Короля *Дѣлана* или *Тѣлана* (Deleanus), 1040. Исторія мало сохранила намъ древнихъ Болгарскихъ именъ. Вѣроятно одно изъ нихъ, принад-

лежавшее какому либо изъ ихъ Князей, Греки приприняли за нарицательное власти, — былъ ли то *Кавканъ*, или *Коканъ*, или *Коханъ*, или другой похожій на это, все равно. Довольно замѣтить еще то, что и самое маловажное обстоятельство могло быть къ сему поводомъ. Кто бы подумалъ, что въ Германіи Императора будутъ называть Каізеромъ потому, что одна Римлянка (мать *Юлія*, прозваннаго *Caesar*, а *caedo сѣку, рѣжу*, какъ бы—*Высѣченцемъ*) не могла родить безъ хирургической операціи! Впрочемъ Византійцы до тѣхъ поръ только называли ихъ Каганами, пока не узнали настоящаго названія какъ народа, такъ и Государя, коего въ послѣдствіи переводили *Архонтомъ*. Что Византійцы дѣйствительно могли принять собственное имя какого либо Болгарскаго Воеводы или Князя въ значеніи Государя, тому доказательствомъ могутъ служить приведенные уже мною примѣры. Замѣтимъ еще, что Турки долго называли Сербскихъ Князей *Волковичами*, потому только, что знакомство ихъ съ Сербами началось во время княженія *Волковича*; такъ *Черновичъ* значило Князя Каттарскаго и Далматскаго, *Карловичъ* Дурацскаго. Какъ бы то ни было, но слова *Chaganus, Kaganus, Kegenes*, ни въ какомъ отношеніи нельзя приводить въ доказательство Татаризма Болгаръ.

Г) «Обычаи ихъ Государей: *дѣлать жертвоприношенія животными, омывать ноги въ морѣ, содержать многихъ наложницъ, быть приничаему войсками своими при радостныхъ восклицаніяхъ* [1], суть Татаро-восточные.»

---

[1] Vid. Stritter. II. p. 554.

Сіе доказательство такъ маловажно, что даже не стоитъ вниманія. Будто бы подобныхъ нравовъ и обыкновеній не было у Славянскихъ племенъ! Кто не знаетъ, что Балтійскіе Славяне приносили на жертву своему *Триглаву*, *Радогостю*, или *Водану* не только животныхъ, но даже и людий? Или, кто не знаетъ, что Россіяне, по выходѣ изъ Днѣпра въ Черное море на одномъ изъ острововъ онаго, имѣли обыкновеніе приносить жертву изъ животныхъ богу, по видимому, моря или погоды? Кто не знаетъ, что Владиміръ Великій, до своего обращенія, имѣлъ множество наложницъ? Сверхъ сего, если вникнете въ Исторію и прочихъ Славянскихъ странъ, найдете довольно примѣровъ, что Князья содержали отличные гаремы. Впрочемъ, о многоженствѣ Татаръ можемъ говорить, кажется, только со времени ихъ Магометанства, который далъ имъ понятіе и позволеніе учредить гаремы. До сей эпохи мы не можемъ знать ничего объ образѣ жизни Татаръ касательно сего обычая; по крайней мѣрѣ, нельзя полагать, чтобы, при кочевой жизни, они таскали съ собою многихъ женъ. Войска привѣтствовали своихъ Государей крикомъ и стукомъ оружія и въ Европейскихъ странахъ, etc.

Д) «Имя *Бесерменовъ*, въ Русской Лѣтописи прилагаемое Болгарамъ, у Турокъ означаетъ ихъ народное названіе.»

Чтобы понять смыслъ Русской Лѣтописи, замѣчу слѣдующее. Слово *Болгаре* было собственнымъ именемъ Болгаръ Задунайскихъ, т. е. сей народъ самъ себя такъ называлъ и по сію пору называетъ. Эти настоящіе Болгаре уже съ V столѣтія проживаютъ на Дунаѣ. Русскій Лѣтописецъ мало говорилъ о сихъ Болгарахъ, да и то сокращенно изъ Византійцевъ

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ Болгаръ называетъ *Бесерменами* (бусурманами), говоритъ, притомъ нѣсколько подробнѣе, о Болгарахъ Волжскихъ. Они принадлежатъ къ XI и XII столѣтіямъ, и никакого отношенія не имѣютъ къ Болгарамъ Задунайскимъ. Волжскіе Болгаре были дѣйствительно Татаре, а вѣрою Магометане (XI, XII, XIII столѣт. и проч.), какъ и прочіе ихъ единоплеменники. Народное ихъ названіе неизвѣстно; по крайней мѣрѣ, навѣрно было Татарское, которое, можетъ быть, существуетъ и до сихъ поръ. Болгарами же себя они не называли, ибо не были симъ народомъ, а однимъ изъ Татарскихъ племенъ; но Болгарами ихъ называли только Россіяне, или лучше, Русскій лѣтописецъ, потому-что они заняли, послѣ выхода настоящихъ Болгаръ за Дунай, сію древнюю Болгарію, или еще лучше, потому-что населяли древній знаменитый на Волгѣ городъ *Болгары*.

И такъ, *Болгаре* на Дунаѣ означаютъ настоящій народъ, *Болгаре* на Волгѣ—только горожанъ, какого бы они рода ни были. Въ томъ точно смыслѣ иностранцы до недавнихъ временъ Россіянъ называли *Московитянами* (Римъ — *Римляне*, *Аѳиняне* и проч.); въ томъ же значеніи Волжскихъ Болгаръ называютъ и Арабскіе писатели; но когда упоминаютъ о Дунайскихъ, тогда разумѣется уже о настоящемъ народѣ. Что Волжскіе Татаре, обитатели города Болгаръ, никогда не назывались *Болгарами*, неоспоримое доказательство въ томъ, что нынѣ сего имени нѣтъ ни малѣйшаго слѣда между Татаро-Турецкими племенами. Между тѣмъ извѣстно, что собственное народное имя, такъ сказать, впечатлѣнное въ существо самаго народа, исчезнуть не можетъ, развѣ вмѣстѣ съ на-

родомъ. Мы видимъ, что оно сохранилось и доныне въ одномъ изъ Славянскихъ племенъ, коему только и принадлежало. Посему, говоря о Болгарахъ Волжскихъ XI и последующихъ столетій, говорится о Татарахъ. Было ли *Бесермены* ихъ собственное названіе, какъ Несторъ ихъ будто называетъ, неизвестно. Если Турки (родомъ Татаре) действительно называютъ себя, какъ Енгель утверждаетъ, *Бесерменами*, то можно предположить, что это было народное названіе Татаръ города *Болгаръ*.

Карпато-Россы (т. е. Русины) еще и теперь называютъ *бусурманами* иноплеменниковъ и вообще всехъ иноверцевъ. Въ томъ значеніи употребляется сіе слово Русскими и въ Галиціи и въ Россіи; равно и природными Венграми (Мадярами): *Böszörmény*, *Бесерме́йнъ*. Мне кажется, что и въ Летописи сіе слово употреблено въ томъ же смысле. Не знаю, принадлежитъ ли оно Нестору или его коментатору XIV или XV столетія, многое отъ себя вставившему. Въ заключеніе напомню только, чтобы изыскатели, при открытіи известій объ имени *Болгаръ*, обращали строгое вниманіе, *о какихъ Болгарахъ именно говорится*, и определительно различали значеніе сего имени, по приведеннымъ уже мною понятіямъ.

Итакъ, можно ли заключать съ народа, жившаго въ Волжской стране въ XII, XIII и проч. столетіяхъ, не называвшаго себя Болгарами, о происхожденіи того народа, который уже съ 400 году оставилъ сію страну, или лучше сказать, распространилъ свое владычество далеко къ Югу? Или, можно ли сказать, что сіи были Татарами потому, что въ последствіи ихъ жилища заняты были Татарами, слывшими у Русскихъ Болгарами по имени города Болгаръ?

Разсмотревъ и разобравъ вкратце мнимыя доказательства Татаризма древнихъ Болгаръ, надлежитъ возвратить исторіи истинное положеніе, что *древніе*

Болгаре были не Татарское или Турецкое, но настоящее *Славянское племя.* Разобранныя мною доказательства могли служить только возраженіями противъ сего положенія, а не доказательствами исторической истины; но мы уже видѣли, сколь онѣ слабы и маловажны.

Теперь обратимся къ тѣмъ доводамъ, на которыхъ Енгель основываетъ второй догматъ своего ученія, т. е. *превращеніе* Болгаръ-*Татаръ* въ Болгаръ-*Славянъ*.

• •

•

Второе. «Если кто привыкъ заключать» такъ начинаетъ Г. Енгель свою Болгарскую Исторію (Allg. Welthist. 49. Th. pag. 293.) «изъ того, до чего одинъ народъ доведенъ дѣйствіемъ времени, событій, войны, истребленіемъ кореннаго племени, климата, смѣшеніемъ съ другими, дѣйствіемъ торговли, литературы, религіи, подражаніемъ сосѣдамъ и вліяніемъ другихъ обстоятельствъ послѣдующихъ временъ, о томъ, чѣмъ онъ былъ въ древнія времена, — тотъ древнихъ Болгаръ назоветъ Славянскимъ народомъ.»

«*Сербъ можетъ понимать Болгарина*, говоритъ Ранчь, *и такъ они одного, т. е. Славянскаго происхожденія.* Галеотъ Марцій (Galeottus Martius), въ своихъ драгоцѣнныхъ Запискахъ объ изреченіяхъ и дѣяніяхъ *Матвѣя Корвина*, Короля Венгерскаго, говоритъ именно (cap. 28. pag. 267): *Матвѣй весьма хорошо понимаетъ Болгарскій языкъ, на которомъ Турки писали* (тогда, т. е. около 1458—1490, въ царствованіе сего Короля) *свои дипломы* *), *ибо онъ*

*) Т. е. государственные акты, грамоты, дипломатическія спо-

не во многомъ отличается отъ Славянскаго языка, который столь обширенъ, что заключаетъ въ себѣ различныя нарѣчія или діалекты. По сей-то причинѣ Матвѣй весьма удобно разговаривалъ съ Чехами, Поляками, Россіянами (обитающими въ Венгріи, изъ коихъ имѣлъ при себѣ отрядъ въ родѣ гвардіи), *Далматами, Болгарами и Сербами.* Сіе же самое сродство Славянскихъ нарѣчій съ Болгарскимъ подтверждаетъ и Бонфиній, Венг. писатель, современникъ Матвѣя Корвина.»

«Однако приведенными выше доводами мы доказали» заключаетъ Г. Енгель «что Болгаре въ старину были Татарами, суть даже одного происхожденія съ Турками.

Нѣтъ. Мы видѣли, по приведеннымъ съ нашей стороны доводамъ, что Г. Енгель отнюдь не доказалъ своего положенія, и что, посему, Болгаре, не будучи Татарами, а Славянами, должны были обойтись безъ превращенія въ то, чѣмъ они были сами собою. Слѣдственно, нѣкоторымъ образомъ показалось бы излишнимъ опровергать подробно сей второй догматъ Тунманно-Енгелевскаго ученія. Однако, слѣдующія причины побудили меня продолжать мой разборъ. 1-е, Енгель неотступно настаиваетъ на превращеніе Болгаръ. Es muss also ein Haupt-thema der Bulgarischen Geschichte seyn, der *Slavenisirung* oder *Slawischwerdung* der Bulgarischen Nation nachzuspüren (См. Gesch. der Bulg. pag. 292.), т. е. «Итакъ, главное», говоритъ онъ, «положеніе Болгарской Исторіи есть опредѣленіе *ославяненія* (превращенія) Болгарскаго народа.» Сіе повторяетъ онъ и во многихъ другихъ мѣстахъ своей Болгарской Исторіи, будто показывающихъ совершающееся превращеніе; 2-е, сверхъ сихъ мѣстъ, дѣйствительно неосно-

шенія съ Королями Венгерскими, Господарями Трансильваніи, Молдавіи, Валахіи, Сербіи и пр.

вательныхъ, Енгель уже въ первомъ періодѣ своего вступленія дѣйствующія причины *времени*, *событій*, *войны* и проч. выставляетъ за доказательства. Тѣ и другія служатъ основою вообще принятаго догмата, мною опровергаемаго. 3-е, система подобнаго превращенія Нѣмецкими учеными введена не только въ Исторію Болгаръ, но и другихъ Европейскихъ народовъ, на примѣръ Россіянъ и Французовъ. И тѣ и другіе, говорятъ сіи ученые, переродились въ себя изъ Нѣмцевъ. Посему, подробный разборъ превращенія вообще, и его теоріи, можетъ быть полезенъ, даже необходимъ не только для Исторіи происхожденія Болгаръ, но и Россіянъ, Французовъ, и вообще для объясненія Европейской Исторіи первыхъ восьми вѣковъ. Въ чемъ убѣдимся ниже. 4-е, я предполагаю, что Русскіе читатели полюбопытствуютъ прочесть нѣчто о тѣхъ странныхъ понятіяхъ, на которыхъ заграничные Историки, преимущественно Нѣмцы, основывали свои изслѣдованія, и которыми, къ несчастью, соблазнился и Карамзинъ.

Сперва замѣтить надобно, что въ первомъ періодѣ сего вступленія Енгель соединилъ довольно невнятнымъ образомъ два, себѣ противорѣчащія, понятія: а) что *„древніе Болгаре были Славяне*, ибо такъ онъ заставляетъ заключать своихъ противниковъ; б) что *„древніе Болгаре были Татаре*, какъ онъ самъ думаетъ, что̀ показываютъ исчисленныя имъ будто причины превращенія. Это дѣлаетъ весь періодъ его неяснымъ. Конечно надлежало Историку, для большей ясности, высказать оба понятія отдѣльно. Смыслъ Енгелевыхъ словъ есть: заключаютъ, что древніе Болгаре были Славяне; но мы, зная, что они были Татаре, утверждаемъ, что они только превратились въ Славянъ дѣйствіемъ времени, событій, войны, и проч.

Оспориваемое Г. Енгелемъ заключеніе не происходитъ, какъ онъ утверждаетъ, отъ привычки заключать, но предписывается *здравымъ разсудкомъ и есте-*

ственностію. Самъ Историкъ заключалъ о своей собратіи вѣрно слѣдующимъ образомъ: если нынѣшніе Дайчеры суть Нѣмцы, то и древніе были Нѣмцами же: если нынѣшніе Греки — Греки, то и древніе были тѣмъ же народомъ. По этому же самому праву и Раичь, или кто ни былъ, Павелъ ли, Петръ ли, долженъ былъ признать древнихъ Болгаръ за Славянъ, т. е. племя Славянское. Сіе-то положеніе надлежало Енгелю прежде опровергнуть, чтобы дать послѣ мѣсто своимъ доказательствамъ превращенія. Но онъ рѣшился избѣгнуть борьбы съ нимъ, приклеивъ къ нему свои будто превращающія причины и выставивъ его же противъ своихъ противниковъ! Какая увертка!

Болгаре уже съ половины IX столѣтія, то есть, со времени ихъ крещенія (около 863—867 г.), слыли племенемъ Славянскимъ. Съ тѣхъ поръ уже нельзя въ нихъ найти никакихъ слѣдовъ Татаризма; въ этомъ признался бы и самъ Тунманнъ и самъ Енгель. Св. Писаніе и Литургія по сему случаю переведены для нихъ на извѣстномъ нарѣчіи Славянскаго языка. Если же Болгаре хотя и частью были тогда еще Татарами, то безъ сомнѣнія послѣдовалъ бы переводъ и на ихъ языкѣ; но о Татарскомъ переводѣ Св. Писанія для Болгаръ отъ роду ничего не слыхали ни Греки, ни кто-либо другой изъ ихъ сосѣдей. Слѣдовательно, *превращеніе* ихъ должно было произойти до ихъ крещенія, т. е. до 863 года. Начаться же должно было оно только съ того времени, съ коего Болгаре, по смыслу Историка, перемѣшались съ Славянами. Сіе смѣшеніе съ Славянами, по Енгелю, началось въ 680 году, именно когда *Аспарухъ*, Государь Болгарскій, переправился чрезъ Дунай въ Болгарію, и подчинилъ себѣ какихъ-то тамошнихъ Славянъ. См. allg.

Welthist. 49. Th. pag. 316. Итакъ, вся эпоха превращенія Татаръ въ Славянъ съ 680 по 863 годъ, состоитъ изъ 163 лѣтъ. Впродолженіе сего-то времени превращающія причины Г. Енгеля должны были довершить волшебное дѣйствіе *Metamorphoseos* Татаръ въ Славянъ! Вотъ онѣ по порядку:

а) «*Дѣйствіе времени.*» Точно, на весь физическій и нравственный міръ дѣйствуетъ время, или, лучше сказать, дѣйствуютъ событія или явленія, коихъ весь рядъ именуемъ временемъ. Но сила его не простирается столь далеко, чтобы могла производить такія перерожденія. Сколькимъ превратностямъ, коликому числу дѣйствующихъ причинъ подверженъ былъ Греческій народъ впродолженіе слишкомъ 2,000 лѣтъ! Сколько снести долженъ былъ онъ внутреннихъ переворотовъ, сколько чуждыхъ владычествъ, сколько смѣшеній, съ Персами, Македонянами, Римлянами, Латинцами, Франками, Венеціанами, Славянами и, наконецъ, впродолженіе 400 лѣтъ, съ Турками, — и все тотъ же Греческій народъ! Чтò же могло произвести въ немъ толикое пространство времени, толикій рядъ дѣйствующихъ причинъ? Только измѣненіе въ языкѣ, которое дѣлается тогда только ощутительнымъ, когда возмешь оба конца 2,000-наго пространства, и сравнишь оные, т. е. сравнишь языкъ *Гомера* или *Демосѳена* съ языкомъ нынѣшнихъ Грековъ. Однако, все языкъ одинъ и тотъ же (я говорю объ языкѣ, ибо подъ превращеніемъ его и можно только представлять превращеніе Татаръ въ Славянъ).

Какая же разница между дѣйствіемъ 2,000-наго и 163 лѣтняго времени? Какая разница между сими понятіями? Древній Греческій языкъ измѣнился въ нынѣшній впродолженіе 2,000 лѣтъ, а Татарскій (ri-

sum teneatis amici), не скажу, измѣнился, но совершенно *превратился* въ Славянскій впродолженіе 163 лѣтъ! Греческій языкъ не превратился въ другой, будучи почти безпрерывно подъ игомъ, смѣшиваясь съ иноплеменниками, а Татарскій превратился въ совершенно другой, будучи господствующимъ! — Eheu! praeclarum veritatis documentum — absurdum! Конечно, сказанное на счетъ Грековъ годится и на счетъ всякаго другаго народа. Въ семъ отношеніи, если примѣнить дѣйствіе времени и къ Болгарамъ, то не иное что̀ выйдти можетъ, какъ только нѣкоторое измѣненіе въ *Болгарскомъ* нарѣчіи Славянскаго языка, аналогически съ Греческимъ.

Опровергнувъ вообще такое дѣйствіе времени, мы приступимъ теперь, хотя это уже и лишнее, къ опроверженію порознь всѣхъ причинъ, которыя Енгель исчислилъ.

б) «*Событія, война.*» (!)

в) «*Истребленіе кореннаго племени.*» — Что это значитъ? Истреблены ли мнимые Татаре — Болгаре, всегда господствуя? Кѣмъ же истреблены? Какъ можно согласить два понятія: *истреблены* и *превратились въ другой народъ*? Но положимъ, что сочинитель подъ истребленіемъ подразумѣвалъ перерожденіе, превращеніе въ Славянъ. Если такъ, то какъ могъ онъ сіе положеніе, которое надобно было именно доказывать, выставлять за доказательство, предлагать произведеніе (effectus) вмѣсто причины (causa)? Не значитъ ли это говорить слѣдующимъ образомъ: Болгаре превратились въ Славянъ, ибо Болгаре превратились въ Славянъ? Какая логика!

г) «*Климатъ*». Вотъ новость! Татаре превратились въ Славянъ въ продолженіе 163 лѣтъ, потому-что переселились въ страну, болѣе теплую! Искренно по-

жалѣть можно, что мнимые ихъ единоплеменники, Турки, вышедшіе изъ Татаріи въ претеплую Грецію, впродолженіе болѣе 600 лѣтъ, не оправдали сего софизма Нѣмецкаго ученаго вревращеніемъ себя въ что-либо, положимъ, въ Грековъ!

е) «*Смѣшеніе съ другими.*» Здѣсь-то, здѣсь-то и заключается *историческая мистификація* многихъ изъискателей! Здѣсь-то и всѣ предѣлы теоріи Превращенія — въ *смѣшеніи съ другими!* Какъ легко воображать, что два, три народа перетасовались между собою, и, о диво! исчезли изъ сей кутерьмы, а остался одинъ, нерѣдко совершенно новый! Такъ, на примѣръ, говорятъ, Татаре смѣшались съ Славянами,—и родились Болгаре. Шведы слились съ Славянами, — и родились Россіяне! *Уатсонъ* говоритъ за достовѣрное, что даже изъ смѣшенія Славянъ, Чухонцевъ, Готовъ, произошелъ совершенно новый народъ и языкъ, Латышскій. Онъ даже сдѣлалъ химическое разложеніе сего слитка, и (см. III N Матеріаловъ для Исторіи просвѣщенія въ Россіи) представилъ количественную таблицу составныхъ началъ онаго, и проч. Но скоро ли перестанутъ фокусничать? Слава Богу уже слишкомъ 1,000 лѣтъ тому назадъ, какъ водворилась въ Европу здравая Исторія; 1,000 лѣтъ прошло, впродолженіе коихъ между Европейскими народами, не смотря на ихъ смѣшенія между собою, не было подобнаго превращенія, какія мерещутся писателямъ въ темныхъ столѣтіяхъ Европейской Исторіи.

Но, если сіе зависѣло отъ смѣшенія, то почему подобные Татаре - Турки, завоевавшіе Болгарію около 1380 года, и пребывающіе въ оной донынѣ въ совершенной смѣси съ Славянами, впродолженіе толикаго времени не превратились въ Славянъ? Ска-

жу больше. Почему *Венгры*, народъ действительно Татарскаго происхожденія, самъ собою не многочисленный, живя въ Венгріи уже слишкомъ 900 лѣтъ въ совершенной смѣси съ Славянами, и подвергаясь всѣмъ почти дѣйствующимъ причинамъ, исчисленнымъ Г. Енгелемъ, не только что не превратился въ Славянъ, но напротивъ впродолженіе толикаго времени удержалъ за собою всѣ принадлежности своей народности?

Ж) «Дѣйствіе торговли, литературы, религіи.» Ба! ба! Развѣ Латыши и Чухонцы перестали быть Латышами же и Чухонцами оттого, что впродолженіе 500 лѣтъ во всей ихъ странѣ была и литература и вѣрованіе и торговля иноплеменная, Нѣмецкая? Извѣстные жители Краина и Карніоліи, *Словене*, со временъ Августа Имп. до нынѣшнихъ временъ, впродолженіе 1800 лѣтъ, не смотря на всѣ старанія Римскаго, Италіанскаго и Нѣмецкаго правительствъ, не смотря на всѣ тѣ обстоятельства, которыя представлять можетъ иго иноплеменниковъ (чужой языкъ, чужая вѣра, чужое Богослуженіе, чужая литература, чужая торговля), по сію пору остались Славянами. Ни одна изъ Римскихъ колоній въ Дакіи, Галліи и Испаніи, не только что не лишилась своей народности, но еще и распространилась. Въ XIII столѣтіи выведенная въ Трансильванію Саксонская небольшая колонія, вопреки всѣмъ условіямъ теоріи превращенія, не истребилась и по сію пору, но нынѣ еще раздѣлилась на значительные округи.

Вообще, *языкъ* и *народность* можетъ сохраниться, и дѣйствительно сохраняется, не только въ небольшихъ колоніяхъ, но и въ отдѣльныхъ семействахъ, совершенно окруженныхъ иноплеменниками, если толь-

ко сіи семейства не станутъ съ ними смѣшиваться кровною связію. *Языкъ* и *народность* сихъ семействъ, при упомянутомъ условіи, сохраняется не только впродолженіе 163-хъ, но и 263 и 363 лѣтъ. Живымъ доказательствомъ этому послужатъ Армянскія семейства, проживающія съ давнихъ временъ въ Россіи, Польшѣ, Венгріи. Наиболѣе же въ сей послѣдней и Трансильваніи можно отъискать семейства, которыя, по городскимъ свидѣтельствамъ, проживая въ томъ или въ другомъ городѣ по 300 лѣтъ, не позабыли и понынѣ Армянскаго своего языка.

Слѣдовательно, и подумать не позволительно было о превращеніи Болгаръ. Ибо, повторяю: 1-е) Смежные ихъ сосѣди, Византійцы, отъ роду о семъ ничего не знали; выдуманное же упомянутыми учеными превращеніе, вопреки здравому разсудку и всѣмъ Византійцамъ, вводитъ въ Исторію галиматью. 2-е) Многочисленный Болгарскій народъ долженъ былъ своею массою заглушить поселенное будто у Балканскихъ горъ въ царствованіе Ираклія какое-то Славянское племя; и если бы онъ былъ Татарскаго происхожденія, то побѣжденные Славяне должны бы были напротивъ отатариться. 3-е) Болгаре не могли смѣшаться на всѣхъ мѣстахъ занимаемаго ими пространства съ предполагаемыми Славянами. Если же отъ смѣшенія должно было произойти превращеніе, то несмѣшанныя области Болгаръ должны были остаться въ мнимомъ ихъ Татаризмѣ и до нынѣшняго времени, чего однако никогда не бывало. Еще болѣе: самъ Г. Енгель, въ своей Исторіи Болгаріи, стр. 317, говоритъ, что завоевавшіе Мизію Богаре переселили *Сѣверянъ* (Severier) изъ окрестностей Варны, въ коихъ сами намѣревались остаться, далѣе къ Югу, а *прочія Славянскія колѣна* про-

гнали къ Юго-востоку, къ границамъ Аваріи. И такъ, по словамъ самаго Историка, смѣшенія съ Славянами не было даже и въ самой Болгаріи.—Какъ же могло произойти превращеніе? О диво! 4-ое) Мы увидимъ ниже, что въ Болгаріи или во Ѳракіи до пришествія Болгаръ отнюдь не было никакихъ Славянъ, какъ полагали Тунманнъ, Енгель и прочіе; въ качествѣ Славянъ, въ сію страну вошли одни только *Болгаре*. Какъ и во что̀ должны были они превращаться?

Для предотвращенія недоумѣнія читателей между мною и моими противниками, замѣчу слѣдующее. Имя *Словене* (*Словенцы*, *Словаки*, одно и тоже, какъ и Россіяне, Русскіе, Русаки) принадлежало всегда исключительно одному Славянскому племени, а именно, какъ я уже и выше замѣтилъ, Паннонцамъ и Итало-Украинцамъ; прочія же имъ никогда не назывались. Иноплеменники произносили сіе имя на своемъ языкѣ Σϑλαβοι, *Slavi*, *Slavini*. Довольно страннымъ образомъ они распространили оное, въ своемъ воображеніи, и на прочія сродныя съ Словенами племена, такъ-что имя Словене, собственно видовое, стало дѣлаться и родовымъ. Въ Европѣ и по сію пору пишутъ сіе названіе только по Латинскому правописанію: *die Slaven*, *les Slavons* или *Slaves*; но никогда не означаютъ, о чемъ говорятъ, о видѣ ли, или о цѣломъ родѣ. Сія неопредѣленность понятія причиняла вообще въ Европейской Исторіи чрезвычайную путаницу. Употребленіе видоваго имени вмѣсто родоваго подало многимъ поводъ думать, будто издревле дѣйствительно всѣ виды сего обширнаго рода назывались симъ именемъ, что̀, однако, несправедливо. Сія-то ошибка породила и многія другія, между прочимъ покровительствовала понятію о Татаризмѣ Болгаръ, о Скандинавизмѣ Россіянъ и проч.

Однако Русскія лѣтописи не подражали Грекамъ и Римлянамъ, а писали сіе имя, какъ надлежитъ, *Словене*, чего не поняли всѣ наши толкователи. Съ нѣкотораго однако времени

и въ Россіи иные писатели, между прочими и Карамзинъ, ввели *Славянъ* въ Русскій языкъ, такъ однако, что и по сію пору иные пишутъ *Словене*, а другіе *Славяне*, но и тѣ и другіе въ одномъ значеніи, т. е. сами не знаютъ, подобно иностранцамъ, въ какомъ.

Но пора говорить внятнѣе. Прошу имя *Словене* возвратить племени, коему оно принадлежитъ исключительно, употреблять его въ видовомъ значеніи; но такъ какъ общаго имени всѣхъ племенъ никто не знаетъ, то, вмѣсто онаго, можно допустить введенное уже: *Славяне*. Въ такихъ значеніяхъ впредь я и буду употреблять сіи названія.

И такъ, говоря, что въ Мизіи до пришествія Болгаръ не было Славянъ, я хотѣлъ сказать ни Сербовъ, ни Кроатовъ, тѣмъ менѣе Словенъ, т. е. никакого другаго Славянскаго вида или племени, кромѣ Болгаръ; *Сѣверяне* же въ окрестностяхъ Варны, и другіе въ тѣхъ мѣстахъ предполагаемые Славяне были настоящіе Болгаре же, туда переселившіеся еще до временъ Аспаруха, какъ увидимъ ниже.

И такъ, разобравъ подробно и доказательства Таттаризма Болгаръ и понятія объ ихъ превращеніи, повторяю мое положеніе, какъ аксіому или истину, что *Болгаре были Славянскимъ племенемъ не только въ IX вѣкѣ, но и въ VIII, VII, VI, V, IV, III, II, I и такъ далѣе до самой отдаленной древности.* Въ заключеніе, замѣтить нужно, что обѣ сіи спорныя статьи: *доказательства Татаризма, и доказательства превращенія* Болгаръ, зависятъ взаимно одна отъ другой. Если Болгаре, какъ доказано, не были Татаре, то имъ и не нужно было превращаться въ Славянъ; и на оборотъ: если Болгаре не могли превратиться въ Татаръ, то стало быть и первоначально были Славянами.

III.

О древнихъ жилищахъ Болгаръ.

По всѣмъ лѣтописямъ видно, что Болгаре появились на Югѣ съ сѣверныхъ береговъ Азовскаго моря, то есть, изъ страны Волжской, или иначе, изъ древней Болгаріи. То же самое утверждаетъ Несторъ, выводя ихъ изъ Козаріи, какъ мы видѣли выше (стр. 26). Въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Это подтверждаетъ еще слѣдующее сужденіе. Болгаре, составляя часть Славянскаго міра, должны были жить въ соприкосновеніи съ онымъ, а именно въ сосѣдствѣ съ Славяно-*Россами;* посему, они находились въ сосѣдственной съ Русью странѣ *Волжской.* Напротивъ, нельзя допустить, чтобы они жили гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ безъ всякаго соприкосновенія съ Славянами. Хотя впрочемъ не слишкомъ благоразумно было бы коптѣть надъ происхожденіемъ имени какаго-либо народа, однако начало Болгарскаго имени столь очевидно, что нельзя не упомянуть объ ономъ.

Имя *Болгаръ* произошло отъ знаменитѣйшаго въ ихъ жилищахъ предмета, рѣки *Волги.* Это положеніе не заключаетъ въ себѣ никакого противорѣчія и, напротивъ, подтверждается многими подобными примѣрами изъ прочаго Славянскаго міра. Кто не знаетъ, что Германскіе Украинцы назывались *Полабами,* потому-что жили по обѣимъ сторонамъ рѣки *Лабы* (нынѣ Элбы)? Такъ, знаменитые *Ободриты*—отъ рѣки *Одры* (Одера). Кто не знаетъ, что Моравяне и вся Моравія получила названіе отъ рѣки своей *Моравы?* Большая часть Славянскихъ племенъ въ обширной Германіи называлась по именамъ рѣкъ, ими обитаемыхъ. Подобные примѣры есть и въ Россіи: *Сули-*

ки, *Вятичи*. Кто не знаетъ, что часть Воложскаго народа прослыла *Молдованами*, и страна ихъ, впослѣдствіи распространившаяся, *Молдавіею*, по имени рѣчки *Молдовы*, вытекающей изъ Карпатскихъ горъ къ Востоку? Очевидно, что и знаменитая Волга должна была получить подобную же почесть.... Славяне въ странахъ, ею орошаемыхъ, сдѣлались *Волгарами*. Впрочемъ, какъ *Волгари* превратились въ *Болгаръ*, нетрудно понять; ибо 1-е, различіе между *в* и *б* небольшое, 2-е, можетъ быть, Волга въ древнія времена называлась *Болгою*, или, можетъ быть, сами Болгаре ее такъ называли. Между тѣмъ, замѣтимъ, что не только Византійцы, но и Paulus Diaconus in Gest. Longob. называетъ ихъ *Вулгарами*. Такъ ли или иначе, все равно для сущности дѣла.

Догадка. Впрочемъ, нынѣшніе Болгаре называютъ себя *Болгарами*, а не *Волгарами*. Это педантамъ показалось бы нѣкоторымъ затрудненіемъ. Въ предотвращеніе сего, я добиваюсь стариннаго имени Волги слѣдующимъ образомъ *). Въ Русскихъ фамильныхъ названіяхъ нерѣдко удается открыть старинныя, и вмѣстѣ вышедшія изъ употребленія Русскія имена; такъ, на примѣръ, изъ имени *Корсакова* узнаемъ, что наши предки коренныхъ жителей Курляндіи называли *Корсаками*. Окончаніе *акъ* означало жителя или уроженца той или другой страны или мѣста; *Русакъ*, *Полякъ*, *Литвякъ*, *Сибирякъ*, *Остякъ*, *Прусакъ*, *Тверякъ*, *Землякъ*, *Днѣпрякъ*, отъ Русь, Поле, Сибирь и проч.; посему, и *Корсакъ* отъ страны, которую Русскіе нѣкогда называли, какъ извѣстно изъ Нестора, *Корсью*. Изъ имени же *Булгакова* видно, что сюда же относится и *Булгакъ*, произведенное отъ *Булга*, что явно есть Волга. Итакъ, не называли ли древніе Россіяне или, положимъ, сами Болгаре сію рѣку *Булгою* или *Болгою?* По край-

---

*) См. примѣчаніе стр. 44.

ней мѣрѣ, на это указываетъ, 1-е, упомянутое фамильное названіе, 2-е, тò, что и нынѣшніе Болгаре пишутъ *б*, а не *в*.

Кстати. Волгу *Волгою* именовали издревле только одни Славяне; Татарскія племена называли ее *Ателемъ*, *Этелемъ*, *Этилемъ*. Теперь спрашиваемъ: Если древніе Болгаре были Татарами, то какъ могли бы они прозваться *Волгарями* отъ такого имени сей рѣки, коего Татаре не имѣли? Или: зная мѣстопребываніе Болгаръ и происхожденіе этого имени, можемъ ли мы подумать, что древніе Болгаре были Татарами?

Итакъ, древнѣйшія жилища Болгаръ видимъ въ обширной странѣ Приволжской; посему, это первыя ихъ обиталища, о коихъ знаемъ. Изъискивать или догадываться, жили ли они здѣсь всегда, или пришли сюда откуда-либо, было бы безуспѣшно и безполезно, или лучше сказать, невозможно. Вообще, понятія о жилищѣ Болгаръ зависитъ отъ понятія о географическомъ положеніи всей Славянской массы. Все, чтò говорено о переселеніи Славянъ вообще изъ Азіи въ Европу и объ эпохѣ онаго, суть однѣ только догадки, не заслуживающія никакого вниманія. Тожество основы Славянскаго языка съ основою прочихъ Европейскихъ, выводимое изъ сравненія съ совсѣмъ другою основою, общею Азійскимъ языкамъ, а наиболѣе близкое сродство Славянскаго съ Латышо-Латинскимъ, явно показываетъ, что главные народы Европы происходятъ изъ общаго источника, равно какъ и народы Татаро-Монгольскаго міра изъ своего другаго *). Посему, если Латины или Греки или даже Нѣмцы суть древніе обитатели Ев-

---

*) Подробное сравненіе этихъ языковъ, сдѣланное *Венелинымъ*, напечатано въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. 1846—1847, годъ второй, № IV.» *Изд.*

ропы, то ничто совершенно не мѣшаетъ и Славянамъ, по тому же праву, быть старожилами сей же части міра. Но, если захотѣлось бы кому непремѣнно говорить о пришествіи Славянъ изъ Азіи, то говорить объ этомъ можно бы только въ той главѣ, въ которой будетъ намѣкаться о пришествіи оттуда же всѣхъ вообще Европейскихъ народовъ. Это впрочемъ такъ далеко, что никакой взоръ наблюдателя туда не въ состояніи проникнуть. Посему, и Болгаре жили, или должны были жить, въ соприкосновеніи съ Европейскою массою, именно съ своими собратіями, Славянскими племенами, и эти жилища ихъ были на Волгѣ со времень, незапамятныхъ для Исторіи.

IV.

Опытъ опредѣления времени выхода Болгаръ изъ Волжской страны къ Дунаю, и рѣшение затруднений, происходящихъ при взглядѣ на сей переходъ.

Переходъ сей занимателенъ, потому-что, если и не принадлежитъ къ Исторіи Русскаго народа непосредственно, однако принадлежитъ къ Исторіи Русской страны, чрезъ которую былъ совершенъ. Сверхъ сего, объясненіе нѣкоторыхъ важныхъ историческихъ задачъ, касательно народовъ, появлявшихся попеременно и исчезавшихъ въ восточной Европѣ, имѣетъ къ Русскимъ племенамъ ближайшее отношеніе.

Выходъ и переходъ Болгаръ съ Волги къ Дунаю весьма теменъ, ибо совсѣмъ неописанъ современ-

нымъ Византійцамъ. Въ исходѣ только V и началѣ VI вѣк., т. е. около 490—505 годовъ, въ царствованіе Имп. Анастасія, упоминается о Болгарахъ въ первый разъ, а именно тогда уже, когда они, проживая на Дунаѣ, дѣлали первыя нападенія въ Мизію и Ѳракію. Итакъ, для большей ясности, здѣсь положимъ два понятія: а) бытіе Болгаръ на Волгѣ и б) бытіе ихъ около 490 года на Дунаѣ. Посему, предметомъ нашего вниманія будетъ третье, среднее понятіе, связывающее оба приведенныя, то есть в) бытіе Болгаръ въ дорогѣ съ Волги къ Дунаю, т. е. *ихъ переходъ*.

Византійцы, говоря о *пришествіи* Болгаръ, а по нашему, объ ихъ переходѣ, знаютъ, какъ мы уже видѣли, что они пришли отъ Азовскаго моря, или изъ-за Азовскаго озера, но не сказываютъ, когда именно. Около 495 года, они сдѣлали нападеніе на самую Ѳракію. Анастасій велѣлъ выстроить знаменитую стѣну для удержанія ихъ. Посему, сей годъ есть время нападенія на Имперію, а не ихъ прихода. Они могли жить долго на Дунаѣ еще до сего нападенія. Впрочемъ, Византійцы отнюдь не могли назначать именнаго года ихъ пришествія; ибо а) они не знали того, б) переселенія одного цѣлаго народа изъ отдаленной страны нельзя было означать однимъ годомъ. Подобное переселеніе могло случиться не иначе, какъ впродолженіе многихъ лѣтъ до упомянутаго года, положимъ, съ 400 или 440 года.

Смотря съ сей точки на переходъ Болгаръ, можно бы это дѣло почти такъ оставить, если бы особыя, въ лѣтописяхъ встрѣчающіяся, явленія тому не мѣшали. А именно: сообразно съ извѣстіями разныхъ Византійскихъ лѣтописей, въ сіе же время, тѣмъ же путемъ, изъ той же страны, откуда вышли Болгаре, вышло, гово-

рать, и множество другихъ народовъ: *Массаветы*, *Утургуры*, *Кутургуры* или *Кутригуры*, *Савиры*, *Ефталиты*, *Акатиры* или *Акациры*, *Сарагуры*, *Кидариты*, *Уроги*, *Авары*, *Гунногуры*, и почти всѣ подъ общимъ и страннымъ именемъ *Гунновъ*. Что это значитъ? Появленіе Гунновъ въ южной Россіи и Молдавіи начинается съ 380 года. Съ 400-го они зашли въ Валахію и, обошедъ Трансильванію, къ рѣкѣ *Тисѣ* въ Венгрію. Въ сихъ мѣстахъ поселились уже въ V столѣтіи. Такимъ образомъ встрѣчаются здѣсь слѣдующія

Затрудненія.

1. Болгаре въ своихъ Волжскихъ жилищахъ составляли преграду между Европой и Азіей. Если они тамъ оставались еще до 420 или 440 года, то откуда могло взяться толикое число народовъ (коихъ приходъ, по смыслу Византійскихъ лѣтописей, выводится съ Волги, съ границъ Азіи) на Дунаѣ уже около 380 или 400 года? Или Болгарамъ не бывать было около 400 года на Волгѣ, или, въ противномъ случаѣ, симъ народамъ на Дунаѣ.

2. Положимъ, что Болгаре туда же направили путь свой, и тамъ же поселились, гдѣ сіи народы; то возможно ли объяснить, какимъ образомъ двѣ области, Молдавія и Валагія и Венгрія, могли въ себѣ помѣстить толикое число народовъ, да сверхъ ихъ и Болгаръ?

3. Составляли ли всѣ сіи имена столько же особенныхъ народовъ, и кáкъ можно объяснить, чтобы столько различныхъ народовъ могли стремиться къ одной цѣли, въ одинъ малый уголокъ Европы?

4. Имя Гунновъ столь громко въ лѣтописныхъ

листкахъ! Какой Историкъ не знаетъ Гунновъ? Чтò же за народъ были Гунны? Мы знаемъ, какъ и всякъ другой, что они были отличные рубаки, наѣздники, имѣли хорошихъ лошадей; знаемъ, что дрались тамъ и тамъ, знаемъ даже нѣсколько чертъ ихъ характера народнаго, и нѣсколько обычаевъ... Но не то; я спрашиваю, къ какому племени рода человѣческаго они принадлежали?

5. Гунны были народъ могущественный, многолюдный; и Греція, и Италія, и Германія, и Франція, и Персія, и Вандальское царство въ Африкѣ испытали его оружіе. Вдругъ сей народъ, вмѣстѣ съ прочими вышеупомянутыми, пропалъ безъ вѣсти съ лица земли, или лучше сказать, изъ Лѣтописей. Можно ли допустить это? Куда онъ дѣвался? Тò же надобно сказать и о Кутригурахъ, Аварахъ, Козарахъ, видахъ его. Слава Богу, съ 1,000 году, не только ни одинъ посредственный народъ, но даже посредственныя колоніи, подвергавшіяся разнымъ переворотамъ, внѣшнимъ и внутреннимъ, не только не исчезли, но даже и умножились, усилились. Чему есть множество примѣровъ. Но какимъ образомъ изъ всѣхъ тѣхъ племенъ остались, и по сію пору здравствуютъ, одни только Болгаре?

Отъ чего происходятъ сіи затрудненія? Отвѣчать на упомянутые вопросы положительно нельзя; ибо рѣшеніе ихъ не было бы сообразно съ здравымъ разсудкомъ, а по сему, и съ здравой Исторіей. Мы разсмотримъ критически, небыло ли какого недоумѣнія между лѣтописцами и нами, толкователями. Вся бѣда происходитъ очевидно отъ упомянутыхъ именъ народныхъ. «Столь обширное и неопредѣленное значеніе имѣетъ у Византійцевъ имя Гунновъ», говоритъ Стриттеръ, «что, кажется, они сами не знали, кому хотѣли прилагать

оное. Vid. Mem. Popul. in Summ. Hunnicor. pag. 451. Посему, нужно разрѣшить именно сіе недоумѣніе между самими Византійскими писателями, коихъ было очень много, съ 380 или 400 года до позднѣйшихъ временъ. Вотъ тѣ, которые упоминали хотя вкратцѣ о нашихъ спорныхъ народахъ: *Прискъ Риторъ*, *Прокопій*, (*секретарь* Велизарія), *Менандръ Протекторъ*, *Агаѳія*, *Ѳеофилактъ Симокатта*, *Ѳеофанъ Византійскій*, *Анастасій Библіотекарь*, *Сочинитель Пасхальной Лѣтописи*, *Константинъ Багрянородный*, *Безъименный его Продолжатель*, *Левъ Грамматикъ*, *Никифоръ* Патріархъ, *Ѳеофанъ Исаакій*, *Суида*, *Зонара*, *Симеонъ Логоѳета*, *Георгій монахъ*, *Георгій Пахимиръ*, *Константинъ Манассій*, *Георгій Синкеллъ*, *Кодинъ* и проч. Изъ сихъ писателей тѣхъ только должно принимать въ свидѣтели о спорныхъ народахъ, которые жили въ ихъ время, то есть до VI, VII столѣтія (эпохи, въ которую имена сіи исчезли); прочихъ же Византійцевъ IX, X или XI столѣтій можно принять только или за переписчиковъ, или повторителей извѣстій о сихъ давнобывшихъ народахъ, изъ прежнихъ современныхъ писателей. (Къ сожалѣнію, должно сказать здѣсь, что у меня не было довольно источниковъ, изъ коихъ могъ бы опредѣлить время жизни упомянутыхъ Лѣтописцевъ; буду говорить о нихъ однакожь по старшинству.)

Вотъ странное раздѣленіе Волжскихъ пришельцовъ у разныхъ писателей, изъ котораго ясно увидѣть можно нелѣпости, произшедшія изъ разныхъ именъ одного и тогоже народа у разныхъ писателей.

Въ IV столѣтіи. Гунны, при первомъ приближеніи къ югу, стали быть извѣстными у писателей подъ однимъ именемъ *Гунновъ* (Οὖννοι), какъ у *Олимпіодора*,

Евнапія, Феофана Визант., Анастасія, и *Сочинителя Пасхальн. Лѣтописи.* См. Mem. Pop. I. pag. 460.

Въ V столѣтіи. Когда сіи Гунны поселились въ Молдавіи, Валахіи, Венгріи, сдѣлались болѣе извѣстными, встревожили, подъ начальствомъ храбраго своего Короля *Аттилы,* большую часть Европы, тяжело налегли на Восточную Имперію, тогда Византійцы вступили съ ними въ сношенія. Въ посольствѣ ихъ при Аттилѣ, въ южной Венгріи, находился и *Прискъ Риторъ.* Онъ познакомился нѣсколько съ симъ народомъ, и оставилъ о немъ любопытныя извѣстія въ своемъ сочиненіи. Народъ сей занималъ жилища весьма обширныя съ Дуная обратно до самаго Дону, или даже Волги; но Прискъ, не имѣя о немъ достаточныхъ географическихъ свѣдѣній, раздѣлилъ его произвольно на частныя названія: на Гунновъ, *Савировъ, Унногуровъ, Сарагуровъ, Уроговъ, Акатировъ* (коихъ называетъ и *Акацирами* и *Катзирами*) и *Кидаритовъ.*

Въ VI столѣтіи. Плодовитый повѣствователь о военныхъ событіяхъ въ царствованіе Іустиніана Великаго, секретарь безсмертнаго Велизарія, Прокопій, оставилъ много подробностей о Гуннахъ, преимущественно же перешедшихъ чрезъ Дунай и вступившихъ въ зависимость отъ Имперіи; о внутреннемъ же положеніи Гуннской державы свѣдѣнія его были ограниченнѣе. Онъ подраздѣляетъ сей народъ, отчасти иначе нежели Прискъ, на *Ефталитовъ* (бѣлыхъ Гунновъ), *Кутургуровъ, Утургуровъ, Саверовъ Киммерійскихъ* въ Крыму, *Массагетовъ* на Днѣстрѣ и около Днѣпра, *Азійскихъ* на Дону, и *Воспорскихъ* около города Воспора. Изъ несогласія сихъ обоихъ писателей, касательно именъ, явно видно, что онѣ сотворены произвольно ими самими по извѣстнымъ имъ причинамъ или

понятіямъ. Названія, приведенныя Прискомъ, не встрѣчаются, исключая двухъ, ни у одного изъ послѣдующихъ писателей, и прекратились съ его жизнію. Польза извѣстій обоихъ сихъ писателей сдѣлается важнѣе, если критическимъ разборомъ ихъ сочиненій отъищутъ, какое имя гдѣ обитало, и ка́къ каждое изъ нихъ переименовано Прокопіемъ.

Къ сему же времени (нѣсколько позже) принадлежитъ *Менандръ Протекторъ*. Въ своихъ наименованіяхъ, онъ послѣдовалъ Прокопію, съ нѣкоторымъ однако различіемъ въ правописаніи. У него: Гунны 1) *Гунногуры*, 2) *Саверы*, коихъ называетъ и *Авералии*, 3) *Ефталиты*, 4) *Контригуры* (*Котрагиры*, *Кутрагуры*, *Котрагуры*), *Утигуры* (Уйтигуры), и *Угуры* въ Азіи, за Волгою. *Менандръ*, видно, не дѣлалъ столь подробнаго раздѣленія, какъ Прокопій, у коего жители всякой области получали особенное названіе. — Изъ разныхъ мѣстъ сихъ писателей явствуетъ, что Котрагиры или Кутургуры и Утургуры были въ Молдавіи и Валахіи; Саверы въ Венгріи, гдѣ дѣйствительно впослѣдствіи они извѣстны были подъ именемъ *Аверовъ* или *Аваровъ*. Ефталиты или бѣлые Гунны неизвѣстно гдѣ.

Еще до Менандра, Готъ *Іорнандъ*, современникъ Прокопія, писалъ въ Равеннѣ въ Италіи, около 550 года. У него Гунны не столь обширное имя; объ нихъ онъ занялъ кое-что изъ древнихъ Византійцевъ; по сему, жилища ихъ указываетъ на Волгѣ. Впрочемъ, исчисляетъ ихъ племена и областныя названія: 1) *Болгаре*, 2) *Аулзіагры*, коихъ въ другомъ мѣстѣ именуетъ *Улзінградии*; это Кутургуры и Утургуры Прокопія или Утригуры и Котрагуры Менандра, 3) *Авиры*, Савиры и Авейры Грековъ. 4) *Гуннугары*. «*Аулзіагры*» говоритъ онъ «живутъ около Херсона, т. е. въ Бессарабіи и

въ Крыму.» Жилищъ современныхъ ему *Болгаръ* не означаетъ, а говоритъ только, что «надъ Чернымъ моремъ распространяются жилища» т. е. древнія «*Болгаръ*, которые за наши прегрѣшенія» т. е. Готскія, «сдѣлались» намъ Готамъ «слишкомъ знакомыми» т. е. въ Италіи. *Гуннугаровъ* онъ ставитъ въ Россіи на Днѣпрѣ или Дону, коихъ называетъ извѣстными, потому-что отъ нихъ получаются въ Херсонѣ драгоцѣнные мѣхи (pellium murinarum commercium). Итакъ, если оставить его *Аулціагровъ* въ Крыму и Молдавіи и отчасти въ Валахіи, *Авировъ* въ Венгріи и малой Валахіи, *Гунугаровъ* въ южной Россіи, на Дону и т. д.; то мѣста не достанетъ для *Болгаръ*, которые именно должны были быть на самомъ Югѣ, ибо мучили Готовъ въ Италіи.

Это можно объяснить только вотъ какъ: въ правленіе Императора Іустина I и Іустиніана Великаго, много Гунновъ переправилось чрезъ Дунай въ Мизію, оставленную Готами, отправившимися въ Италію. За полученныя земли въ разныхъ префектурахъ Мизіи и Македоніи они обязаны были выставлять Императору вспомогательное войско въ безпрерывныя войны то съ Персами, то съ Вандалами въ Африкѣ, то съ Готами въ Италіи. Сіе войско Византійцы, и самъ Прокопій, называютъ просто только *Гуннами*. Блестящіе военные ихъ подвиги въ Италіи противъ Готовъ слишкомъ извѣстны въ военныхъ Запискахъ Прокопія. Здѣсь-то они сдѣлались Готамъ *слишкомъ извѣстными* (quos notissimos peccatorum nostrorum mala fecere). Этихъ-то Гунновъ Іорнандъ называетъ *Болгарами*. Трудно ли здѣсь понять, что онъ, знавши нѣчто объ имени Гунновъ отъ Византійцевъ, въ коихъ только головѣ оно и родилось, схватилъ настоящее имя народа, который могъ знать лично. Имена прочихъ, какъ менѣе ему извѣстныхъ, за-

имствовалъ онъ отъ Византійцевъ, только съ нѣкоторою разницею. Его *Аулзіагры* или *Улцинзуры* суть очевидно *Утигуры* (вмѣстѣ съ Кутургурами) Прокопія; *Авиры* его суть Аверы или Савиры Византійцевъ; *Гуннугаровъ* онъ наименовалъ также какъ и Прискъ и Менандръ.

Въ VII столѣтіи. Около 629 года писалъ *Ѳеофилактъ Симокатта.* Въ его время всѣ почти областныя имена Гунновъ, приведенныя его предшественниками, вышли уже изъ употребленія. Въ знаменитыхъ военныхъ событіяхъ между симъ народомъ и Византійцами (580-620 год.) было извѣстно и употреблялось одно только имя *Аваровъ,* коихъ Король-Герой *Боянъ* имѣлъ столицу свою въ южной Венгріи, откуда его владѣнія распространялись и на Валахію и проч. Въ сей войнѣ являются, какъ союзники Аваровъ, *Словене* и Гепиды, жители Трансильваніи. Имя Утригуровъ, Кутригуровъ въ Валахіи и Молдавіи совсѣмъ прекратилось и отчасти замѣнено *Аварами.* (Сіе имя, какъ мы видѣли, есть то же, что у предшественниковъ Симокатты: *Савиры, Савейры, Авейры, Авиры.*)

Между тѣмъ, Утригуровъ и Кутригуровъ, жителей Валахіи и Молдавіи, стали замѣнять именемъ *Болгаръ,* наиболѣе съ Аваро-Византійской войны (580-620 г.). Впрочемъ, встрѣчаются въ сочиненіи Симокатты и имена, употребленныя, на примѣръ, *Прискомъ.* Замѣтимъ однакожъ: онъ упоминаетъ о нихъ не при современныхъ ему событіяхъ, но въ принадлежавшихъ ко времени Приска, Прокопія и проч., на примѣръ, *Унугуры, Савиры, Нефталиты.* Вообще, какъ *Гунны,* такъ и *областныя* ихъ названія прекращаются около 587 года. Съ сего времени одно изъ сихъ послѣднихъ именъ, *Авары,* начало дѣлаться почти общимъ; но, какъ увидимъ, не надолго. Конечно, замѣненіе однихъ именъ

другими ввело послѣдующихъ писателей въ недоумѣніе, которое увеличивалось по невѣдѣнію настоящей Исторіи сего народа, и по недостатку въ вѣрныхъ *народописныхъ* свѣдѣніяхъ. Принявъ буквально разныя областныя имена, замѣнявшіяся однѣ другими, за столько же разныхъ народовъ или, по крайней мѣрѣ, племенъ, писатели приняли сію революцію въ номенклатурѣ за революцію въ народахъ; если одно имя замѣнялось другимъ, думали, что одинъ народъ покоренъ былъ другимъ, и принялъ имя побѣдителя! Вотъ почему воображали себѣ *новыхъ* пришельцевъ и *новое*, но небывалое, движеніе народовъ, и не бывалыя покоренія (!), т. е. не могли себѣ объяснить, почему исчезали старыя названія, и появлялись новыя одного и того же народа.

Такъ заключаетъ уже и Симокатта, что Авары (иначе Hunni Occidentales, потому-что жили въ Венгріи, т. е. къ западу отъ прочихъ; это суть собственно Гунны Аттилины) покорили Гунновъ Аттилы въ Дакіи; а *Суида*, писавшій около 1153 года, думаетъ, что Аваровъ завоевали Болгаре; все это, потому-что народъ сей въ Дакіи съ 587 перестали называть Гуннами, а начали Аварами; съ 626 года Греки переименовали ихъ въ Болгаръ, а Западные писатели только съ 800 г.! Когда же Болгаре завоевали Аваровъ? Въ 626 ли году или въ 800 г.? Но бѣда еще въ томъ, что и новѣйшіе Историческіе изыскатели толковали подобно *Симокаттѣ* и *Суидѣ* и прочимъ. Что сказано мною о Симокаттѣ, то должно подразумѣвать и объ *Аваріи*, писавшемъ нѣсколько спустя послѣ него, у коего встрѣчаются и Кутригуры Прокопіевы.

Послѣ 30 лѣтней войны Дунайскихъ народовъ, или народа, съ Имперіею, съ 620 года, насталъ между

обѣими сторонами 40 лѣтній миръ, впродолженіе коего вымерли писатели и погребли съ собою вмѣстѣ Аваровъ. Но опять съ 665 или 670 года началась война, и сіи самые Кутригуры, сіи Авары перешли Дунай наконецъ подъ именемъ *Болгаръ*. Причина тому та, что явились новые писатели. На сей разъ Болгарамъ удалось удержать Мизію за собою, и съ сихъ поръ имя ихъ стало быть общимъ для жителей Мизіи, Валахіи, Восточной Венгріи, и здравствуетъ до 1834 года; прочія же, выдуманныя одними писателями, исчезли подобно привидѣніямъ.

Агавія жалуется, что не можетъ объяснить, куда дѣвались Симокаттины Авары, и прибавляетъ, что въ Константинополѣ носилась пословица: *исчезли подобно Аварамъ*, которую повторили, не знаю справедливо ли, и въ Несторѣ (объ *Обрахъ*). Но *Агавія* не зналъ, что тотъ самый народъ, который онъ уже называетъ *Болгарами*, Латинцы еще почти 150 лѣтъ послѣ него не переставали именовать *Аварами*.

Замѣтимъ еще, что послѣ введенія, съ 660 года, въ Византійскія Лѣтописи настоящаго, собственнаго имени народа, одно изъ упомянутыхъ областныхъ возобновлено было и удержано на нѣкоторое время; это суть Гунны-*Акациры*, *Акатиры*, *Катзиры* (*Ακατζιροι*, *Ακατιροι*, *Κατζιροι*) Приска; сіе имя, подобно прочимъ, впослѣдствіи измѣнили въ *Κατζαροι*, *Καζαροι*, *Χαζαροι* (Катзары, Казары, Хазары). Сіе послѣднее употреблялъ преимущественно Константинъ Багрянородный. Несторъ, который явно не пользовался Багрянороднымъ, сообразно съ другими, употреблялъ *Καζαροι*, коихъ нѣсколько переладилъ по Русскому въ *Казаре*. Оно въ свою очередь пропало безъ вѣсти, подобно

прочимъ своимъ собратьямъ, что уже извѣстно читателямъ моимъ изъ Русской Исторіи.

Не ясно ли теперь, почему исчезло толикое количество народныхъ названій? Или, развѣ легче и естественнѣе можно объяснить исчезаніе самихъ народовъ, чѣмъ измѣненіе нарицательныхъ названій? Въ семъ-то недоумѣніи оставались не только позднѣйшіе некритическіе Византійцы, но и новѣйшіе Европейскіе изслѣдователи. Сіи послѣдніе, при всей охотѣ изъискивать, объяснять, заключать, забрели еще далѣе введеніемъ вздорной системы *смѣшенія* и *превращенія* (metamorphosis), которыя столь жестоко обуяли многими Историческими умами не только въ Германіи, но и въ Россіи. Тунманнъ, первый вступившій на сіе скользкое поприще, первый шагнулъ ошибочно; его приверженцы продолжали изъисканія по принятому имъ косвенному направленію.

Мнимость и несуществованіе сихъ затрудненій.

Въ предшествующей статьѣ мы видѣли, что существованіе затрудненій зависитъ единственно отъ ошибки писателей, т. е. отъ неправильнаго толкованія. Посему, *исправленіе* ошибки уничтожаетъ основанныя на оной затрудненія; и на оборотъ, невозможность рѣшить затрудненія изъ здравой исторіи и разсудка указываетъ явно на *ложность* ихъ основанія, и требуетъ *исправленія* ошибки. — Въ новѣйшія времена Критики стали обращать вниманіе, въ своихъ изъисканіяхъ не только на различіе въ именахъ, но и въ языкахъ; изъ перваго заключили и на послѣднее: разныя имена, ergo разные народы, ergo и разные языки. Изъ

сего родилось къ числу вышеозначенныхъ еще одно затрудненіе: *куда дѣвались сіи языки*, и могли ли *они исчезнуть?* Для рѣшенія сихъ-то затрудненій, придумана ими система *смѣшенія* и *превращенія*, которую мы уже разсмотрѣли. — Чтобы прекратить теченіе сихъ косвенныхъ изъисканій, должно остановить ихъ въ самомъ источникѣ. Послику *собственное* имя народа и его *языкъ* суть главныя характерическія условія народности, то я и изложу здѣсь объ нихъ свои понятія.

а) Какъ должно разсуждать о народѣ по имени.

Рѣдко можно съискать народъ въ древности, и отчасти въ среднія времена, который бы писателямъ классическаго міра былъ извѣстенъ подъ собственнымъ *) его именемъ; всякаго они именовали такъ, какъ называлъ его случай, и подтвердило употребленіе, которое сдѣлалось закономъ, и котораго никакое время перемѣнить не могло. Наиболѣе же въ семъ отношеніи отличаются первыя столѣтія до и послѣ Рождества Христова, впродолженіе коихъ мелькало надъ странами множество именъ, родившихся только въ однихъ Греческихъ и Латинскихъ головахъ; такъ, на примѣръ, *Скиѳы* значило у нихъ *чуждыхъ народовъ*, Сарматы (*Σαυρομάτες*, отъ *σαῦρος* ящерица, и *ὄμμα, ὄμματος* глазъ; Sauromates въ Sarmàtae передѣлано Римлянами) *ящероглазыхъ*, Ме-

---

*) *Собственнымъ* именемъ народа должно называть то, коимъ онъ самъ себя именуетъ; *нарицательнымъ* то, коимъ его называютъ другіе народы; по сему, на-пр., *Дайчеры* есть собственное, *Нѣмцы* нарицательное.

ланхлены (μέλας, ανος, черный, χλαῖνα, верхнее платье) *чернорizцевъ*, Дромиты *скороходовъ*, Макрокефалы (отъ μακρὸς длинный и κιφαλή голова) *длинноглавцевъ*, и пр. и пр. и пр. Что писатель, то и новыя народныя прозвища, коихъ всѣхъ въ Европѣ можно собрать по крайней мѣрѣ съ 1000; межъ тѣмъ какъ въ сей самой Европѣ не болѣе полдюжины коренныхъ народовъ: Греческій, Латыно-Латышскій, Славянскій, Нѣмецкій, Финскій, Келтскій, Албанскій. (Два послѣдніе малочисленны; о Греческомъ и Латинскомъ нечего толковать; Нѣмецкій въ одномъ уголку Европы былъ малозначущъ, а Финскій извѣстенъ въ нынѣшнихъ его жилищахъ; обширнѣйшій изъ всѣхъ Европейскихъ былъ Славянскій, посему, тьма безтолковыхъ названій досталась ему на долю на пространствѣ двухъ-третей Европы.)

Но ужели могло имѣть вліяніе на существованіе или несуществованіе какого либо народа (на прим. Болгаръ или Россіянъ) то, что вздумалось Грекамъ раздробить огромную массу онаго на множество частицъ, и именовать ихъ *Чернорizцами* или *Бѣгунами* и тому подобными прозвищами, о коихъ сіи племена отъ роду ничего не слыхали? Какъ бы то ни было, Греки и Римляне довольны были своими свѣдѣніями, и долгое время обширную Россію называли *Ящероглазіею*. Но спрошу у господъ отечественныхъ историковъ: потому ли Россіяне не существовали въ Россіи въ VIII, VII, VI, V, IV и т. д. столѣтіяхъ, что Греки ихъ называли ящероглазыми, и подобными другими глупыми именами? Но тому ли и нынѣ не должны существовать *Дайчеры*, что у Славянъ слывутъ *Нѣмцами*, у Венгровъ *Неймешами*, у Турковъ *Нэмчами*, у Французовъ *Аллемандами*, у Италіан-

цевъ *Тедесками*, у Англичанъ *Джарменами*? Или всѣ сіи названія составляютъ столько же народовъ? Или не должны существовать *Мадяры*, что слывутъ Униграми, Венграми; *Румуне*, что слывутъ Волохами; *Скипетари*, что слывутъ Албанцами и Арнаутами; *Гайканы*, что слывутъ Армянами?

Между тѣмъ какъ Греки и Римляне давали такъ-называемымъ варварамъ имена по произволу, сіи народы имѣли свои собственныя, впечатлѣнныя, такъ сказать, въ ихъ существо, родившіяся и существующія вмѣстѣ съ ними. Такого рода было и имя *Болгаръ*. Нарицательныя имена, прилагаемыя имъ Греками или Латинцами, исчезали вмѣстѣ съ писателями. Таково было имя *Гунны* съ своими отраслями; ибо весьма естественно, что въ то время, когда еще весь почти міръ заваленъ былъ произвольными нарицательными прозвищами, и появившійся съ Волги къ Дунаю Болгарскій народъ долженъ былъ покрыться тѣмъ же покрываломъ. Съ чего Греки стали называть оный Гуннами, можетъ быть, и сами не знаютъ.

Какое безчестіе для здравой Исторіи и критики начинать бытіе какого-либо народа только съ тѣхъ поръ, съ коихъ является въ лѣтописяхъ собственное его имя! Вообще, нѣтъ еще настоящей исторіи Европейскихъ народовъ до ихъ крещенія; надъ ними носятся историческія привидѣнія. Только недоумѣніе между нами и древними лѣтописцами породило столь знаменитое переселеніе народовъ V вѣка. Не походило ли оно на переселеніе Европейскихъ народовъ въ Россію въ 1812 г. и Францію 1814 г.? Вотъ обширное, но скользкое поприще для Критика!

И такъ, имя Гунновъ, какъ имя нарицательное, появившееся и вскорѣ опять исчезнувшее, есть то покры-

вало, которое Критика должна была снять, чтобы обнаружить истину и предотвратить поводъ къ кривымъ и безполезнымъ изъисканіямъ. Впрочемъ, сами Греки, вскорѣ по поселеніи Гунновъ на Дунаѣ, стали ихъ называть именами, походящими на ихъ *собственное: Утвгуры*, **Кутвгуры**, *Утургуры*, **Кутургуры**, *Утригуры*, **Кутригуры**, **Котрагеры**, **Котрагиры**, **Сарагуры**, *Унногуры*, **Гунногуры**, **Гунногары**. По испорченному окончанію сихъ именъ *γουροί*, *γαροι*, *γεροι*, *γιροι*, составляющему большую половину имени *Βουλγαροι*, видно, что Греки мѣтили на сіе послѣднее имя. Сверхъ сего, многіе замѣтили, что Греческій народъ еще и нынѣ называетъ Болгаръ ***Вургерами***, ***Вургарами*** (*Βουργεροι Βουργαροι*); а прежде легко можетъ быть и ***Ургерами***, ***Ургарами***, (*Ουργερο*, *Ουργαροι*, *Ουργουνοι*), по произволу. Бергенди у Гербелота называетъ ихъ ***Вургьянъ*** или ***Воргьянъ*** (Burgjan, Borgjan), Абулфеда (*Borgan*) ***Борганъ***, ***Бурганъ***, и индѣ ***Воргалъ***, Нубійскій Географъ или его переводчикъ ***Вергьянъ***. Сіе же имя находимъ передѣланное и въ ***Вургунды***, какъ уже справедливо замѣтилъ и Тунманнъ. «Paulus Warnefridi» говоритъ онъ «страну Болгаръ, напавшихъ на его Лонгобардовъ, именуетъ *(Vurgundaib*.» Нерѣдко подобное правописаніе можно встрѣтить и у Греческихъ писателей *). Въ Миланской области, въ Италіи, часть Болгаръ составила было особое графство, которое называли ***Вургаріею*** **).

---

*) На-пр., Manuel Malaxus, въ своей Хроникѣ, приводимой Дю-Канжемъ in Glossar. pag. 1339, подъ словомъ *Σδραβιτζα*, Sire de Villerval Болгарію называетъ *la Bourgerie*. См. append. du Cang. ad. Joinville.

**) См. Muratori in Antiquit. Ital aevi med. T. I. c. 14. Thunmans Untersuchungen. 1-er Theil, pag. 34.

Итакъ, изъ именъ *Ут-Ургуры*, *Кут-Ургуры* видно, что уже Прокопій Гунновъ называлъ собственнымъ ихъ именемъ. Иные даже, какъ можно было усмотрѣть выше, слагали оное *изъ нарицательнаго* и большей части *собственнаго*: Гунно-*гары*, *Унногары*, *Оногары*; у Приска даже *Ургары* сдѣлались (можетъ быть переписчиками его сочиненія) *Уровами*. (Давали имъ еще и выдуманныя названія: *Ефталиты*, *Кидариты*, *Катзиры*, *Авары*. Первыя два исчезли уже до Іустиніана.)

Ближе всего подошелъ къ истинѣ Ѳеофанъ въ своей Космографіи, называя ихъ *Гуннобундо-Болгарами*. Наконецъ, Ѳеофилактъ Симокатта именуетъ ихъ собственнымъ названіемъ *Болгаръ*. Такъ у Византійцевъ. Но Западные писатели, *Іорнандъ* (около 550 г.), *Викторъ Тунунскій* (около 567 г.), современники Прокопія, Менандра и самаго почти Приска, именуютъ *Болгарами* тотъ самый народъ, который у сихъ послѣднихъ слыветъ Гуннами. См. Allg. Nord. Geschich. с. 358.— Замѣтимъ, что Іорнандъ именуетъ *Болгарами* именно тѣхъ Гунновъ, которые служили Имперіи Восточной и сражались съ Готами въ Италіи. *Ут-Ургуровъ* и *Кут-Ургуровъ* въ Молдавіи и Валахіи Прокопія онъ называетъ *Аулзіаврами* (Aulziagri), а на другомъ мѣстѣ своего сочиненія опять *Улзингурами* (Ulcinguri или Ulcingari). Это явно испорченное *Βουλγαροι* или *Ουλγαροι*. Я даже думаю, что сей Готъ правильно написалъ имя народа, и что оно испорчено или неразобрано переписчиками; это можно видѣть и изъ того, что одно и тоже имя въ одномъ мѣстѣ напечатано такъ, а въ другомъ иначе. (Vid. Iordan Orig. Slavicar. in Descript. Scythiae.) Вообще, онъ дѣлитъ Гунновъ только на двое, на Аузіагровъ или

Болгаръ и Авировъ (quasi fortissimus cespes in bifariam pullularunt speciem). Имена Авировъ и Гунногаровъ, о коихъ онъ еще упоминаетъ, заимствованы имъ отъ Византійцевъ. — Яснѣе всего выразился Niceph. Patriarcha, c. 44, гдѣ Болгаръ называетъ: Οὖννοι Βουλαροί.

Итакъ, что касается до толкованія относительно къ народному имени, явно видно, что Византійцы именемъ Гунновъ, и прочими видовыми названіями онаго, означали Болгарскій народъ, въ разныхъ частяхъ занимаемаго имъ пространства. Посему, нѣтъ никакой нужды и повода принимать сіи пустыя названія за столько же народовъ.

б) Какъ должно разсуждать о народѣ по языку.

Прежніе изъискатели, въ своихъ догадкахъ, руководствовались одними только именами; въ новѣйшія же времена, когда стали успѣвать болѣе во всеобщей *Народописи* и *Языкописи* (Ethnographia, Logographia), обратили вниманіе и на языкъ, стали раздѣлять народныя племена на классы и разряды, смотря по бо́льшему или ме́ньшему сродству ихъ языка; отъ чего нынѣшняя общая народопись дѣлается со дня на день болѣе систематическою. Сіе правило примѣнено ими и къ древнимъ народамъ, или лучше сказать, именамъ ихъ нарицательнымъ. Къ несчастію, по недостатку памятниковъ языка, подобныя рѣшенія, основываемыя на одномъ или нѣсколькихъ словахъ, недошедшихъ до насъ, можетъ быть, въ ихъ чистотѣ, не могутъ быть удовлетворительными: и не-

рѣдко, будучи *ложными*, вводятъ писателя въ заблужденіе и производятъ путаницу.

Такъ между прочимъ полюбопытствовали изъискатели узнать, къ какому общему племени принадлежали и *Гунны*? Обстоятельнаго рѣшенія сего вопроса не было; однако и до сихъ поръ всѣ того мнѣнія, что *Гунны были Татаро-Монгольскаго племени*, ergo говорили по Монгольски. О семъ мнѣніи нечего болѣе говорить; ибо выше, опровергая доказательства Татаризма Болгаръ, опровергнуто и мнѣніе о Татаризмѣ Гунновъ. Здѣсь я разберу только тѣ обстоятельства, которыя расположили писателей въ пользу сего мнѣнія:

1-е. Знаменитое нашествіе Татаръ въ XIII столѣтіи на Европу столь сильно перепугало умы историческіе, что не иначе вспомнить могутъ о Волгѣ, какъ о Татарщинѣ, и о всемъ приходящемъ съ береговъ оной, какъ о Татарскомъ! Но развѣ по народу, вышедшему оттуда около 1300 года, можно заключать о народѣ, показавшемся оттуда же уже около 380 года?

2-е. Изъискатели происхожденія Венгровъ (*Мадяровъ*), дѣйствительно принадлежащихъ къ Татаро-Монгольскому міру, принявъ нитью своихъ изслѣдованій не настоящее имя сего народа, но нарицательное *Hungarus*, погнались съ онымъ за созвучіемъ и, сыскавъ у Византійцевъ (около 440 год.) Гунно-*Гаровъ*, заключили тотчасъ же безъ дальнихъ околичностей, что *Гунны* были древніе Мадяры *). Но это совершенно несправедливо; ибо а) Гунно-*Гаровъ* Византійцы немного спустя переименовали въ Болгаръ, б)

---

*) Въ Венгріи и теперь еще придерживаются сего мнѣнія.

Hungari передѣлано не изъ Гунно-*Гаровъ*, но изъ слѣдующаго. Собственное названіе народа есть *Мадяры;* первые ихъ Славянскіе сосѣди, Россіяне да Болгаре, нарицательно называли ихъ *Уграми.* По прибытіи Мадяровъ съ Волги въ Венгрію (около 905 год.), Болгаре сіе имя (Ουγγροι) сообщили Грекамъ, а Россіяне, отчасти съ ними же зашедшіе въ Венгрію, Западнымъ Славянамъ, а чрезъ сихъ и Нѣмцамъ, и т. д. (Замѣчательно, что Карпато-Россы и Словене и теперь еще ихъ называютъ *Уграми* же.) Поляки, которые Славянскія слова, на примѣръ, *руку,* переуродовали въ *ренку* (ręka), *зубы* въ *зенбы* и пр., и *Угровъ* перекрестили въ *Венгровъ* (Węgrów). Прочіе иноплеменные народы, въ своемъ языкѣ весьма часто предъ согласными ставящіе букву *н* (что весьма рѣдко у Славянъ), переладили Угровъ по своему въ *Унгровъ* (Ungri, Ungern), а изъ сего и страну *Ungria, Hungria, Hungaria* и *Hungarus*, что̀ принято и всею Европою. Россіяне именуютъ ихъ *Венграми* въ подражаніе Полякамъ. Начало имени *Hungari* не древнее XI столѣтія; у Грековъ же оно вошло въ употребленіе только въ среднія времена. Венгры Грекамъ были извѣстны до введенія имени Ουγγροι, всегда подъ именемъ *Турокъ,* а Венгрія подъ названіемъ *Турціи.* — Итакъ, ясно, что Гунно-Гары V столѣтія отнюдь не принадлежатъ Мадярамъ (Hungari) XI-го и проч. столѣтій.

Сдѣлавъ такимъ образомъ одинъ дурной шагъ, изъискатели пошли криво и далѣе. Не умѣя объяснить присутствіе Гунногаровъ (мнимыхъ Мадяровъ) на Дунаѣ уже около 400 — 480 годовъ, и появленіе (настоящихъ(Мадяровъ въ Венгріи около 900 года, они просто предположили троекратный променадъ сего народа съ Волги на Дунай и обратно; первый, буд-

то подъ именемъ *Гунновъ*, второй *Аваровъ*, а третій *Унгаровъ!* А не Турокъ? Не очевидно ли, что одно только глупое толкованіе могло породить подобный вздоръ и небывалыя движенія народа *)?

Вотъ, милостивые государи, вотъ источникъ слова *Hungarus*, на коемъ основывалось ученіе о Татаризмѣ Гунновъ! Предположили, что Гунны были древніе Мадяры, потомъ отъискали и доказали (Тунманнъ и Енгель), что Кут-*Ѵрвуры* и *Болгаре* принадлежали къ племенамъ Гунскаго народа, и заключили, что Болгаре были Татаре, или Татаро-Турки! И для подтвержденія сего мнѣнія приведены ими доказательства, мною уже разобранныя. Вотъ почему они принуждены были послѣ допустить тотъ магическій Metamorphosis изъ Татаръ въ Славянъ! И подъ подобное рѣшеніе Шлецеръ подписался безъ всякой оговорки!! Но этого не довольно; ибо

3-е. Какіе-то *Хунны* въ Монголіи и Китаѣ, у береговъ Восточнаго Океана, открытые въ Китайской Исторіи, очевидно, казалось, подтверждали мнѣніе Европейскихъ ученыхъ. Это обстоятельство мы разберемъ ниже подробнѣе. Здѣсь же напередъ можно сказать только, что сіи Монголы не имѣютъ никакого отношенія къ нашимъ *Гуннамъ*, или лучше сказать, *Ѵннамъ*.

Татаризмъ Гунновъ рѣшительно ничѣмъ не доказывается; напротивъ, мы имѣемъ непреодолимые доводы, показывающіе ихъ *Славянизмъ*. Вотъ они: а)

---

*) Первый сію басню разгласилъ Безъименный Нотарій Короля Бѣлы. Венгерскіе новѣйшіе писатели, принявшіе его за источникъ, послѣдовали ему. Иные однако по разнымъ причинамъ стали сомнѣваться въ его подлинности. Енгель— одинъ изъ его защитниковъ.

Гунны и Болгаре, одно и тоже (см. выше), а Болгаре суть Славяне, слѣдовательно. . . б) Если Гунны не принадлежали къ Татарскому, тѣмъ менѣе къ Монгольскому міру, то должны принадлежать къ Славянскому. в) Собственныя имена Гунновъ, хотя дошли до насъ вѣроятно отъ Грековъ въ испорченномъ видѣ, почти явно суть Славянскія, или, если выразиться по Енгелю, звенятъ по Славянски:

Καρατον Каратонъ, Король Гунновъ IV столѣтія. По видимому, это есть *Карданъ* или *Караданъ*. Въ Болгаріи былъ Король *Карданъ* и въ VIII столѣтіи.

Βαλαμηρ или *Βαλαμβηρ*, Король IV вѣка, явно Владиміръ. Болгаре имѣли ихъ также много. Греки писали это имя различно.

Мундіухъ (?) отецъ Аттилы.

Аттила, разумѣется, тоже испорченное имя. У Болгаръ въ VIII столѣтіи былъ Король *Тьлецъ*, а въ XI Князь, желавшій возстановить свое отечество, падшее подъ иго Грековъ, *Тьланъ* или *Дьланъ*. (Латинскіе переводчики съ Греческаго пишутъ его *Deleanus*.) Въ обоихъ случаяхъ Болгаре *ь* произносятъ какъ *и*: *Диланъ*, *Тиланъ*. Составъ слова *Аттила* явно показываетъ, что и онъ былъ *Тиланомъ*; буква *н* на концѣ отброшена, потому-что слогъ *анъ* (*αν*) есть въ Греческомъ языкѣ окончаніе винительнаго надежа именъ, кончащихся въ именительномъ на *ας*; посему, Болгарскій именительный на *анъ* (*Αττλαν*) не могъ стоять на мѣстѣ Греческаго именительнаго, ибо не подходилъ подъ ихъ грамматику, и потому принятъ за винительный, изъ коего образованъ Греческій именительный на *ας*: *Αττιλας*. Буква *τ* повторена по праву авторской вольности. Впрочемъ, нѣкоторые пишутъ, какъ замѣтилъ du Fresne, и Atila, и Athila, и Athela.

Буква *а* прибавлена Греками, ибо *а*) она слишкомъ обыкновенна въ началѣ Греческихъ словъ, *б*) Славянскія слова ею никогда не начинаются. (См. выше стр. 38.)

У Болгаръ (Гунновъ) были не только *Тѣланы*, но и *Душаны* (Duscianus у Латинскихъ переводчиковъ Греческихъ Лѣтописей). Въ подтвержденіе моего объясненія имени *Аттилы* можно привести и нѣсколько другихъ Болгарскихъ именъ, подобнымъ образомъ перековерканныхъ Греками; такъ, на-пр., *Боянъ* у нихъ превратился въ *Bajas* или *Bat-bajas* (См. выше стр. 32.), *Горданъ* въ Γορδας, *Скотинъ* въ Σκοτας. (См. ниже.)

Супруга *Аттилы* или *Тѣлана*: *Рѣкана*, или *Рекана*.

Братъ Аттилы: *Владъ* (Βληδας, Bledas). Сіе имя у Болгаръ весьма обыкновенное даже и въ средніа времена; оно нерѣдко означало Владислава, или Владиміра. Въ спискѣ Болгарскихъ Господарей въ Валахіи можно насчитать нѣсколько *Владовъ*.

Сыновья Аттилы 1) Денгисихъ Δεγγιζιχ? Δινζιριχος? Динсрикъ? 2) Ηρναχ, Ирнахъ, Ирнакъ, 3) Еллакъ.

Заберганъ, *Заверганъ*; Князь Гунновъ въ Валахіи, водившій войско свое около 539 противъ Цареграда. Ζαβεργαν? Ζαμεργαν?

Малакъ; у Болгаръ это слово *Малокъ*; *малый* по-Русски. Βαλαχ? Μαλαχ? Μαλακ? былъ Князь Савировъ, 527.—*Малка* находимъ у Нестора и Россіянина.

Бориса, его супруга, или вдова; Βοαρεζ? Βαρηζ? Извѣстно, что Греки *б* не имѣютъ, на мѣсто коего ставятъ то *в*, то *м*. (528 года.)

Γορδας? *Горданъ*; Король Гунновъ при городѣ Воспорѣ, обратившійся въ Христіанство, и убитый въ 627 году.

Исла, Εισλας; явно остатки имени, оканчивавшагося на *славъ*. Находимъ, что Византійцы въ позднѣйшія времена Болгарскихъ *Воеславовъ* именовали *Βοησλας*, *Βυησιλας*, *Βοιλας*. Онъ былъ нѣсколько разъ посланникомъ Аттилы въ Константинополѣ.

Айганъ Αιγαν, начальникъ *Гунской* конницы, находившейся въ службѣ Имперіи, приближенный Велизарія; такъ пишутъ это имя при описаніи войны съ Вандалами въ Африкѣ, при описаніи же войны съ Персами въ Азіи называютъ его *Авганомъ*, *Αυγαν*. У Болгаръ было довольно именъ, кончившихся на *канъ*, производимыхъ отъ словъ, кончащихся на *акъ*, *екъ*, *окъ*, *икъ*. Ближайшее къ сему было имя воеводы *Кавкана*, *Καυκαν*.

Сверхъ сего, есть еще и другія Гунскія имена, кончащіяся, подобно Болгарскимъ, на *анъ*: *Авканъ*, предводитель своей конницы въ службѣ Имперіи противъ Персовъ; *Хорсоманъ Χορσομανος*? *Эсманъ Αϭχμανος*? приближенные Велизарія (stipatores). *Евталанъ Εφθαλανος*? Князь одной Гунской области, превратившійся, кажется, въ Греческихъ устахъ изъ *Тълана* въ *Ефталана*; ибо буква *ф* несвойственна Слав. языку, и *е* въ началѣ словъ не очень употребляется. По его имени, догадывается Ѳеофанъ Византійскій, назывались его подданные *Ефталитами*. Нѣтъ—не назывались, но вы Греки ихъ такъ назвали.

Кутилцъ. *Κουτιλτζις*, *Κουτιλτζις*, образовано изъ Тѣльца (*ко Тълъцу*).

Боянъ, Великій Король Западныхъ Гунновъ или Аваровъ, 580—604 года. Было два Короля *Бояна* въ Болгаріи; Славянскій Оссіанъ былъ *Боянъ*.

Замуръ или *Заморъ*, *Ζαμουρ*, Воевода Бояна, 591 г., дѣйствительно моривишій Византійцевъ.

Ермичъ, Ερμιτζις. Вождь Аваровъ, или Князь, осаждавшій (626 г.) Константинополь. Греки звука *г* не имѣютъ; обыкновенно они выражали Славянское окончаніе именъ *ичъ* посредствомъ ιτζ. Несторичъ Νεστοριτζις, Заричъ Ζαριτζις и проч.

Волколабъ или *Волколабра*; у Унновъ-Аваровъ это было имя *верховнаго Жреца* (Βοκολαβρα). Это же самое было, кажется, и на Руси.

Вотъ имена собственныя, такъ называемыхъ Уннскихъ лицъ, изъ немногихъ, оставленныхъ намъ Византійскими Лѣтописцами, которые, сверхъ показанія здравой Исторіи и естественнаго заключенія, подтверждаютъ Славянизмъ Унскихъ племенъ *).

г) Древніе лѣтописцы, желая означить сродство между народами, или общій ихъ источникъ, называли ихъ по именамъ общимъ ихъ родоначальниковъ: Европейскіе народы происходятъ, говорятъ они, отъ *Яфета*, Азійскіе отъ *Сима*, Юго-Азійскіе и Африканскіе отъ *Хама* и т. д. Иные изъ новѣйшихъ умниковъ очень невыгодно отзывались о семъ общемъ, но простомъ раздѣленіи рода человѣческаго, большею частію потому, что симъ понятіемъ руководствовались древніе, именно *духовные* писатели (такъ и преподобный нашъ Несторъ); но сколь справедливы сіи почтенные отцы, слишкомъ явно докажетъ *здравое языкознаніе*.

Главные Европейскіе языки, кажется, имѣютъ одну основу. Основа Мадярскаго языка ей уже совершенно противоположна, но тожественна съ основою Турецкаго и прочихъ Татарскихъ нарѣчій (разумѣется тѣхъ, которыя я на первый случай взялъ въ сравненіе).

---

*) О Унскихъ именахъ написана *Венелинымъ* особая статья, которая со временемъ выйдетъ въ печати. *Изд.*

Впрочемъ сродство между Европейскими языками, и тожество ихъ основы выказывается яснѣе только изъ сравненія ихъ съ Азійскими языками и ихъ основой. Здѣсь, чтобы не оставить читателей моихъ безъ примѣра, приведу нѣкоторыя (главнѣйшія) черты различія между обѣими основами языковъ.

α) Въ Европейскихъ языкахъ (здѣсь разумѣются коренные: Славянскій, Латыно-Латышскій, Греческій, Нѣмецкій) есть роды: *мужескій*, *женскій*, и *средній*, на кои раздѣляются всѣ существительныя имена, и по коимъ измѣняются прилагательныя; въ Мадярскомъ, Турецкомъ и прочихъ Татарскихъ не имѣется ни малѣйшее объ этомъ понятіе.

β) Въ сихъ послѣднихъ, прилагательныя отнюдь не склоняются и находятся съ существительными подобно неизмѣняемой части рѣчи.

γ) *Роды* въ языкахъ Европейскаго міра произвели различныя склоненія существительныхъ; напротивъ, въ Мадярскомъ, Турецкомъ и Татарскомъ, по неимѣнію родовъ, есть одно только склоненіе, общее.

δ) Созвучіе и сходство въ составѣ личныхъ мѣстоименій и происходящихъ отъ нихъ притяжательныхъ (которыя своимъ происхожденіемъ древнѣе прочихъ словъ языка), въ Европейскихъ языкахъ указываетъ на тожество ихъ происхожденія; въ Татарскихъ на свое. *Я* (*Азъ* древн. и нынѣшн. Болг.); *Эсъ* Латышское. *Эго* Латинск. Греческ. *Ихъ*, *эй*, *ай*, и пр. Нѣмецк. *Мы*, (*ны* древн, и нынѣшн. Болгар.,) Nos. *Вы*, Vos и проч. Мой, моя, мое. Meus, mea, meum. Mein, e, es и проч.— Азійскія: Мадярск. *енъ*, (я), Турецк, *бенъ*, Татарск. *менъ*—(Мой): Мадяр. *енимъ*, Турецк. *бенимъ*, Татарск. *менимъ* и проч.

ε) Для означенія принадлежности, въ Татарскихъ нѣтъ особыхъ притяжательныхъ мѣстоименій, какъ въ Европейскихъ: *мой*, *твой*, *свой* (его), *нашъ*, *вашъ*, *ихъ;* но для означенія притяжанія, къ имени принадлежащей вещи прибавляютъ букву *м* (если оно кончится на гласную) или слогъ. На-прим., по-Венгерски) *теве* верблюдъ, *тевемъ* мой верблюдъ; *колпакъ* шляпа, *калпакомъ* моя шляпа. *Калпагъ* (по-Турецки), *колпа-*

гымъ моя шляпа; такъ и въ прочихъ Татарскихъ. Въ притяжаніи втораго и третьяго лица ставятся на концѣ особыя буквы или слоги; на примѣръ, (по Венг.) *колпакодъ* твоя шляпа, *калпака* его шляпа; (по Тур.) *калпагынъ*, *калпагы*. *Пантлика* (по Венг.) лента, *калпакомъ пантликая*, лента моей шляпы; *кордела* (по Тур.), *калпагымъ корделасы*, лента моей шляпы и проч.

ζ) Въ Венгерскомъ и сродныхъ ему, всякій дѣйств. глаголъ спрягается двояко, т. е. иначе, когда говорится о дѣйствіи вообще и неопредѣленно, иначе, когда опредѣленъ предметъ дѣйствія, на пр. (по Венг.) *ирокъ* пишу, *ирсъ* пишешь, *иръ* пишетъ. *Иромъ а левелетъ* пишу письмо, *иродъ а левелетъ* пишешь письмо, *иръя а левелетъ* пишетъ письмо.

η) Въ Мадярск., Турецк. и проч., вмѣсто предлоговъ, прикладываются частицы къ концу словъ, напр., по-Венг., *асталъ* столъ, *ра* на: *на столъ* говорится *асталра*; по-Тур., *софра* столъ, *юстюне* на; *софра юстюне* на столъ или на столѣ, и проч.

Вотъ главнѣйшія противоположныя основныя черты языковъ Европейскаго и Сѣверо-Азіатскаго. Обще *Европейское слово* имѣетъ одинъ корень, изъ коего послѣ, на обширномъ пространствѣ, разраслись особыя вѣтви, нынѣ называемыя Европейскими языками. Обширнѣйшая изъ нихъ, и такъ сказать, составляющая самый стволъ, есть та, которой настоящаго общаго названія не знаемъ, и которую называемъ (ибо нельзя было оставить ее безъ имени) Славянскимъ языкомъ. Вокругъ него прочія вѣтви: Греческая, Латинская, Нѣмецкая. Каждая изъ нихъ имѣетъ свою особенную связь больше съ Славянскою, нежели съ прочими порознь. Латинская ни къ какой такъ близко не подходитъ какъ къ Славянской; такъ и Нѣмецкая большее сродство имѣетъ съ Славянскою, чѣмъ съ Греческою или съ Латинскою; но болѣе всѣхъ сродна со Славянскою и Латинскою Латышская, которую дѣйствительно признаютъ за полу-Славянскую; посему Латышская есть переходъ ствола (Славянщины) въ Латинскую вѣтвь *Европейска-го слова* *).

---

*) См. примѣчаніе, стр. 63. *Изд.*

Каждая вѣтвь подраздѣлилась еще на меньшія *отрасли.* Сіи-то отрасли, до незапамятныхъ временъ, для отличія одна отъ другой, получили особыя названія, служившія для означенія вмѣстѣ и языка и народа. Такъ, на-примѣръ, *Тайтовская* вѣтвь (genus Theutonicum) раздѣлилась на слѣдующія: 1-е, *Boji, Bojoarii,* Boyen, Bayern (Боевъ, Баварцевъ), 2-е, *Saxi, Saxones,* Sachsen (Заксонъ, Саксонцевъ), 3-е, *Angli* (Англовъ), 4-е, *Ютовъ,* т. е. Датчанъ, 5-е, Svear, Svenskymen (Свѣевъ, Шведовъ). Если сія вѣтвь подраздѣлилась на подобныя нарѣчія и ихъ названія, то само собою разумѣется, что и стволъ (Славянщина) долженъ былъ тѣмъ болѣе подраздѣлиться, что растянулся на гораздо большее пространство Европы. Отрасли его, кажется, извѣстны всякому: 1) *Россы,* 2) *Болгаре,* 3) *Кроаты,* 4) *Сербы,* 5) *Словене,* 6) *Чехи,* 7) *Поляки,* и проч. Всѣ сіи имена суть *собственныя,* впечатлѣнныя въ самое существо сихъ племенъ и ихъ языка, а посему столь же древнія, какъ и самыя племена и ихъ нарѣчія. Всѣ сіи племена общаго имени никогда не имѣли, или, если имѣли, то это относится развѣ только ко времени Моисея, или Семирамиды.

Какъ прискорбно видѣть, что чужеземные Историки, а за ними и нашъ Карамзинъ, всѣ дѣянія, всю гласность, всю историческую славу всѣхъ вышеупомянутыхъ племенъ слѣдили донынѣ подъ именемъ одного только, несчастнѣйшаго изъ всѣхъ прочихъ, подъ именемъ, говорю, *Словенъ!* Сверхъ сего, вспомните, что всякое изъ сихъ племенъ, кромѣ собственнаго своего названія, имѣло еще по нѣскольку нарицательныхъ. Какая куча именъ народныхъ! И вся историческая слава сихъ нарицательныхъ именъ не принадлежитъ ни одному нынѣшнему Славянскому племени; ибо, думаютъ ученые Историки, не написано нигдѣ, что сіи славныя дѣянія совершены были *Словенами!* . . разумѣется, не ими; ибо они всегда были рабами Римлянъ, Италіанцевъ, Нѣмцевъ! Вотъ почему сказалъ я выше (на стр. 20), что Славянскій родъ обиженъ, оклеветанъ до чрезвычайности историческимъ Ареопагомъ.

Вѣтви и самый стволъ образовались различно, смотря по

климату, въ которомъ прозябали. Вѣтвь Нѣмецкая подъ суровымъ, сѣвернымъ небомъ грубѣе, и непріятнѣе для слуха тѣмъ, что весьма часто слоги заваливаетъ многими грубыми согласными, и языкъ должетъ дрожать отъ безпрестаннаго звука *р*: verbergen, verschreuen, vertreiben, vortreten и проч. Сверхъ сего, слышится въ ней часто мяуканье: *еу ей*, *ай*, *ау*, чего нельзя замѣтить ни въ стволѣ, ни въ Латинскомъ и Греческомъ языкахъ, которые, развившись въ климатѣ противоположномъ, гораздо болѣе льстятъ слуху.—Раздѣленіе всѣхъ сихъ языковъ на нарѣчія уже извѣстно, онѣ простираются ко всей Европѣ, и наполняютъ, по выраженію древнихъ, *весь предѣлъ Яфета*. Зная теперь, въ какомъ значеніи Византійцы принимали *предѣлъ Яфета*, скажемъ, что они причисляли къ нему и Гунновъ, о чемъ именно выразились Chronicon Paschale и Кедринъ. (См. Mem. Pop. in Hunnicis). Посему, Гунны, по Географическому своему положенію, составляли самую восточную часть Славянскаго міра.

Сіе сравненіе приведено 1) въ доказательство Европеизма Гунновъ; 2) въ подтвержденіе раздѣленія народовъ на *предѣлы*; 3) чтобы показать, какъ должно, по моему мнѣнію поступать въ Филологическихъ и Историческихъ изъисканіяхъ, которыя проліютъ яркій свѣтъ не только на общую народопись, но и на Исторію, и проникнутъ въ тѣ самыя времена, въ которыя Исторія достигнуть не можетъ. Прежде всего должно разсмотрѣть основаніе языка, которое укажетъ на первоначальное происхожденіе народа, потомъ приняться за сравненіе словъ; если онѣ не тожественны съ словами другаго,—это знакъ, что изслѣдуемый языкъ есть отдѣльный. (На-пр., Мадярскій, не смотря на тожество своей основы съ Турецкимъ и Татарскимъ, по нетожеству въ словахъ, есть особый языкъ Азійскаго корня. Подобнымъ образомъ и Латинскій относится къ Славянскому, Греческому и проч.) Но, если въ словахъ изслѣдуемаго языка найдется тожество съ словами другаго, а разница только въ грамматическихъ формахъ, то изслѣдуемый должно признавать не за особый языкъ, но за особое нарѣ-

чіе того же языка, на пр., Турецкій, за нарѣчіе Татарскаго какъ Болгарскій или Русскій за нарѣчіе Славянскаго, и проч., Такимъ образомъ можно легко добиться до правильной народописи и языкописи всѣхъ обитателей земнаго шара; сравнивать же нѣсколько словечекъ, и заключать изъ нѣкотораго ихъ созвучія о тожествѣ двухъ народовъ, какъ дѣлали до сихъ поръ вообще многіе въ Германіи, Франціи, Англіи и проч.—нелѣпо.

Итакъ, теперь уже видѣть можно, что Славяне такой же старожилый народъ Европы, какъ Греки и Латины, и что въ Европѣ до VI вѣка нельзя искать особыхъ, Богъ вѣсть какихъ народовъ кромѣ тѣхъ, которые и нынѣ въ ней здравствуютъ. — Что же должно сказать о мнѣніи тѣхъ, которые относятъ начало Славянъ къ VI столѣтію? Что сказать о тѣхъ Исторіографахъ, которые, въ подтвержденіе своихъ умствованій, приводятъ слова изъ языка *неизвѣстнаго* (Скиѳскаго) *Ящероглазьяго* (Сарматскаго), *Черноризжскаго* (Мелахленовъ), *Затвердѣлаго* (языка Скирровъ) и проч.!

Зная предѣлъ Яфета, мы не имѣемъ полныхъ свѣдѣній *о предѣлѣ Сима,* т. е. объ общемъ родѣ Сѣверо-Азійцевъ. Не знаю, сколь далеко простирается въ Азіи—сей второй классъ человѣческаго рода, и сколько вѣтвей, еще неоткрытыхъ, принадлежатъ къ оному; не знаю, какое отношеніе къ Венгро-Татаро-Турецкому классу имѣютъ племена Монголіи, Чунгарiи Тибета и т. д., то есть составляютъ ли нарѣчіе Мадярскаго (Венг.) или Татарскаго; или имѣютъ только общую съ нимъ основу, и составляютъ отдѣльные языки (вѣтви) Азійскаго корня.

Я искренно желаю, чтобы кто либо изъ соотечественниковъ нашихъ, преимущественно находящихся въ Сибири, или даже при Пекинской Миссіи, обратилъ на это строгое вниманіе; я осмѣлился бы даже почесть это въ непремѣнную обязанность всякому Русскому; ибо никто больше насъ не имѣетъ къ тому способовъ; намъ предстоитъ слава за первое открытіе! Впередъ соотчичи! Англичане, Французы, Италіанцы перерыли Египетъ за древностями;... только грубые непросвѣщен-

ные народы нелюбопытны, они не ищутъ новыхъ свѣдѣній, ибо не чувствуютъ цѣны ихъ. — Новѣйшія извѣстія и записки почтенныхъ членовъ нашей Пекинской Миссіи о Китаѣ, Монголіи, Чунгаріи, достойны всякаго уваженія и похвалы и, подаютъ надежду и на появленіе съ ихъ стороны *языкописныхъ* извѣстій!

Всего вышесказаннаго мною, кажется, слишкомъ довольно для того, чтобы удовлетворить истинѣ, критикѣ, естественности и здравой Исторіи. Въ заключеніе прибавлю еще, что: 1-е, Воинственный духъ Болгаръ, ихъ дѣятельность, сильно изображенныя въ Византійскихъ Лѣтописяхъ, достойны только Гуннскаго оружія, 2-е, Гунны славились у древнихъ своею конницею. Знакомый съ Болгарскою Исторіею, по крайней мѣрѣ изъ Византійцевъ, узнаетъ, что и Болгаре большею частію сражались верхомъ, почитались, такъ сказать, природными кавалеристами, лучшими въ Европѣ, до самаго ихъ наденія подъ иго Турокъ. Турецкія лошади, столько славимыя нынѣ, достались Туркамъ послѣ завоеванія сей страны. Тожество сихъ двухъ качествъ подтверждаетъ тожество народа, слывшаго у Византійцевъ подъ именемъ сперва нарицательнымъ, а послѣ собственнымъ.

V.

О БОЛГАРАХЪ НА ВОЛГѢ И ОБЪ ИХЪ ПЕРЕХОДѢ, ПОДЪ ИМЕНЕМЪ ГУННОВЪ (АВАРОВЪ, КОЗАРЪ) НА ДУНАЙ.

Разобравъ тѣ обстоятельства, которыя затемняли имя *Болгаръ*, затерявшееся въ хаосѣ безтолковыхъ названій, прилагаемыхъ ему Византійцами, постараемся теперь рѣшительнѣе опредѣлить время, въ которое сей народъ распространилъ свои владѣнія съ Волги до Дуная. Не должно воображать, что сіе переселеніе походило на переходъ какого-либо войска, происходило въ томъ или другомъ году. Здѣсь переселялся цѣлый народъ и цѣлая, такъ сказать, держава, слѣдовательно медленно, по мѣрѣ успѣховъ оружія на Югѣ; посему, оно заключаетъ въ себѣ не одинъ годъ, а цѣлыя столѣтія, т. е. цѣлый періодъ Исторіи. (*Замѣть хорошо.*) Итакъ, возвратимся къ первой точкѣ нашихъ изслѣдованій: къ бытію Болгаръ на Волгѣ; отсюда же станемъ слѣдить ихъ подъ именемъ *Гунновъ* и проч. Предложимъ прежде изображеніе Юго-востока Европы до ихъ туда прибытія, чтобы лучше ощутить перемѣну политическую, произведенную ими въ ней.

* *
*

Римское оружіе, въ царствованіе преемника Цесарева, Августа, проникло наконецъ до Дуная; Стирія, Каринтія, Карніолія, Австрійское Герцогство, подъ

именемъ *Карніи* и *Норика*, Задунайская Венгрія подъ именемъ *Панноніи*, сдѣлались Римскими областями; а за ними и все по Дунаю до самаго Черного моря.

Вся страна по сію сторону Дуная была Римлянамъ мало извѣстна; они столько же заботились объ ея повостяхъ, сколько мы о подробныхъ произшествіяхъ въ странахъ, лежащихъ за Оренбургскою и Сибирскою линіями; они называли ее въ подражаніе Грекамъ, *Скиѳіей*, а послѣ *Ящеровлазіею*.

Не смотря на то, что граница (Дунай) была глубока, и опасна для перехода, *Ящеровлазые* и *Скиѳы* безпрестанно, говорятъ они, безпокоили пограничныя Римскія области.

Преемники Августа принуждены были обратить все свое вниманіе на защиту сихъ областей; вездѣ по берегамъ Дуная, въ удобныхъ мѣстахъ построены укрѣпленные лагери Римскихъ полковъ, давшіе начало многимъ укрѣпленнымъ Дунайскимъ Римскимъ городамъ. Не смотря на сіи предосторожности, нерѣдко сами Императоры принуждены были выступать въ походъ на Дунай, и оставались иногда на полѣ битвы.

Траянъ (98-117 год.) болѣе прочихъ успѣлъ въ своихъ военныхъ предпріятіяхъ; войска его проникли въ южную Венгрію, Трансильванію, Валахію и разбили могущественныхъ обатателей, которыхъ «Греки называютъ *Гетами*, а мы (Римляне) *Даками*» говоритъ Плиній. Съ сего времени сіи завоеванныя области покрылись Римскими поселеніями. Области раздѣлены были по мѣстоположенію; гористая Трансильванія названа (Dacia Alpestris) *горною Дакіей*, Венгрія, по сію сторону Дуная, (Dacia cis-Alpina) *Дакія по сію сторону горъ*, разумѣется въ отношеніи къ Италіи; малая Валахія съ южною частію Баната, (Dacia Ripen-

sis) *побережная* (по Дунаю) *Дакія*, Валахія съ частью Молдавіи (Dacia Trans-Alpina, Trans-Sylvana, Ultra-Montana) *Загорскою Дакіею*.

Еще и теперь есть слѣды Римскихъ колоній въ сихъ странахъ; еще и теперь открываютъ въ нихъ развалины, основанія укрѣпленій, домовъ, памятники, горшки съ монетами, вещи серебряныя, золотыя, мѣдныя, мраморныя и проч. Имена нѣкоторыхъ колоній и въ Трансильваніи понынѣ удержались: Colonia Claudia, гдѣ нынѣ Claudiopolis, столица сей страны (по-Венг. Kolosvár, по-Нѣм. Klausenburg); Alba Iulia и проч.

Сіе завоеваніе подало Римлянамъ случай познакомиться со всею страною до самой цѣпи Карпатскихъ горъ; и съ сихъ поръ граница *Ящероглазіи* (Sarmatia) отдвинута къ упомянутой цѣпи горъ и рѣкѣ Днѣстру.

Однакожь, нападенія Варваровъ на Римскія области и послѣ приписывались вообще только *Ящероглазымъ!* Что за народъ были сіи страшные наѣздники, надъ голубыми глазами коихъ издѣвались *Черноглазые* жители Греціи и Италіи, угадаешь, если вспомнишь, что Татарщина была тогда еще по ту сторону Болгаръ, во внутренней Азіи; а Финскія племена, по свидѣтельству уже тогдашнихъ Землеписцевъ, находились далеко на Сѣверѣ въ самомъ жалкомъ положеніи. См. Tacit. Annal. § 43, de Phennis.

Между тѣмъ надлежало, скоро или поздно, узнать обстоятельнѣе сію обширную Ящероглазію. Надъ описаніемъ ея трудились *Страбонъ*, *Помпоній Мела*, *Птолемей*, *Плиній*, и нѣкоторые другіе; но оставили намъ впрочемъ только краткое, неясное исчисленіе горъ, рѣкъ, городовъ и племенъ, безъ всякой почти связи; притомъ названія упомянутыхъ предметовъ взяты изъ Греческаго языка, и суть, для критика, одного достоинства съ *Ящероглазыми*, *Черноризцами* и

пр. Впрочемъ, можетъ быть, могли они иногда употреблять и настоящія названія предметовъ, нѣсколько искаженныя.

Изъ всего этого Ящероглазьяго хаоса въ Римской Исторіи выказывается нерѣдко имя *Роксоланъ*, сильнаго племени по Днѣпру и Бугу; они дѣлали сильныя нападенія изъ-за Днѣстра, сѣверной границы Римской Дакіи, не только до Дуная, но даже въ Мизію. Впрочемъ, Римскіе Исторпки весьма часто покрываютъ ихъ общимъ именемъ Ящероглазыхъ. Однако *Роксоланъ*, ибо они жили въ I, II и III столѣтіи у Днѣстра, нельзя принимать за Болгаръ.

Здѣсь же любопытно узнать, какимъ именемъ Римляне или Греки называли въ сіе время Болгаръ, жителей Волги, прежде нежели стали быть они извѣстными подъ именемъ Гунновъ. Сосѣдей Роксолановъ въ Крыму и его окрестностяхъ Плиній называетъ *Кимврами*, которые, говоритъ онъ, сѣверный или Ледовитый Океанъ называютъ *Mori Maruza* (море мороза). Смотр. его Географію, въ отрывкахъ Ист. и Геогр., собранн. Графомъ Потоцкимъ. — На Дону, за Азовскимъ озеромъ, жили *Аланы* или, иначе, *Массагеты*. Сія рѣка была почти границею Греческихъ владѣній. Впрочемъ, Греки здѣсь также старались раздробить сей народъ на многія частныя подраздѣленія, которыя, говоритъ Марцеллинъ, противорѣчатъ однѣ другимъ. Сей народъ занималъ всю Доно-Волжскую страну на неизвѣстное пространство къ Сѣверу; къ Югу ограничивался Кавказскими горами. Замѣтимъ, что Прокопій Гунновъ называетъ именно и Массагетами. По Страбону, сія страна есть Азіатская Сармація. Греки (за ними и Овидій) жителей Дунайскихъ называли *Гетами* также, какъ и Ящероглазыми; Роксоланъ, по

имени рѣки Tyras (Днѣпръ), *Тири-Гетами; Рокс-Аланами* же потому, что сзади ихъ были другіе Алане; почему сихъ Алановъ называли еще *Масса-Гетами*, неизвѣстно. Какъ бы то ни было, видно однако, что Греки и Римляне причисляли Массагетовъ къ Европейскимъ народамъ. Во владѣнія сихъ-то Массагетовъ (см. Iustin. Historiar. L. I. cap. 8), въ Грузіи, вторгнулся было Персійскій Царь Киръ, коему Королева ихъ *Томира* такъ искусно отмстила. (Щекотливо?) Они владѣли, видно, и Закавказскими областями, и искони вели дѣла съ Арменіей и Персіей.

Римляне, завоевавъ всю Анатолію или малую Азію, и вошедъ въ непосредственныя дѣла съ Арменіей и Персіей, здѣсь познакомились съ ними и ихъ называли Пареянами (Parthi). Воинственный духъ побуждалъ ихъ къ походамъ на Югъ и Востокъ Азіи, точно какъ послѣ въ Европѣ. Здѣсь-то они сдѣлались соперниками Римлянъ, принимавшихъ подъ свое покровительство всѣхъ Азійскихъ народовъ, которые желали возстать противъ Пареянъ. Пареяне въ свою очередь всегда ненавидѣли Римлянъ и стремились разорить Имперію; что дѣйствительно и удалось имъ довершить, какъ увидимъ въ послѣдствіи. Тацитъ говоритъ, что единственныя военныя силы Пареянъ состоятъ въ отличной конницѣ. L. 6. C. 31. Впрочемъ, имя *Пареяне*, какъ нарицательное, не могло быть долговѣчнымъ; оно вошло было въ употребленіе на мѣсто Массагетовъ, а послѣ смѣнено Гуннами, что видно изъ самой Исторіи Кавказскихъ странъ; да и Chronicon Paschale именно говоритъ, что Гунны или Скиѳы названы были Пареянами. См. Memor. Pop. in Hunnicis. Впрочемъ, много дѣяній ихъ съ Персами покрыто общимъ именемъ Скиѳовъ. Между тѣмъ, владѣніе Кавказскими стра-

нами и Грузіей оставалось за Гуннами еще и тогда, когда сіе имя замѣнено Акатзирами (Катзарами, Козарами и, наконецъ, Болгарами, которые потомъ должны были уступить Грузію Персамъ, а Тмуторокань Россіи).—Вотъ что̀ сказать можетъ здравая Критика о семъ запутанномъ дѣлѣ, и что̀ именно сообразно съ вышеприведеннымъ уже мною понятіемъ о пребываніи *Болгаръ*, искони какъ Славянъ, на Волгѣ. Могущество ихъ служитъ твердымъ доказательствомъ, что они жили не по частямъ или отдѣльно, но составляли одно цѣлое, нераздѣльное тѣло.

Между тѣмъ (во II и III столѣтіи), въ Европѣ Римскія владѣнія въ Дакіи подвергались попеременнымъ нападеніямъ Варваровъ изъ обширной Сарматіи. Историки продолжаютъ называть ихъ то Скиѳами, то Варварами, то Сарматами; иногда встрѣчаются и особыя названія: Вандаловъ, Геруловъ, Готовъ. Сіи послѣдніе относятся болѣе къ обширной странѣ, названной произвольно Германіей, т. е. *Братовщиной*.

Изъ свидѣтельствъ древнихъ писателей нельзя составить себѣ яснаго понятія о политическомъ отношеніи обитателей *Братовщины*, и *Ящероглагіи*, раздѣляемыхъ (въ понятіи только Римлянъ или Грековъ) машинально рѣкою Вислою. Уже въ третьемъ столѣтіи однако сталъ показываться болѣе прочихъ одинъ народъ или племя, подъ именемъ *Готовъ*. (Готы—загадка въ Исторіи. Нельзя безусловно вѣрить *Іорнанду*, ихъ Лѣтописцу, будто они вышли изъ острога Балтійскаго, Скандіи. Онъ жилъ долго послѣ сего событія; по крайней мѣрѣ вѣрно то, что Готы появились сперва изъ страны Латышской (Лифляндіи, Литвы, Пруссіи.) Успѣхи его оружія скоро стали быть ощутительными и Римской Имперіи. Императоры, желая

привязать къ себѣ пограничныхъ жителей, приняли ихъ подъ покровительство противъ Готовъ. Такимъ образомъ Константинъ Великій вступился за *пограничныхъ Ящероглазыхъ* (Sarmatae Limigantes) и отразилъ Готовъ, которые на нѣкоторое время удержались отъ своихъ покушеній на Имперію, но за то безчинствовали на Руси. Во второй половинѣ IV вѣка они двинулись еще сильнѣе на Югъ, во время несчастнаго похода Іуліанова противъ Персовъ. Въ короткое время всѣ владѣнія Римлянъ въ обширной Дакіи съ ихъ колоніями потеряны на-всегда; онѣ достались Готамъ, которые продолжали нападать чрезъ Дунай въ Мизію, Ѳракію, Македонію (366). Новый Императоръ, *Валентъ*, принужденъ былъ отражать ихъ силою, но въ 378 году при Адріанополѣ убитъ въ сраженіи. Храбрый Ѳеодосій Великій, преемникъ Валента, дѣятельнѣе принялся за войну, чтобы выгнать Готовъ изъ своихъ земель. Въ тоже время въ Россіи, со стороны Дона стали нападать на нихъ, по Іорнанду, *Аланы*, а по Грекамъ, *Гунны* (Οὖννοι). Съ чего Греки такъ назвали сихъ Донцевъ, неизвѣстно; по крайней мѣрѣ, находимъ имена Ἀλανοι, Ἀλαυνοι, Ἀλαουννι (Alaunni). Впрочемъ, при такомъ произволѣ, не нужно искать причины. *Іорнандъ*, нерѣдко слишкомъ пристрастный къ славѣ своихъ Готовъ, выставляетъ ихъ побѣдителями въ сей войнѣ, не смотря на то, что они были поражены. Онъ говоритъ, правда, и объ Гуннахъ въ другихъ мѣстахъ, заимствованныхъ изъ Византійцевъ. Дѣло въ томъ, что Готы вели войну съ однимъ только народомъ, Болгарами,—называютъ ли ихъ Гуннами, Аланами, Алауннами или Массагетами, все равно.

Итакъ, натискъ Болгаръ съ Волги уже съ 360 года и неудачныя съ ними стычки Готовъ, принудили

послѣднихъ выступить изъ Россіи. Болгаре преслѣдовали ихъ и во всей Дакіи. Въ тоже время Готы отчасти вытѣснены и изъ-за Дуная Ѳеодосіемъ, Римскимъ военоначальникомъ. Въ 378 году сей самый Ѳеодосій возшелъ на престолъ Византійскій. Въ его царствованіе Готы держались еще кое-какъ въ Валахіи и Венгріи.

Чтобы представить себѣ яснѣе отношенія сихъ враждующихъ народовъ, надобно припомнить, что Готы изъ Литвы, точно какъ въ среднія времена и Литовцы, распространяли свои владѣнія по Россіи къ Востоку и къ Югу, и тѣмъ самымъ приходили въ соприкосновеніе съ двумя державами, *Римскою*, у Днѣпра и Карпатскихъ горъ, и *Болгарскою*, гдѣ-либо посреди Россіи. Впрочемъ, не надобно воображать, что въ Россіи тогда не было другаго народа посреди Готовъ и Болгаръ, потому единственно, что имена сихъ только народовъ, какъ господствующихъ, замѣчены писателями Греческими или Римскими.

Сверхъ сего, Готы жилищами своими у устья Вислы граничили и съ другими Славянскими народами Германіи; можетъ быть, и туда простерли власть свою.—Гдѣ граничили Болгарскія владѣнія въ Руси къ западу, неизвѣстно; по крайней мѣрѣ, знаемъ, что Доно-Азовская страна была центромъ ихъ державы; еще менѣе знаемъ, какъ далеко простиралась въ Сибири на востокъ; заключать же ее въ областяхъ, прилежащихъ къ самой Волгѣ, нѣтъ никакой достаточной причины; ибо хотя Болгаре искони и жили только въ одной Волжской странѣ, какъ колыбели своей, однако впослѣдствіи могли распространяться повсюду въ окружность, что именно подтверждаетъ и Исторія. Сверхъ сего, трудно знать, гдѣ было то мѣсто (столица), около коего обращалась вся ихъ государ-

ственная машина. Можно однако съ вѣроятностью предположить, что оно находилось въ болѣе теплой, и плодородной части сей Державы, и если не на Волгѣ, то на Дону, или даже у береговъ Азова.

И такъ, въ IV столѣтіи Россія была театромъ борьбы между двумя народами, въ коей верхъ взяли Болгаре; и . . съ тѣхъ поръ Россія долго, долго оставалась отчасти подъ ихъ господствомъ, отчасти же вліяніемъ; съ сего-то времени и Готы не могли болѣе удержать стремленія къ завоеваніямъ сего воинственнаго народа.

Болгаре вскорѣ достигли Карпатскихъ горъ (380 г.), и тѣмъ пресѣкли связь Дакійскихъ Готовъ съ Литво-Прусскими, оставшимися въ прежнихъ своихъ жилищахъ у Балтійскаго моря; потомъ понеслись далѣе къ югу, поражая ихъ въ Молдавіи, Валахіи и Венгріи, и принудили ихъ искать убѣжища у Императора Ѳеодосія, который отвелъ имъ жилища въ разныхъ мѣстахъ Придунайскихъ Префектуръ, преимущественно въ пограничной Мизіи. Готы, лишившись такимъ образомъ сообщенія съ родиной, принуждены были скитаться по Европѣ; имъ даже и не хотѣлось изъ благорастворенпаго климата и плодородныхъ странъ южныхъ возвращаться въ сухія, песчаныя Латышскія свои страны. Впрочемъ, сіи Готы составляли болѣе войско, чѣмъ народъ въ строгомъ смыслѣ, а посему были и подвижнѣе.

Въ правленіе Ѳеодосія Великаго (380-395 г.) Болгаре заняли всѣ Римскія владѣнія по сію сторону Дуная, отнятыя у Готовъ: Молдавію, Валахію, восточную Венгрію, и Трансилванію. Горы сей послѣдней послужили убѣжищемъ для Римскихъ колоній. Сіи плодородныя страны, обратившія было на себя

все вниманіе Римскаго двора, были неоцѣненнымъ пріобрѣтеніемъ для Болгаръ, которые нахлынули на нихъ, какъ прежде Италіанцы, и въ непродолжительное время всю Дакію можно уже было назвать Болгаріей. Тогда правилъ сими завоевателями отецъ Аттилы, *Мундіухъ*, какъ называли его Греки.

Послѣ смерти (395) Өеодосія Великаго, Имперію раздѣлили между собою два его сына; *Аркадію* досталась Восточная, *Гонорію* Западная. Первые годы царствованія сихъ Императоровъ прошли довольно спокойно. Болгаре, довольные на нѣкоторое время столь важнымъ и обширнымъ пріобрѣтеніемъ, не тревожили Имперіи своими нападеніями. Только остатки Готовъ, а именно вытѣсненные изъ Восточной Венгріи, перешли чрезъ Дунай въ Паннонію, Иллирикъ, а тамъ и въ Италію, гдѣ послѣ были виновниками разныхъ переворотовъ, пока, наконецъ, основали особенное царство *). Межъ тѣмъ скончался (409 или 410) Аркадій, оставивъ Имперію сыну, Өеодосію II. Межъ тѣмъ возросъ и Аттила, и принялъ въ свои руки кормило правленія.

---

*) См. еще статью Венелина: «Нѣчто къ изысканіямъ о Готахъ,» въ Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. 1847, № II.»

Тамъ же, 1847, № III. «Объ Обрахъ, ихъ царствѣ и его предѣлахъ.»

Тамъ же, 1848, № V. «О нашествіи Завислянскихъ Славянъ на Русь до-Руриковыхъ временъ.» *Изд.*

VI.

АТТИЛА.

БОЛГАРІЯ, ДЕРЖАВА МЕЖДУ ДУНАЕМЪ И ВОЛГОЮ; СОСТОЯНІЕ ЕЯ ВЪ ПРАВЛЕНІЕ АТТИЛЫ.

410 — 454 г.

Итакъ, переходъ Болгаръ къ Дунаю нельзя принимать за переселеніе всего Болгарскаго народа съ Волги на Дунай. *Съ Волги*, повторяю, не значитъ съ береговъ сей рѣки, а просто изъ старой Болгаріи, заключавшей въ себѣ и Волгу, и Донъ, и нынѣшнія Новороссійскія Губерніи. На Дунай значитъ въ Дакію, т. е. Бессарабію, Молдавію, Валахію, Венгрію. Переходъ Болгаръ къ Дунаю, въ точномъ смыслѣ, есть не иное что, какъ только распространеніе ихъ владѣній на югъ, къ сей рѣкѣ. Потому, слово *переходъ* или *переселеніе* здѣсь очень не кстати, и даже противно Исторіи; ибо представляетъ мысль, будто всѣ Болгаре оставили свои жилища на Волгѣ; что несправедливо, потому-что сіи страны остались въ ихъ владѣніи еще нѣсколько столѣтій спустя. Итакъ, страна, по Греческому или Римскому, *Дакія*, а въ самомъ дѣлѣ, Дунайская, т. е. *Венгро-Валахо-Молдаво-Бессарабская* Болгарія, и Болгарія *Днѣпро-Доно-Волжская*, въ то время составляла одно политическое тѣло, подраздѣлявшееся на части, кажется, совсѣмъ иначе, нежели какъ мы, по недостатку вѣрныхъ свѣдѣній, себѣ воображаемъ. Границѣ сего Государства къ Балтійскому морю, къ сѣверу и востоку, какъ уже сказано выше,

опредѣлить нельзя, потому-что объ этомъ сами Византійцы ничего не знали; по крайней мѣрѣ, видимъ, что южную линію онаго составляли Каспійское море, Кавказъ, Черное море и Дунай. Столицу сей монархіи изъ Руси въ Дакію первый перевелъ Аттила. Впрочемъ, сей неукротимый завоеватель болѣе проживалъ посреди арміи въ палаткѣ и на бивакахъ, чѣмъ въ чертогахъ посредя своей Державы. Враждуя съ Имперіями, Восточною и Западною, онъ жилъ больше всего въ Дакіи, а именно въ Темешскомъ Банатѣ, въ сосѣдствѣ съ обѣими.

Намѣреваясь представить только главныя черты Болгарской Исторіи, я не стану исчислять всѣхъ дѣяній Аттилы, довольно извѣстныхъ изъ Лѣтописей, преимущественно въ отношеніи къ Имперіямъ. Пусть другіе займутся симъ дѣломъ. Здѣсь обращаю я вниманіе на важнѣйшія его дѣянія, которыя покажутъ намъ, какую роль играли Болгаре въ Европѣ въ V столѣтіи.

Первые годы царствованія Аттилы прошли въ усмиреніи разныхъ племенъ, живших въ Сѣверной части его владѣній, «*Амилзуровъ*, *Итимаровъ*, *Тункассіевъ* и *Воисковъ*,» говорятъ Византійцы. Такъ или не такъ, не стану спорить; главное то, что онъ имѣлъ дѣла на Руси. Болгаре, сдѣлавшись сосѣдями Имперій, по всей Дунайской линіи отъ Пешта до Чернаго моря, заводили споры съ Византійцами, которые кончились нападеніемъ на ихъ области (426 г.). Война прекращена миромъ, заключеннымъ въ Дунайскомъ городѣ *Маргѣ* между послами Императора *Плинтою* и *Епигеномъ*, и уполномоченными Аттилы, на слѣдующихъ условіяхъ: «I. Императоръ возвратитъ всѣхъ Гуннскихъ переметчиковъ, и плѣнныхъ Римлянъ, возвратившихся въ отечество безъ выкупа; или внесетъ

за каждаго изъ нихъ по 8 золотыхъ монетъ. II. Византійцамъ, въ случаѣ войны Гунновъ (Болгаръ) съ какимъ-либо сосѣднимъ народомъ, должно наблюдать неутралитетъ. III. Торговыя сношенія между Гуннами и Императорскими подданными имѣютъ быть на равныхъ правахъ и преимуществахъ; обезпеченіе торговли обоюдное. IV. Римляне будутъ платить (Болгаріи) ежегодно 700 фунтовъ золота, т. е. вдвое больше противъ прежняго. Трактатъ наблюдать свято.» Слова Приска. Vid. Prisc. apud Stritt. in Hunn. p. 451. «По заключеніи сего мира,» говоритъ Прискъ, «Аттила съ братомъ своимъ *Вледомъ* опять обратился въ Скиѳію» (на Русь) «противъ (какихъ-то) *Сороссвовъ*.» (со-Россховъ? Россовъ или *Σоробнос*, Со-Росскихъ-Русскихъ?)

438—443 г. Однако миръ съ Имперіей продолжался не долго. Началась опять жаркая война. Аттила взялъ городъ *Марвъ*, опустошилъ всю Мизію, наконецъ, послѣ Херсонскаго сраженія, съ Императорскимъ чрезвычайнымъ посланникомъ, *Анатоліемъ*, заключенъ миръ на слѣдующихъ условіяхъ: «I. Бѣглецовъ возвратить Королю. II. Взнести ему единовременно 6,000 фунтовъ золота. III. Ежегодно вносить 2,100 фунтовъ. IV. За Римскихъ плѣнниковъ платить выкупъ, по 12 червонцевъ за каждаго. V. Не давать убѣжища бѣглецамъ, его подданнымъ.»

Замѣтимъ здѣсь, что впродолженіе мирнаго времени происходила весьма значительная торговля между подданными обѣихъ державъ. Извѣстно, что южные берега Дуная усѣяны были городами. Каждый изъ нихъ имѣлъ свои ярмонки, называемыя *Πανηγυρεις*, учрежденныя съ согласія обѣихъ державъ. На оныя тогда стекалось множество народа съ обѣихъ сторонъ. Прискъ говоритъ подъ симъ годомъ (въ пере-

водѣ Стритт. in Hunnicis pag. 48 д.): Scythae, quo tempore mercatus Scytharum et Romanorum frequenti multitudine celebratur, и проч. См. Not. Contaclari ibid.

441—446 г. Өеодосію II было весьма прискорбно принимать столь унизительныя для Имперіи условія; но невыгодное положеніе его въ сіе время, по причинѣ разрыва съ Вандалами въ Африкѣ, Персами, Арабами и Изврійцами, принудило его согласиться на условія, которыя трудно было вдругъ исполнить. Денегъ въ казнѣ на сей разъ почти не было; Король за ними и бѣглецами прислалъ Воеводу *Скотана.* Императоръ медлилъ; Король прислалъ втораго, третьяго посла, и вдругъ возобновилъ непріятельскія дѣйствія. Взяты приступомъ два знаменитые Дунайскіе города: *Ратіарія* и *Сингидунъ;* отнята область *Сирмія* между рѣками Дунаемъ и Савою съ городомъ *Сирміемъ,* столицей Паннопіи; въ Мизіи разорены *Нисса* и *Сардика* (нынѣ Софія); опустошеніе распространено и на Өракію.

447 г. «Между тѣмъ, *Едиконъ* (Εδικον *)», говоритъ Прискъ, «одинъ изъ храбрѣйшихъ полководцевъ Аттилы, прибылъ опять посланникомъ въ Констан-

---

*) *Отрокочи* (Otrokotsius) въ своей Orig. Hungar. Part. II; а послѣ него и многіе другіе изъ Венгерскихъ писателей спорятъ объ этимологическомъ объясненіи изъ Венгерскаго языка именъ Болгарскихъ, встрѣчающихся у Приска. Для сего они пріискиваютъ созвучныя слова изъ своего языка, иногда и мало похожія. Но замѣтимъ, что къ одному имени можно отыскать созвучныя слова и во всякомъ другомъ языкѣ. Впрочемъ сей родъ объясненій принадлежитъ къ *глиняной эпохѣ* Исторической критики. Нынѣ отчасти и самые Венгры смѣются надъ подобными толкованіями.

тинополь вмѣстѣ съ *Орестомъ*, Грекомъ, родомъ изъ Паннонiи, лежащей между рѣками Дунаемъ и Савою, и уступленной Болгарiи по трактату съ военачальникомъ Западной Имперiи, *Аетiемъ*, и посему принадлежавшимъ къ числу подданныхъ Аттилы. *Едиконъ*, на данной ему аудiенцiи, вручилъ Императору письмо своего Государя, въ коемъ сей послѣднiй предлагалъ слѣдующiя условiя: I. Возвратить немедленно его бѣглецовъ. II. Чтобъ Римскiе подданные не проживали въ новопрiобрѣтенныхъ имъ (за Дунаемъ) областяхъ въ длину отъ Паннонiи, по той сторонѣ Дуная, до города *Новы* во Ѳракiи, а въ ширину 15 дней пути. III. Чтобы ярмонки не были, какъ прежде, на Дунаѣ, но въ Ниссѣ, которую онъ, взятую приступомъ, назначаетъ предѣломъ между своими и Императорскими владѣнiями. IV. Къ нему должны быть присланы чрезвычайные Императорскiе посланники, именно мужи знаменитые и консульскаго достоинства, коимъ онъ дастъ аудiенцiю въ Сардикѣ, въ главной квартирѣ. (По видимому, Король хотѣлъ поучить Императора Дипломатическому правилу, что къ первостепенной Державѣ должно посылать первѣйшихъ сановниковъ Государства.) Послѣ аудiенцiи, Едиконъ, обозрѣвая дворецъ, встрѣтился съ Хрисафiемъ, любимцемъ Императора Ѳеодосiя II. Посланникъ изъявилъ удивленiе о пышности и богатствѣ покоевъ; Хрисафiй чрезъ *Вигилу* толмача отвѣчалъ, что и его ожидаетъ подобное богатство, если онъ перейдетъ къ Римлянамъ; Едиконъ возразилъ, что слугѣ и подданному, имѣющему свое отечество, сего сдѣлать непристойно. Хрисафiй спросилъ опять у Едикона, имѣетъ ли онъ легкiй доступъ къ Королю, и какой чинъ занимаетъ; сей отвѣчалъ, что онъ весьма вхожъ къ

своему Монарху, и начальствуетъ его тѣлохранителями вмѣстѣ съ другими вельможами, которые, по опредѣленнымъ днямъ, вооруженные исправляютъ сію службу при своемъ Государѣ. Тогда Хрисафій намекнулъ, что можетъ доставить ему величайшее счастіе и почести, и изъявилъ желаніе поговорить съ нимъ о семъ на единѣ, а именно, если послѣ ужина посланникъ посѣтитъ его безъ Ореста и прочихъ чиновниковъ посольства. Едиконъ обѣщался, и послѣ ужина дѣйствительно прибылъ къ любимцу Императора. Тогда Хрисафій чрезъ толмача поклялся посланнику въ томъ, что будетъ говорить о дѣлѣ, для него полезномъ, и требовалъ взаимной клятвы въ томъ, что посланникъ не разгласитъ ввѣреной ему тайны, если и не согласится на предложеніе. Это было исполнено. Евнухъ сказалъ тогда посланнику, что, если онъ, возвратясь къ своему двору, умертвитъ Короля и перейдетъ къ Византійцамъ, то принятъ будетъ съ великими почестями, и будетъ жить въ великомъ богатсвѣ и счастіи между ними, и проч. и проч. Посланникъ согласился, прибавя однако, что нужны деньги, по крайней мѣрѣ 50 фунтовъ золота, на подкупъ тѣхохранителей; Евнухъ тотчасъ бросился было за деньгами, но Едиконъ прибавилъ, что прежде ему должно просто возвратиться къ Королю съ отвѣтомъ Императора, и взять съ собою Вигилу толмача, коего онъ, если нужда потребуетъ, отправитъ въ Константинополь за условленными деньгами; что теперь ихъ принять не долженъ, ибо нельзя скрыть ихъ ни отъ своихъ чиновниковъ посольства, ни отъ Короля, который непремѣнно спроситъ, отъ кого и сколько получилъ подарковъ въ Константинополѣ. Евнухъ, признавъ доводы посланника спра-

ведливыми, согласился на исполненіе его мнѣнія и, отпустивъ его, увѣдомилъ немедленно Императора о своемъ замыслѣ. Императоръ принялъ предложеніе съ удовольствіемъ. По совѣтѣ съ Гофмаршаломъ *) *Марціаліемъ*, соучастникомъ всѣхъ тайнъ Кабинета, рѣшено было отправить къ Королю *Вигилу*, соучастника замысла; а *Максимина* вельможу, незнавшаго о семъ ничего, для прикрытія заговорщиковъ, чрезвычайнымъ Посланникомъ по дѣлу о трактатѣ. *Максиминъ*, отправляясь въ путь, причислилъ меня (говоритъ про себя *Прискъ Риторъ*, сочинитель сего повѣствованія) къ своей свитѣ.»

VII.

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ ВИЗАНТІЙСКАГО ПОСОЛЬСТВА КО ДВОРУ АТТИЛЫ, ПИСАННЫЯ СЕКРЕТАРЕМЪ ОНАГО ПРИСКОМЪ РИТОРОМЪ.

Сіи Записки съ перваго взгляда, можетъ быть, покажутся здѣсь неумѣстными; но какъ онѣ писаны очевидцемъ, совершившемъ путешествіе въ средину Гунновъ, и срисованы, такъ сказать, съ натуры, то для изъискателя и народописца онѣ драгоцѣнный подарокъ. Я старался короче познакомить Россіянъ съ ихъ соотчичами, *Гуннами*, и если мои доводы кому либо не показались яснѣе полуденнаго свѣта (Luce meridiana clariores), то въ семъ случаѣ недовѣрчивыхъ прошу послушать самаго очевидца, въ полной мѣрѣ подтверждающаго изложенныя мною выше положенія. Посему, сіи Путе-

*) «О Маршалахъ» см. статью *Венелина*, въ чтеніяхъ въ И. О. Ист. и Др Р. 1848, № VIII. *Изд.*

выя Записки, служащія дополнительными и рѣшительными доказательствами, необходимо должно было внести въ число изъисканій. Я ихъ предлагаю въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ находятся у Стриттера. Vid. Memor. Populor. in Hunnicis.

«Итакъ, мы вступили въ дорогу вмѣстѣ съ возвращающимся посольствомъ Короля, и, послѣ 13-ти дневнаго пути, прибыли въ Сардику» (нынѣ Софія, а по-Болгарски *Тріадица*). «По прибытіи въ сей городъ, мы пригласили Едикона съ его свитою откушать съ нами. Столъ былъ у насъ порядочный; жители доставили намъ довольно говядины и баранины. Во время обѣда Гунны (Болгаре) стали превозносить Аттилу, а мы Императора. Толмачь Вигила возразилъ, что не прилично человѣка (Аттилу) сравнивать съ Божествомъ (Өеодосіемъ II). За это сравненіе Болгаре разсердились, мы же начали обращать разговоръ на другое, и старались ласкательными словами укротить ихъ гнѣвъ. Послѣ обѣда Максиминъ, чтобы совершенно примириться съ чужимъ посольствомъ, предложилъ Едикону и Оресту подарки — шелковымъ платьемъ и Индѣйскимъ жемчугомъ. — Орестъ дождавшись, пока Едиконъ оставилъ общество, обратился къ Максимину, и хвалилъ его благоразуміе, что не мѣшался въ общій разговоръ, явно противный обоимъ Государямъ; сверхъ сего, замѣтилъ ему, что и прочіе, дѣлая Едикону подарки, его (Ореста) пренебрегли. Мы, не зная, къ чему относились сіи слова Ореста, спрашивали его, въ чемъ и какимъ образомъ произошло сіе пренебреженіе; но онъ, не сказавъ ни слова, вышелъ. На другой день, продолжая путь, я сошелся съ Вигилою и повторилъ ему слова Ореста. Но онъ отвѣчалъ, что Орестъ не долженъ отнюдь сердиться за неполученіе подарковъ на равнѣ съ Еди-

кономъ; ибо онъ есть только Писецъ или Секретарь Короля, а Едиконъ знаменитый вождь и Вельможа Скиоіи, и много выше его достоинствомъ. За симъ, Вигила обратился къ Едикону, и говорилъ съ нимъ на его отечественномъ языкѣ, послѣ опять къ намъ, утверждая, что (правда ли или ложь, не знаю) онъ сказанное нами повторилъ Едикону, а послѣ на насъ такъ разсердился, что едва съ великимъ трудомъ можно было его нѣсколько усмирить.»

По видимому, Орестъ сталъ подозрѣвать нѣчто; плутъ же Вигила, орудіе Византійской низости, опасался, чтобъ не открылся заговоръ.

«Наконецъ, мы прибыли въ городъ *Ниссу*, совсѣмъ разоренный непріятелемъ, и оставленный почти вовсе жителями своими; только въ развалинахъ церквей находилось по нѣскольку больныхъ. Перешедъ рѣку» (*Нишаву*, на коей стоитъ городъ), «мы пустились чрезъ поля. (Всѣ прибрежныя мѣста еще усѣяны были костями убитыхъ въ бывшемъ здѣсь сраженіи.) На другой день прибыли въ главную квартиру *Агинтея*, главноначальствовавшаго войсками въ Иллирикѣ, находящуюся не подалеку отъ Ниссы. Императоръ далъ ему повелѣніе отпустить намъ 5 Гунскихъ бѣглецовъ, для пополненія числа 17, коихъ обѣщался возвратить Аттилѣ. Начальникъ, отпуская бѣдныхъ дезертировъ, утѣшалъ ихъ словами.»

Изъ сего видно, что Аттила не намѣренъ былъ принимать Византійскихъ пословъ въ Сардикѣ; они ѣхали въ самую Болгарію.

«Переночевавъ, мы взяли направленіе отъ горъ Нисскихъ къ Дунаю; въ дорогѣ, послѣ разныхъ извилинъ, переходовъ, нашли на одно селеніе. Отсюда пробрались, чрезъ мѣста ровныя и влажныя, нако-

нецъ къ берегу Дуная. Здѣсь варварскіе (Болгарскіе) перевозчики приняли насъ въ свои лодки, которыя они дѣлаютъ, выдолбливая толстыя деревья (бревна). Сіи лодки были приготовлены не для нашего перевоза, а для переправы на южный берегъ многочисленнаго непріятеля, съ которымъ, говорили, мы встрѣтимся на дорогѣ. Кажется, что Аттила выступалъ въ походъ такъ легко, какъ на охоту. Таковы были его приготовленія къ войнѣ за то, будто наши не возвращаютъ ему переметчиковъ.»

«Переправившись чрезъ Дунай, мы проѣхали верстъ 15, какъ насъ остановили на одномъ полѣ, и велѣли дожидаться пока Едиконъ отправится къ Королю, и извѣститъ его о нашемъ прибытіи. При насъ оставлены были воины, долженствовавшіе провожать насъ, какъ иностранцевъ. Къ вечеру, во время ужина, послышался топотъ лошадей, къ намъ приближающихся. Вдругъ появились два всадника; они велѣли намъ ѣхать къ Королю. Мы просили ихъ откушать съ нами; они сошли съ лошадей, присѣли къ намъ, и отужинали вмѣстѣ: на другой день они насъ проводили; и мы въ 8 часу приблизились къ палаткѣ Государя-полководца, вокругъ коей было множество другихъ.» (Это былъ лагерь.) «Мы хотѣли распустить нашу палатку на одномъ возвышеніи, но намъ запретили, говоря, что палатка Короля слишкомъ близка, и мы должны были остановиться тамъ, гдѣ намъ назначили.»

«Вскорѣ прискакали къ намъ *Едиконъ*, *Скотанъ*, *Орестъ* и другіе непріятельскіе чиновники, и стали отъ насъ спрашивать: *Для чего, по какому поводу прибыли мы сюда?* Мы смотрѣли одинъ на другаго отъ удивленія при столь странномъ вопросѣ. Но они настаивали, и стали заводить шумъ, чтобы вынудить

у насъ объявленіе. Мы отвѣчали, что имѣемъ повелѣніе отъ нашего Государя сообщить его желанія одному только Королю. *Скотанъ*, разсердившись на сей отвѣтъ, прибавилъ, что получилъ повелѣніе отъ самаго Короля узнать причину нашего прибытія; ибо, продолжалъ онъ, вашу хитрость и низость въ дѣлахъ мы знаемъ. Мы начали увѣрять, доказывать, что еще никогда не было ни закону, ни обыкновенія, чтобы посланники разглашали всякому ввѣренныя имъ препорученія прежде, нежели допущены будутъ къ тому, къ кому онѣ прямо относятся; что сіе имъ самимъ должно быть извѣстно, поелику они были посланниками въ Константинополѣ; и что̀ имъ позволено было, того и они же не должны отвергать, а поддерживать права посольства. Получивъ сіе въ отвѣтъ, возвратились къ Аттилѣ, и вскорѣ опять къ намъ, по безъ Едикона. Тутъ они высказали сами всѣ порученія ввѣренныя намъ Императоромъ и прибавили, чтобы мы, если болѣе извѣстныхъ имъ уже порученій не имѣемъ, тотчасъ возвратились во свояси.»

«Въ семъ положеніи мы не знали, что̀ предпринять; никакъ не могли понять, какимъ образомъ тайныя порученія Императора, о коихъ и самые даже боги не могли извѣдать, открыты Аттилѣ. Какъ бы то ни было, мы рѣшились ни о чемъ не говорить касательно нашихъ порученій прежде, нежели допустятъ насъ къ Королю, и сказали имъ рѣшительно, что какія бы ни были ввѣренныя намъ порученія, мы можемъ ввѣрить ихъ только Государю лично, и что болѣе не станемъ ни съ кѣмъ переговариваться. Итакъ, они настояли, чтобы мы отправились въ возвратный путь.»

«Во время приготовленія къ отъѣзду, Вигила упре-

калъ насъ за отвѣтъ; *ибо гораздо лучше было,* говорилъ онъ, *солгать что-либо, чѣмъ, не сдѣлавъ ничего, возвратиться домой; если бы я,* прибавилъ, *поговорилъ съ Королемъ, то всѣ несогласія между обѣими державами прекратились бы, тѣмъ болѣе, что я уже прежде оказалъ ему услуги во время заключенія договора съ Анатоліемъ; сего же мнѣнія и самъ Едиконъ.* Правду ли онъ говорилъ или нѣтъ, не знаю; онъ мѣтилъ однако на то, чтобы подъ видомъ посольства исполнить тайныя порученія нашего двора касательно умерщвленія Аттилы. Но онъ не зналъ, что умыселъ былъ открытъ; ибо Едиконъ, притворно ли согласившійся на предложеніе Хрисафія, или боявшись доноса Королю отъ Ореста за Сардикскую сцену, или за тайныя сношенія безъ него въ Константинополѣ съ Хрисафіемъ и Императоромъ, открылъ своему Государю заговоръ на жизнь его, и число денегъ на подкупъ стражи, за коими Вигила долженствовалъ возвратиться въ Константинополь, и все то, о чемъ долженъ былъ переговаривать настоящій посолъ (Максиминъ).»

«Осѣдлавъ лошадей, по необходимости мы, уже вечеромъ, отправились въ обратный путь, и рѣшились ѣхать ночью, какъ вдругъ прискакали за нами воины съ повелѣніемъ Короля, чтобы не пускаясь въ путь въ темную ночь, возвратились на мѣсто, на которое тотчасъ привели и зарѣзали намъ быка; сверхъ сего принесли намъ рѣчной рыбы, присланной Королемъ. Поужинавъ, ложились спать. При разсвѣтѣ мы ласкались надеждою, что Король, смягчившись, приметъ насъ благосклоннѣе; однако, онъ велѣлъ намъ сказать, что если не имѣемъ сказать болѣе того, что уже ему извѣстно, то должны возвратиться домой. Итакъ,

мы препоясались въ дорогу, не давъ никакого отвѣта, не смотря на то, что Вигила убѣдительно совѣтовалъ сказать Королю, что имѣемъ еще что-то сообщить ему, для него весьма важное.»

«Замѣтивъ прискорбіе Максимина, я рѣшился сходить въ палатку *Скотана*, и взялъ съ собою *Рустиція*, знающаго здѣшній языкъ (Болгарскій, barbarorum linguae peritus), и прибывшаго съ нами сюда по собственнымъ дѣламъ къ Констанцію, уроженцу Италіанскому, присланному Аттилѣ *Аетіемъ*, первымъ тогдашнимъ полководцемъ Западной Имперіи, для его Латинской переписки съ Римскимъ дворомъ. Чрезъ Рустиція я разговаривалъ съ *Скотаномъ*, коему обѣщалъ отъ имени Максимина великіе подарки, если откроетъ ему доступъ къ Королю; ибо Посланникъ желаетъ заключить договоръ, который будетъ весьма полезенъ не только Имперіи, но и его народу, и проч. Убѣжденный моими словами, онъ сѣлъ на лошадь и поскакалъ къ палаткѣ Короля.»

«Я же возвратился къ нашей, гдѣ нашелъ Максимина и Вигилу въ величайшемъ недоумѣніи и страхѣ. Я разсказалъ Посланнику о моемъ посѣщеніи *Скотана* и о его поѣздкѣ къ Государю, и просилъ его приготовить обѣщанные ему мною подарки, и придумать рѣчь, коею должно будетъ привѣтствовать гордаго Монарха. Итакъ, они встали (я ихъ засталъ лежащихъ на травѣ), похвалили меня за предпріимчивость, и велѣли позвать назадъ часть нашей свиты, выступившей уже въ путь. Тогда стали думать, какъ привѣтствовать Короля и поднести ему Императорскіе подарки.»

«Между тѣмъ, прибылъ къ намъ *Скотанъ* съ повелѣніемъ приготовляться къ аудіенціи. Наконецъ, мы от-

правились къ палаткѣ Государя, окруженной множествомъ стражей. Когда мы вошли, Аттила сидѣлъ на тронѣ или деревянныхъ креслахъ; мы остановились поодаль; Максиминъ, подошедъ къ нему, поклонился и, вручая письмо Императора, сказалъ: *Императоръ желаетъ Вашему Величеству и всѣмъ вашимъ подданнымъ здравствовать.* Король отвѣчалъ: *да будетъ и ему такъ, какъ мнѣ желаетъ* (!), и тотчасъ обратился къ Вигилѣ. Онъ бранилъ его сильно, и спрашивалъ, для чего опять къ нему прибылъ, когда миръ заключенъ на такихъ условіяхъ, на которыя и онъ и Анатолій согласились? и прибавилъ, что Императоръ не прежде могъ къ нему отправлять посольство, какъ только по возвращеніи всѣхъ бѣглецовъ, находящихся въ его владѣніяхъ. Вигила же отвѣчалъ, что ни одного переметчика болѣе нѣтъ въ Имперіи, и всѣ возвращены. Симъ отвѣтомъ еще болѣе разгнѣванный Король, сталъ бранить его еще болѣе, и прибавилъ, что онъ велѣлъ бы его повѣсить, еслибы не уважалъ правъ посольства, за его безстыдство и дерзость; ибо, говорилъ онъ, въ Имперіи есть еще много его бѣглецовъ, коихъ роспись тотчасъ велѣлъ прочесть своимъ писарямъ.»

Аттила имѣлъ достаточную причину настоять на выдачу бѣглецовъ; ибо Византійцы покровительствомъ своимъ подавали поводъ воинамъ его къ побѣгу; доказательствомъ тому служитъ и произшествіе съ Едикономъ. Аттила же, какъ Государь воинственный, строго наблюдалъ дисциплину, и наказывалъ за измѣну отечеству.

«Когда отмѣтили число недостававшихъ, Король тотчасъ велѣлъ *Еславу* (или *Восславу*) отправиться съ Вигилою въ Константинополь и, по объявленіи Императору, чтобы немедленно выданы были всѣ бѣ-

глецы, проживающіе въ его областяхъ, возвратиться тотчасъ съ отвѣтомъ: будутъ ли возвращены переметчики, или, въ противномъ случаѣ, желаютъ ли Византійцы продолженія войны. Максимину же велѣлъ дожидаться пока приготовится отвѣтъ на письмо Императора, въ коемъ сей послѣдній отзывался о Максиминѣ, какъ отличномъ Сановникѣ и Дипломатѣ, а о Вигилѣ, какъ опытномъ толмачѣ и проч. Вслѣдъ засимъ, принявъ подарки, насъ отпустили. По возвращеніи въ нашу палатку, мы перебрали все сказанное на аудіенціи отъ слова до слова. Вигила удивлялся, и не могъ понять, почему Аттила, бывъ благосклоннымъ и снисходительнымъ къ нему во время перваго его посольства, теперь бранилъ его столь жестоко. Я сказалъ, что по видимому, Королю донесли, какъ онъ въ Сардикѣ бранилъ его, а Императора сравнивалъ съ божествомъ; сего же мнѣнія былъ и Максиминъ, ничего незнавшій о тайныхъ козняхъ Вигилы и нашего двора. Вигилѣ же, какъ онъ послѣ признался, и въ голову не приходило, чтобы кто-либо могъ донести Королю о Сардикской сценѣ, или объ умыслѣ на него, или чтобъ самъ Едиконъ, поклявшійся молчать, могъ открыть тайну, за соучастье въ коей долженъ былъ опасаться осужденія и казни.»

«Между тѣмъ какъ мы такъ разсуждали, но подлинно ничего не понимали, пришелъ къ намъ Едиконъ, и отозвавъ Вигилу нѣсколько въ сторону (ибо, по видимому, притворялся, будто дѣйствительно желаетъ съ нимъ посовѣтоваться объ исполненіи тайнаго ихъ замысла), велѣлъ ему при возвращеніи изъ Цареграда привести условленныя деньги для подкупа стражи и, кончивъ совѣщаніе, ушелъ опять. Когда я сталъ съ любопытствомъ выспрашивать Вигилу каса-

тельно его разговора съ Едикономъ, онъ сталъ меня обманывать, говоря совсѣмъ другое, будто Едиконъ разсказалъ ему, что Король очень сердитъ на него за невозвращеніе переметчиковъ etc., но онъ и самъ себя обманывалъ. Вслѣдъ за симъ мы получили запрещеніе Короля выкупать Римскихъ плѣнныхъ у его подданныхъ, или покупать рабовъ, лошадей, или чтобы то ни было, кромѣ съѣстнаго, до тѣхъ поръ, пока не заключится миръ между обѣими державами. Король поступалъ довольно прозорливо и хитро; ему хотѣлось поймать Вигилу съ поличнымъ, а Византійскій дворъ въ самомъ его тайномъ дѣйствіи; ибо лучшаго способа дѣйствительно не видѣлъ.»

«Итакъ, *Еславъ* и Вигила отправились въ Константинополь, будто для того, чтобы по повелѣнію Короля привести плѣнныхъ, а въ самомъ дѣлѣ, чтобы привезли обѣщанныя Едикону деньги. По ихъ отъѣздѣ, Король велѣлъ намъ дожидаться прибытія *Онигизія* *), перваго его Совѣтника, Воеводу, находившагося тогда со старшимъ его сыномъ у *Акатзировъ* (Козаръ) правителемъ; ибо онъ долженствовалъ написать отвѣтъ на письмо Императора и принять, для храненія, подарки, присланные Королю и ему.»

«На третій день мы отправились со Дворомъ (за Аттилою) въ мѣста, лежащія болѣе къ Сѣверу. Проѣхавъ нѣсколько съ варварами, мы поворотили, по указанію нашихъ проводниковъ, на другую дорогу. Аттила же остановился въ одномъ селеніи, гдѣ хотѣлъ жениться (хотя уже имѣлъ нѣсколько жёнъ) на *Есканъ* дочери (?), сообразно (?) съ законами своего отечества.»

---

*) Т. е. Нѣгиша (*Ὁ Νήγησιος*). См. примѣчаніе стр. 88. *Изд.*

«Мы продолжали путь по странѣ ровной и обширной, и переправлялись чрезъ много рѣкъ судоходныхъ, изъ коихъ послѣ Дуная, величайшія: *Дриконъ*, *Тиза* и *Тифиза*.

Еще не рѣшено, куда и гдѣ именно переправлялись чрезъ Дунай наши путешественники. Стриттеръ намекаетъ, вмѣстѣ съ Кантокларомъ въ его замѣчаніяхъ на Приска, что они переправились чрезъ Дунай въ Молдавію, и ѣхали по оной къ Сѣверу. Но это несправедливо: отъ Ниссы они взяли на право, т. е. къ Сѣверо-Востоку, чрезъ горы Нисскія, по ближайшему пути къ Дунаю, чрезъ который переправились въ *Малую* нынѣшнюю *Валахію*. Это видно еще изъ слѣдующаго: а) они не долго пробыли на пути отъ Ниссы къ Дунаю, что не могло быть, еслибъ они ѣхали прямо къ Бѣлграду; б) если бы ѣхали отъ Ниссы прямо къ Сѣверу, то Прискъ упомянулъ бы о рѣкѣ *Моравѣ*, съ которой должны были часто встрѣчаться; в) да и изъ общаго направленія пути Византійскаго посольства чрезъ Адріанополь, Софію и Ниссу видно, что оно шествовало прямо въ Венгрію.

Итакъ, лагерь Аттилы застали они въ западной части Малой Валахіи, прилежащей къ Банату. Замѣтимъ, что страны имѣли тогда не нынѣшнія границы; ни Баната, ни Валахіи не существовало; страны сіи вверхъ по восточной Венгріи къ Сѣверу составляли одну область Аттилы. Посему, выраженіе Приска *въ сѣверныя страны* значитъ отъ Дуная изъ Малой Валахіи въ Банатъ и Венгрію. Это подтверждаютъ имена рѣкъ, чрезъ которыя переѣзжали. Іорнандъ (de reb. Get. c. 34) называетъ ихъ ingentia siquidem flumina i. e. *Tisiam Tibisiamque* et *Driccam* transeuntes etc. Два первыя имени означаютъ, кажется, *Тису* рѣку, первѣйшую Вост. Венгріи; ее называли по Латыни и Tiscia, и Tibiscia, и Tibiscus; послѣднее имя и нынѣ еще въ употребленіи. Переѣхавъ дважды чрезъ одну и туже рѣку, путешественники приняли ее, кажется, за двѣ. Какъ *Дрикка* или *Дриконъ* нынѣ называется, не стану изъискивать. г) Наконецъ, можно прибавить: *Онигизій* съ сыномъ

Аттилы находился тогда у Козаръ, т. е. въ Молдавіи и Новороссіи. Аттила велѣлъ Посланнику дожидаться прибытія его оттуда; итакъ, еслибы они туда ѣздѣли, то вмѣсто прибытія Онигизія явились бы къ нему сами, что однако произошло на оборотъ, какъ увидимъ ниже. Посему, дворъ находился дѣйствительно въ восточной Венгріи.

«Чрезъ большія рѣки перевозили насъ жители сосѣднихъ деревень. На пути, въ селеніяхъ намъ доставляли съѣстные припасы (*ἀντι μεν σιτου Κεγχρως ἀντι δε οἰνου ὁ Μεδος ἐπιχωριος καλουμενος*; **слова Приска), вмѣсто пшеницы (или пшеничнаго хлѣба) «*Кенхросъ* или *Кехеръ*, а вмѣсто вина *Медъ*, жителями такъ называемыя. Проводники, намъ прислуживавшіе, приносили *Кенхросъ* и питье, дѣлаемое изъ ячменя, которое они называютъ *Камасомъ* (*Καμας*).»**

Почтенный нашъ Авторъ, кажется, не разслышалъ хорошо имени сего послѣдняго ячменнаго напитка, который есть *квасъ*, и который ему прислышался *Кмасомъ*,* а на бумагѣ взялся *Камасомъ*. Что касается до *Кенхросъ*, то его значенія опредѣлить нельзя. Я слышалъ у Южныхъ Славянъ слово *Кехрица*, принадлежащее, не помню, какому-то естественному произведенію. Впрочемъ, изъ словъ Приска видно, что это не было ни пшеница, ни рожь, ни ячмень; не *Кукуруза ли*, *кукруза*, или какъ называютъ Карпато-Россы, *Кендрица?* Межъ тѣмъ, можно предположить, что имя сіе пострадало нѣсколько подъ перомъ Приска.—И свидѣтельство сего очевидца, и упомянутыя имъ произведенія, показываютъ ясно, что Гунны вели жизнь осѣдлую и на лучшей степени хозяйственной образованности. И сихъ-то Гунновъ, гостепріимныхъ хозяевъ, господа Историки принимаете вы за Монголовъ, за Татаръ, которые не только что тогда, но чрезъ 600 лѣтъ спустя, не умѣли, и теперь еще по большей части не умѣютъ ни пахать, ни сѣять, ни жать? И сихъ-то Гунновъ, живущихъ деревнями и селеніями, пившихъ *медъ* и *квасъ*, вы принимае-

те за Монголовъ или Татаръ, вѣчныхъ бродягъ, всегда питавшихся одной скотиной, да кобылиной сывороткой?

«Наконецъ, послѣ долгаго пути, прибыли мы въ вечернее время къ одному озеру, которое снабжало близкія деревни водою (ибо воду изъ онаго можно было пить). Мы распустили свои палатки по близости онаго. Вдругъ сталъ дуть сильнѣйшій вѣтеръ, сопровождаемый ужасною грозою; палатку разметало, а вещи унесло въ озеро. Мы испугались, и во мракѣ разсѣялись, кто куда могъ, искать отъ грозы убѣжища. Наконецъ, достигли разными дорогами домовъ (селенія), собрались и съ крикомъ отъискивали, кто что потерялъ. Жители выбѣжали на сей шумъ на улицу съ лучинами, коими обыкновенно раскладываютъ огонь и освѣщаютъ комнаты, и приблизившись къ намъ спрашивали, что съ нами сдѣлалось и отъ чего мы такъ зашумѣли. Проводники отвѣчали, что гроза преслѣдуетъ насъ. Узнавъ это, они съ радушіемъ просили насъ къ себѣ, и дома разложили огонь сухими лучинами.» Истинно по Славянски. «Селеніемъ владѣетъ прежняя жена *Влада*, брата Аттилы. Она прислала намъ кушаньевъ, и красавицъ, чтобы намъ пріятнѣе провести вечеръ; это у Скиѳовъ почитается почестью.

Помѣстье! помѣщица! гостепріимство! Galanterie! Etiquette; и Гунны все еще останутся въ Исторіи Кобійскими бродягами? Разительный примѣръ небрежности Византійцевъ въ народопознаніи! Прискъ, который обращался самъ съ народомъ, называетъ его то *Скиѳами*, то *Гуннами*. Но usus tyrannus; сверхъ сего Прискъ не могъ познакомиться съ народомъ короче; ибо, не понимая его языка, по неволѣ былъ глухимъ ко всему, его окружавшему.

«Поблагодаривъ женщинъ за кушанья, и откланявшись, мы легли и воздержались отъ увеселеній.»

Изъ этого явно, что женскій полъ у Гунновъ былъ очень на свободѣ. Можно ли подумать, чтобъ Гунны были Татаре?

«На другой день мы пустились искать вещей, потерянныхъ нами ввечеру; мы нашли ихъ отчасти тамъ, гдѣ стояли наканунѣ, отчасти на берегу озера, частью же въ самомъ озерѣ. Мы сушили, ибо гроза миновалась и настала ясная погода, ихъ въ селеніи почти цѣлый день. Наконецъ, осѣдлавъ лошадей, а другихъ заложивъ въ повозки, мы отправились къ Королевѣ» (т. е. бывшей женѣ брата Королевскаго) «откланяться ей и поблагодарить. Въ свою очередь, чтобы не уступить варварамъ въ этикетѣ, мы дарили ее серебряными сосудами, красною шерстью, Индѣйскимъ перцомъ, пальмами и другими сухими плодами. Откланявшись, отправились далѣе. Проѣхавъ шесть дней сряду, наши проводники заставили насъ подождать, пока Аттила проѣдетъ этою дорогою, и слѣдовать за нимъ послѣ. Мы встрѣтились здѣсь съ Послами Западнаго Императора, ѣдущими къ Королю. Замѣчательнѣе между ними были: Графъ *Ромулъ*, *Примутъ* Губернаторъ Норика, и Генералъ *Романъ*. Съ ними былъ и Статсъ-Секретарь Аттилы *Констанцій*, о коемъ уже упомянуто выше, и *Татуллъ*, отецъ Ореста, находившагося при Едиконѣ не по дѣлу посольскому, но по частному знакомству; ибо Констанцій еще въ Италіи былъ съ ними друженъ; Татуллъ же по причинѣ родства, ибо сынъ его Орестъ въ Павіи, городѣ Норика, женился на дочери Графа Ромула.»

Здѣсь излагаетъ онъ причину ихъ посольства, которую я оставляю.

«Итакъ, подождавъ проѣзда Короля, нашъ многочисленный дипломатическій корпусъ весь отправился вслѣдъ за нимъ; переправившись чрезъ нѣсколько рѣкъ, мы прибыли наконецъ въ его столицу. Его дворецъ показался намъ и выше и величественнѣе всѣхъ строеній въ городѣ; онъ построенъ изъ искусно-обтесанныхъ бревенъ, и весьма хорошо полированныхъ каменьевъ, и окруженъ деревянною оградою не для укрѣпленія, но для украшенія. Ближе всего находился домъ *Онигизія*, тоже съ оградою, но не съ такими красивыми башнями какъ Аттиловъ. Въ довольномъ разстояніи отъ сего дома находилась баня, которую Онигизій, богатѣйшій послѣ Короля, и первый Вельможа государства, велѣлъ выстроить изъ камней, привезенныхъ изъ Панноніи» (изъ-за Дуная; посему, можно полагать, что сія столица Аттилы находилась гдѣ-либо не подалеку отъ Дуная); «ибо нѣтъ у нихъ въ сей сторонѣ ни лѣсу, ни камней, и матеріалы для построекъ привозятъ изъ далека.» (Сей недостатокъ и нынѣ весьма ощутителенъ въ Южной Венгріи, наиболѣе по сію сторону Дуная.) «Баню строилъ плѣнный изъ города *Сирмія*; онъ надѣялся за постройку получить свободу, но обманулся, ибо Онигизій сдѣлалъ его смотрителемъ оной, когда онъ или его семейство ее посѣщаетъ.»

Всякъ знаетъ, что бани были отличительною чертою домашней жизни Славянскихъ племенъ, и что нигдѣ не были столь всенародною потребностью какъ на Руси. Этого не было у Татарскихъ племенъ; Турки переняли употребленіе бань отъ Грековъ, какъ и одежду и проч., а Казанцы отъ Русскихъ, къ чему побуждены были и принятіемъ Арабскаго закона *омовенія*. *Balnearia* или *Thermae* древнихъ не значатъ бань нашихъ, а просто купальни при минеральныхъ водахъ. Народъ

обходился безъ бань не только у Римлянъ, но и нынѣ въ заграничныхъ странахъ, въ коихъ простой народъ, даже и Славяне, не имѣетъ никакихъ бань, а просто лѣтомъ купается въ рѣкахъ. Правда, въ иныхъ мѣстахъ спекуляція заставила дѣлать ванны, въ подражаніе минеральнымъ, изъ простой теплой воды, или же для предотвращенія несчастія, на рѣкахъ построены палатки или купальни: но это еще не бани. Между тѣмъ, никакой Русской не можетъ обойтись безъ бани; всякое Русское селеніе имѣетъ свою баню, а иногда двѣ, три; многіе зажиточные Россіяне имѣютъ свои собственныя бани. Изъ словъ Приска видно, что наши бани въ столь же сильномъ употребленіи были и у Гунновъ; ибо, если Онигизій имѣлъ свою собственную, то, безъ сомнѣнія, и всякой другой имѣлъ свою же. Что Прискъ упомянулъ о сей одной, неудивительно, ибо онъ не говорилъ о прочихъ домахъ города, кромѣ Онигизіева и дворца. Баня есть одна изъ прихотей или слѣдствій осѣдло-хозяйственной жизни. Не явно ли это подтверждаетъ собственно-Русское происхожденіе Гунновъ? Ужели Гунны могли быть тѣ кочевые Монголы, которые не только что не могли имѣть бань, но даже и собственныхъ домовъ?

«При въѣздѣ въ городъ, на встрѣчу Королю вышли дѣвушки, и, воспѣвая пѣсни народныя, рядами предъ нимъ шествовали въ городъ подъ длинными и широкими бѣлыми покрывалами, которыя поддерживаемы были женщинами на подобіе балдахина; подъ каждымъ покрываломъ находилось по шести и болѣе дѣвушекъ.» Это были народные хоры, поющіе пѣсни въ честь отцу-Царю. «Напослѣдокъ приблизились къ дому Онигизія (ибо мимо его двора была дорога во дворецъ); вдругъ вышла супруга сего вельможи, сопровождаемая множествомъ дѣвушекъ, изъ дверей дома, и поднесла Монарху *закуску* и *вино*, что у нихъ считается знакомъ и изъявленіемъ глубочайшаго почтенія. Поклонившись, предложила она

ему, на серебряномъ блюдѣ, свою закуску въ знакъ великаго уваженія къ нему. Аттила, оставаясь верхомъ прикушалъ нѣсколько съ блюда, поддерживаемаго его приближенными, и выпивъ чашу, поѣхалъ во дворецъ.»

Истинно Славянское, и именно только Русское обыкновеніе! Какой Россіянинъ не узнаетъ свою родимую, радушную *хлѣбъ-соль*, подносимую любимымъ Монархамъ!... Татаре ли были Гунны?

«Мы же остались по повелѣнію Онигизія (ибо онъ уже возвратился отъ Азовскаго моря» изъ Россіи «вмѣстѣ съ сыномъ Короля) въ его домѣ. Мы здѣсь ужинали; супруга его насъ угощала вмѣстѣ съ другими дамами, равно знатными или родственными. Ему же (Онигизію) не доставало времени побыть съ нами, ибо только что пріѣхалъ, какъ и долженъ былъ явиться къ Королю, чтобы донести о дѣлахъ, имъ веденныхъ, для коихъ былъ посланъ, и о здоровьѣ Королевича (вывихнувшаго правую руку). Послѣ ужина, оставивъ домъ Министра, мы въѣхали въ дворцовой дворъ и распустили наономъ палатку, чтобы Максимину, долженствовавшему являться къ Королю, ближе и легче былъ входъ къ нему и его Министрамъ. Мы здѣсь переночевали.»

«На другой день утромъ Максиминъ послалъ меня вручить Онигизію подарки какъ отъ Императора, такъ и отъ него, и просить его назначить посланнику время и мѣсто для конференціи. Со мною шли слуги, несшіе подарки. Двери дома были заперты; я сталъ дожидаться пока кто-либо выйдетъ и доложитъ обо мнѣ.» Прискъ слишкомъ рано дѣлалъ посѣщеніе; въ домѣ еще спали. «Мнѣ скучно было дожидаться, и я прохаживался около дома, какъ вдругъ нѣкто про

ходя мимо меня, коего я почелъ за военнаго Гунна, поклонился мнѣ по Гречески: *Χαῖρε*! я удивился, что варваръ умѣетъ по Гречески; ибо они очень привязаны къ языку не только своему Гуннскому, но и къ *Готскому* и Латинскому, болѣе нежели къ нашему, по причинѣ ихъ частыхъ сношеній съ Италіей и Западомъ. По Гречески умѣютъ говорить здѣсь только плѣнные, выведенные изъ Θракіи, или приморскаго Иллирика, которыхъ тотчасъ узнаешь по блѣдности лица, и рубищу. Но этотъ былъ прекрасно одѣтъ, съ *волосами подстриженными по Гуннски въ кружокъ*; и съ виду богатъ.»

Это самое обыкновеніе *подстригать волоса кругомъ* во всеобщемъ употребленіи и у Велико-Россовъ. У прочихъ Славянскихъ племенъ его не нахожу. Тожество сего обыкновенія у Гунновъ (Болгаръ) и Россіянъ указываетъ на ихъ непосредственное сосѣдство и сродство. — Мало-Россы такъ уменьшили кругъ волосъ, что оставили чупъ. Это заняли было и Поляки. Впрочемъ, брить голову есть принадлежность народовъ Азіи и востока Европы, какого бы они племени или рода ни были.

«Я спросилъ его съ любопытствомъ, гдѣ онъ выучился по Гречески; онъ, улыбнувшись, сказалъ, что онъ родомъ Грекъ, поселился было въ Мизійскомъ городѣ на Дунаѣ, *Виминаціи* (Viminacium), гдѣ производилъ торговыя дѣла, женился тамъ очень выгодно, и что послѣ взятія приступомъ сего города Гуннами, лишившись свободы и имѣнія, при раздѣлѣ плѣнныхъ достался Онигизію. Послѣ сражавшись храбро подъ знаменами Аттилы противъ Римлянъ, и на Днѣпрѣ, получилъ въ награду добычу вмѣстѣ съ свободою; женился на Гуннянкѣ, имѣетъ отъ нее уже дѣтей, и что, удостоившись любви и стола Онигизіева, почитаетъ себя гораздо счастливѣе, чѣмъ въ Им-

періи; ибо заслуженые воины у Гунновъ, прибавилъ онъ, имѣютъ великія права и преимущества, и пользуются своимъ заслуженнымъ имѣніемъ вполнѣ безъ всякихъ заботъ и обязанностей.»

«Между тѣмъ, одинъ изъ служителей Онигизія отворилъ ворота; я тотчасъ вошелъ, и просилъ доложить, что присланъ Посланникомъ, и желаю говорить съ Министромъ. Служитель просилъ меня подождать немного. Вскорѣ вышелъ Министръ. Сдѣлавъ ему поклонъ отъ имени Посланника, и представивъ ему подарки какъ отъ Императора, такъ и отъ Максимина, я спросилъ его о времени и мѣстѣ конференціи. Онъ велѣлъ слугамъ своимъ принять золото и подарки, а мнѣ доложить Максимину, что тотчасъ къ нему будетъ. И дѣйствительно, вслѣдъ за мною прибылъ въ палатку Посланника.»

«Вошедъ, онъ изъявилъ свою благодарность какъ Императору такъ и ему; послѣ, спросилъ о причинѣ своего призыва. Максиминъ сталъ представлять ему, что уже пора прекратить несогласія обоихъ дворовъ, и что, отправясь въ Константинополь и прекративъ несогласія мирнымъ трактатомъ, онъ принесъ бы великую пользу не только обѣимъ державамъ, но и своему дому доставилъ бы славу и изобиліе, по милости Императора. Тогда Министръ спросилъ, въ чемъ же можетъ онъ быть полезнымъ Императору? Посланникъ отвѣчалъ: чтобъ онъ самъ отправился въ Константинополь, и, разобравъ спорныя статьи между обѣими державами, сдѣлался посредникомъ въ окончаніи ихъ и заключеніи мирнаго трактата. Но Онигизій возразилъ, что уже давно извѣстилъ Императора и его Министровъ, въ чемъ состоитъ желаніе Аттилы и мнѣніе касательно всего спорнаго дѣла. Или,

ужели Императоръ думаетъ, прибавилъ, что своими обѣщаніями побудитъ его измѣнить своему Монарху и отечеству? и проч. Онъ замѣтилъ однако, что, оставаясь дома, онъ можетъ быть полезнѣе Римлянамъ своими представленіями Королю и укрощеніемъ его гнѣва, если въ чемъ-либо слишкомъ строго сталъ бы настаивать ко вреду Римлянъ; если же онъ отправится, и сдѣлаетъ что-либо не по его желанію, то навлечетъ гнѣвъ его не только на себя, но и на Императора и проч. Кончивъ конференцію, онъ вышелъ. На другой день, я представленъ былъ Королевѣ *Крекъ* *). Отъ нея Аттила имѣлъ трехъ сыновей; старшій изъ нихъ тогда управлялъ страною Катзирскою (Козарскою) и прочими прилежащими къ Черному морю.»

Да припомнятъ себѣ читатели слова Массуди, Арабскаго писателя (смотр. 90 замѣч. на I. Томъ Ист. Госуд. Росс.), утверждающаго, что у Козаръ былъ и Царь и Каганъ. Сей послѣдній правилъ именно только Козарскою страною. Вотъ что подтверждается свидѣтельствомъ Приска еще въ V столѣтіи. Какъ имя Козаръ было частное, а народъ самъ составлялъ часть Гунновъ, то, кажется, очевидно, что Козаре были тотъ же Болгарскій народъ. Впрочемъ, о Козарахъ поговоримъ обстоятельнѣе въ другой разъ.

«Мы вошли во внутреній дворъ, на коемъ находилось еще много другихъ строеній, частью изъ каменьевъ, обдѣланныхъ и весьма красиво сложенныхъ, частью же изъ бревенъ, во всю длину чисто обдѣ-

---

*) Прискъ ее называетъ и *Рѣканой*. — Подобное имя встрѣчается у Болгаръ только мужеское. Въ началѣ XI столѣтія сдѣлалъ его безсмертнымъ защитникъ Болгаркой крѣпости *Берника* противъ Грековъ, *Кракаръ* или *Крекаръ*.

ланныхъ и искусно выглаженныхъ. Круги башни, начинаясь отъ земли, возвышались къ верху до извѣстной пропорціи. Здѣсь жила супруга *Аттилы*, къ коей ввели меня находящіеся у дверей люди. Я вошелъ по поламъ, устланнымъ коврами; засталъ ее полулежащую на мягкомъ ложѣ (или софѣ). Вокругъ нея находилось множество прислужниковъ; напротивъ нея сидѣли за работой дѣвушки. Онѣ вышивали красками полотно, служащее къ украшенію одѣянія. Поклонившись и поднеся Императорскіе подарки, я вышелъ, чтобы подождать, пока Онигизій выйдетъ отъ Короля. (Ибо отъ Посланника онъ пошелъ было домой, а оттуда къ Королю.)»

Придворный штатъ!—Камергеры! Фрейлины! Гаремъ ли это?

«Межъ тѣмъ, мнѣ захотѣлось осмотрѣть и прочія Королевскія строенія. Остановяся съ шумомъ, я увидѣлъ множество народа, стремящагося къ одному мѣсту. Вдругъ изъ внутреннихъ покоевъ вышелъ Аттила на крыльце, сопровождаемый Онигизіемъ. Всѣ на него устремили взоры свои. Здѣсь многіе, имѣвшіе жалобы, были ему представлены. Послѣ, возвратясь въ покои, давалъ аудіенцію посламъ варварскихъ народовъ.»

Видно, что Аттила, какъ великій человѣкъ и Государь, любилъ свой народъ, допуская къ себѣ всякаго. Явленіе, коего свидѣтелемъ былъ Прискъ, было обыкновенное въ Европѣ; Государи показывались часто народу и бесѣдовали съ нимъ. Послѣ долгаго отсутствія, Аттила, возвратясь изъ арміи, привѣтствовалъ свой народъ, который толпился вокругъ дворца; толпился, чтобъ увидѣть своего великаго Государя. Скажите, это ли à la Mongole, Dalai-Lama, Kiun-Tan? Гунны—Монголы?

«Между тѣмъ, посланники западнаго Императора (Валентина), Графъ Ромулъ, Примутъ, Генералъ Ро-

манъ, далѣе, Рустицій и Констанціолъ, приблизились ко мнѣ и спрашивали, отпущены ли мы? Я сказалъ имъ, что зашелъ сюда именно отъ Онигизія узнать, когда насъ отпустятъ. Въ свою очередь и я спросилъ, каковы ихъ дѣла? Но они сказали мнѣ, что Король непреклоненъ, и они должны или удовлетворить его желанію, или получить объявленіе войны.»

«Заговоривъ вмѣстѣ о его гордости и могуществѣ, Ромулъ, бывшій во многихъ почетнѣйшихъ посольствахъ, мужъ опытный и свѣдущій, прибавилъ, что счастіе дѣлаетъ Короля горделивымъ. Никто, говорилъ онъ, изъ владѣтелей Скиѳіи, его предшественниковъ, не совершилъ толикихъ подвиговъ въ столь короткое время, какъ онъ; ибо владѣетъ цѣлою обширною Скиѳіею, отъ острововъ Океана до предѣловъ Имперіи Римлянъ, коихъ уже сдѣлалъ своими данниками. Но этимъ еще онъ не доволенъ; душа его стремится еще къ бо́льшимъ подвигамъ; желая распространить предѣлы своего владычества, онъ намѣревается объявить войну Персіи.»

«Нѣкто изъ насъ спросилъ: есть ли дорога изъ Гунніи въ Персію; Ромулъ отвѣчалъ, что Мидія (сѣверо-западная часть Персіи) отъ Гунновъ недалека, и что Гунны очень знаютъ сію дорогу, по которой они давно уже нападали до *Басихъ* и *Курсихъ*. Мидійскихъ городовъ и проч. По причинѣ близости, Аттилѣ легко напасть на Мидянъ и Персовъ, и покорить ихъ. Войска у него столько, что ни одинъ народъ не въ состояніи сопротивляться ему. Я пожелалъ, чтобы онъ началъ войну съ Персами; ибо вся тяжесть была бы снята съ нашей земли. Констанціолъ возразилъ, что этого, напротивъ, не надо желать; ибо, если погибнетъ Персія, то вся тяжесть его державы падетъ на

насъ; что онъ будетъ тогда обращаться съ нами какъ съ вассалами; уже и такъ платимъ ему и проч.

Изъ сего видѣть можно, что Болгаре обладали не только Волжскими странами до самаго Кавказа, но даже и значительною частью Закавказскихъ земель. У Армянскаго Лѣтописца *Мойсея Хоренскаго* (жившаго около 370 года), сіи самые Гунны Грековъ жили на Кавказѣ и нападали на Арменію подъ именемъ *Болгаръ* и *Козаръ* не только около 178 года послѣ Р. Хр., но и за 100 лѣтъ до Р. Хр. Чего же больше? — Впрочемъ, Болгаре еще долго владѣли сими областями и послѣ подъ именемъ Козаръ и Болгаръ.

Итакъ, изъ сего явствуетъ, что могущество Болгаръ ощутительно было не только для Европейскихъ народовъ, но и для Азіатскихъ. Посему, если совокупите обѣ половины, налегавшія на Европу и на Азію, то увидите огромное политическое тѣло, о которомъ вообще новѣйшіе имѣютъ понятіе, не соотвѣтствующее его величію. Сужденіе о сей Державѣ Римскаго Политика-Дипломата и вмѣстѣ современника очевидца драгоцѣнно, и лучше всего изображаетъ перевѣсъ Болгаріи надъ Римскою Имперіей, а посему, повидимому, и надъ всѣми царствами міра.

«Мы хотѣли разговаривать далѣе, какъ замѣтили, что Онигизій вышелъ отъ Короля, и бросились къ нему. Онъ, поговоривъ, не знаю что, съ своими, обратился ко мнѣ, и велѣлъ спросить у Максимина, кого Императоръ намѣренъ изъ высшихъ сановниковъ прислать къ Королю уполномоченнымъ? Доложивъ Посланнику, и посовѣтовавшись съ нимъ объ отвѣтѣ, я возвратился къ Министру, и сказалъ, что Императоръ желаетъ, напротивъ, видѣть его самаго въ Константинополѣ, и кончить съ нимъ спорное дѣло; если же нельзя надѣяться на сіе, то Импера-

торъ пришлетъ кого за благо разсудится. На сіе велѣлъ онъ мнѣ тотчасъ позвать Посланника, и повелъ его къ Королю. Аттила хотѣлъ (какъ мнѣ послѣ сказалъ Посланникъ), чтобы Императоръ отправилъ къ нему именно *Потія* или *Анатолія*, или какого либо другаго Сенатора, и что другаго онъ не приметъ. Посланникъ замѣтилъ ему, что неприлично назначать *поименно* тѣхъ, коихъ онъ къ себѣ желаетъ; ибо тѣмъ приведутся они въ подозрѣніе у Императора. На это онъ возразилъ, что если Императоръ откажется исполнить его требованіе, то онъ самъ рѣшитъ споръ оружіемъ.»

Нельзя не признаться, что Аттила съ обоими Императорами обращался съ презрѣніемъ. Низкій поступокъ Византійскаго Двора раздражилъ его еще болѣе. Это было наказаніемъ за то, что они сами, презирая все такъ называемое ими варварское, никого въ мірѣ не равняли съ собою. Такъ, въ изъявленіе особеннаго своего благоволенія къ иностраннымъ Государямъ, они жаловали ихъ на степень какого-либо чина Имперіи. Аттила, могущественнѣйшій Государь своего времени, имѣлъ титулъ Генералъ-Фельдмаршала Римской Имперіи, которое принялъ, потому-что съ нимъ вмѣстѣ соединено было и богатое жалованье. Не смотря на такую гордость, Аттила требовалъ, чтобы присылали къ нему Послами не подъячихъ, а людей опытныхъ и знаменитыхъ.

«Когда мы оба возвратились въ палатку, вошелъ къ намъ отецъ Ореста. Король приглашаетъ васъ обоихъ, сказалъ онъ намъ, къ обѣду, въ девятомъ часу», т. е. въ третьемъ по полудни. «Мы явились, тогда вмѣстѣ съ членами Западнаго посольства, въ назначенное время, и предстали предъ Короля въ пріемной, гдѣ кравчіе Королевскіе поднесли намъ, по обычаю сего народа, по рюмкѣ напитку, чтобы еще до обѣда выпить за здоровье другъ друга.»

Это обыкновеніе выпить чарку предъ обѣдомъ, велось, и ведется понынѣ, исключительно у однихъ Россо-Славянскихъ племенъ въ Россіи въ Черной Россіи (въ Галиціи) и у Карпато-Россовъ (въ Венгріи). О прочихъ Славянскихъ племенахъ этого не могу сказать. Для освѣдомленія, надлежало бы съѣздить къ нимъ по очереди въ гости. Иноплеменные Европейцы не имѣютъ сего обычая; Татаре также, если не переняли отъ Русскихъ въ Россіи, а отъ Болгаръ въ Турціи. Итакъ, вино у Гунновъ предъ обѣдомъ указываетъ явно на ихъ происхожденіе изъ-Русской стороны, ихъ сродство съ Россіянами, точно какъ остриженныя въ кружокъ головы, и бани, и медъ, и квасъ и проч. Монголы ли Гунны? О Историки!

«Выпивъ по бокалу, мы вошли въ обѣденную залу (столовую). Здѣсь находились сѣдалища кругомъ стѣнъ.

Развѣ кочевые имѣютъ мебели? — Замѣтимъ, что старинныя Русскія простонародныя мебели состояли изъ толстыхъ лавокъ, гладко выструганныхъ и придѣланныхъ къ стѣнамъ, ко всѣмъ четыремъ, или тремъ, или двумъ, смотря по надобности. У Карпато-Россовъ порожнее мѣсто уставляютъ сами сѣдалищами, которыя называютъ *Лавицами*; болѣе зажиточные, вмѣсто лавицъ неподвижныхъ, дѣлаютъ подвижныя на подобіе длинныхъ диваповъ. То же самое и у прочихъ Славянскихъ племенъ. Такъ описалъ внутренность Русской комнаты уже въ 921 году и *Ибн-Фоцланъ*. См. 50 замѣч. на него у Френа. Татаре переняли лавицы у Россовъ вмѣстѣ съ домами.

«Въ срединѣ на ложѣ или диванѣ сидѣлъ Аттила. Противъ него было другое его сѣдалище, отъ коего ступени, ведущія въ кабинетъ, устланы были, для украшенія, бѣлыми и разными другими коврами, точно какъ Греки и Римляне украшаютъ обыкновенно комнату новобрачныхъ. Первостепенныхъ гостей посадили по правую сторону Короля; по лѣвую другихъ,

и меня и Вериха (или Бериса), знатнаго Вельможу, владѣтеля многихъ селеній въ Скиѳіи (т. е. Россіи); но на высшемъ мѣстѣ сидѣлъ Онигизій. На креслахъ, по правую руку Короля, напротивъ него, два сына Аттилы; старшій, на одномъ тронѣ съ родителемъ, сидѣлъ поодаль, потупя глаза, боязливый передъ отцемъ» (?).

«Когда мы расположились такимъ образомъ, вошелъ кравчій, неся сосудъ съ виномъ. Король, принявъ оный, выпилъ за здравіе первѣйшаго по порядку гостя, который, вставъ и отблагодаривъ поклономъ, не прежде могъ сѣсть, какъ отвѣдавъ или совсѣмъ выпорожнивъ подносимый ему стаканъ за здравіе слѣдующаго сосѣда. Всякій гость, по порядку, принималъ бокалъ и, выпивъ оный по объявленіи тоста, кланялся сидящему Королю въ знакъ почтенія. За спиной у каждаго гостя стоялъ кравчій съ сосудомъ къ услугамъ. Когда весь кругъ былъ обойденъ, Король позвалъ насъ, по нашему Греческому обычаю, на стаканный бой или закладъ (certamen poculorum)», т. е. кто больше выпьетъ. «Наконецъ, кравчіе удалились.» Живая картина Славянскаго пиршества!

«За каждымъ столомъ подлѣ Королевскаго могло помѣститься три, четыре или больше гостя, изъ коихъ всякій могъ, не мѣшая другому, брать любое кушанье. Прежде всѣхъ вошелъ прислужникъ Короля, и принесъ блюдо съ мяснымъ кушаньемъ; за нимъ прочіе съ хлѣбомъ. Вообще, на столахъ у Гуннскихъ и иностранныхъ гостей было много всякихъ кушаньевъ на серебряныхъ блюдахъ. У Аттилы было одно кушанье мясное, и то на деревянной тарелкѣ.»

«Онъ былъ умѣренъ во всемъ. Гостямъ стаканы подаваны были золотые и серебряные, а онъ пилъ изъ

деревяннаго. Одѣяніе у него было ненарядное, и ничѣмъ не отличалось отъ прочихъ, развѣ только чистотою и простотою. Ни сабля его, ни обувь, ни конная збруя ничѣмъ не отличалась; у его вельможъ, напротивъ, все сіе осыпано было золотомъ, драгоцѣнными камнями и жемчугомъ. Послѣ первыхъ кушаньевъ, мы встали и всѣ рядомъ выпили за здравіе Аттилы, и опять сѣли; тогда снова принесли другія новыя кушанья. Насытившись, мы встали и, выпорожнивъ по чашѣ, разошлись по мѣстамъ.»

«Ввечеру, послѣ окончанія обѣда, вошли въ горницу два человѣка и, представившись Королю, стали читать свои стихи, въ коихъ прославлялись великія его дѣянія и подвиги. Всѣ гости устремили на нихъ свои взоры. Иные восхищались стихами, кои возбуждали воспоминаніе о военныхъ дѣяніяхъ и подвигахъ; у иныхъ, при чтеніи, появлялись слезы. Послѣ пѣнія и стиховъ, вошелъ, не знаю, какой-то полу-сумашедшій (шутъ), началъ говорить всякой вздоръ и произвелъ всеобщій хохотъ. Наконецъ, вошелъ *Зерхонъ Маврузіи* или Маврузскій. Едиконъ убѣдилъ его войти къ Аттилѣ, обѣщая помочь ему испросить у Короля возвращеніе ему жены. Когда еще *Владъ*, братъ Короля, ему покровительствовалъ, онъ женился было на Гунской женщинѣ, но принужденъ былъ оставить ее, бывъ посланъ Королемъ въ подарокъ Аецію, отъ коего онъ бѣжалъ назадъ, за что и Король былъ на него въ гнѣвѣ. Смѣшной чудакъ, по случаю сего пиршества, надѣялся снискать милость Короля и получить жену обратно. Странный и видомъ и одѣяніемъ и произношеніемъ и тѣлодвиженіями, употребляя вмѣстѣ и Латинскія и Готскія и Гунскія слова, онъ произвелъ хохотъ, коему конца не было.»

Замѣтимъ, а) что отличительнѣйшая черта Славянскихъ пиршествъ всегда была *веселость*, непосредственное слѣдствіе гостепріимства. Въ этомъ отношеніи Славяне занимали первое мѣсто между всѣми народами. Веселость и радушіе Гуннскаго пиршества именно опровергаетъ мнѣніе изъискателей о Татаризмѣ сего народа. У Татарскихъ племенъ не только нельзя искать веселости, но, напротивъ, отличительная черта ихъ народнаго характера состоитъ въ *медленности*, *пасмурности*, *угрюмости*, *молчаливости и задумчивости*. Причиною сему былъ недостатокъ въ общественномъ обхожденіи, въ радушіи, — слѣдствіе кочевой, однообразной жизни. Итакъ, образъ жизни и народный духъ Гунновъ совсѣмъ отдѣляетъ сей народъ отъ Татаро-Монгольскихъ.

б) Подъ Готскимъ языкомъ Прискъ подразумѣваетъ языкъ Запада Европы (Германія). Подъ сіе общее имя Греки тогда подводили всѣ почти Западныя Славянскія племена, какъ *Венедовъ* или *Вандаловъ*, *Ругійцевъ* и проч. Слова Приска (См. выше стр. 128): *Гунны привязаны къ Готскому языку*, значитъ, что они его понимали, т. е. ихъ языкъ былъ сроденъ съ Готскимъ, съ Западо-Славянскимъ. Посему-то и видна непринужденность въ сношеніяхъ Гунновъ съ прочими народами Европы. Всякій Грекъ, или Римлянинъ, родившійся въ Иллирикѣ, Панноніи, Норикѣ, т. е. между Словенами, и зная Словенскій языкъ, уже понималъ и Гуннскій, и могъ служить толмачомъ и вступить даже въ Гуннскую службу. Примѣръ тому *Вигила*, *Орестъ*, *Констанцій* и проч.

в) Съ земледѣльческою жизнію Европейцевъ тѣсно связана народная поэзія, народныя пѣсни. Славяне, кои и нынѣ могутъ назваться *пѣсеннымъ* народомъ, всегда отличались въ этомъ отношеніи. Этого отнюдъ нельзя замѣтить у Татаръ, или весьма мало. Пѣсни у Гунновъ были въ такомъ употребленіи, что Аттилу даже встрѣчали пѣснями, и хоры пѣвчихъ провожали его въ городъ ко дворцу. Онъ самъ любилъ пѣсни и съ услажденіемъ слушалъ стихи на отечественномъ языкѣ; онъ любилъ отечественный языкъ... ergo Гунны Татаре?

«Между тѣмъ, лице Аттилы оставалось пасмурнымъ; онъ даже не сказалъ ничего, что могло бы развеселить общество; только взглянулъ съ улыбкою на вошедшаго младшаго своего сына *Ирнака*. Удивляясь, что Король не обращалъ столько вниманія на прочихъ своихъ сыновей, и незная причины, я спросилъ у сидящаго подлѣ меня Гунна, который умѣлъ по Латыни. Онъ мнѣ сказалъ, взявъ съ меня обѣщаніе быть скромнымъ, что вѣщунъ предсказалъ Аттилѣ прекращеніе его рода, который возстановится только этимъ сыномъ. Межъ тѣмъ, пиръ продолжался до поздней ночи. Мы, наконецъ, не желая болѣе пить, откланялись и возвратились къ себѣ.»

На Славянскихъ пирахъ, по старинному обычаю, питье продолжается и теперь еще послѣ окончанія обѣда. — Несторъ сказалъ: *Руси есть веселіе пити;* Ибн-Фоцланъ, Арабъ, въ 921 году, удивлялся чрезмѣрной приверженности Россіянъ къ вину, а Прокопій, около 540 года, говоритъ о Гуннахъ, что они винолюбіемъ превосходятъ всѣхъ смертныхъ (ut sunt merobibi supra omnes mortales). Эта черта пальцемъ указываетъ на Русское происхожденіе Гунновъ; и, напротивъ, кочевая жизнь Татарамъ или Монголамъ не могла предложить ничего кромѣ сыворотки. Вообще, всякому извѣстно, что сіи народы и нынѣ отличаются трезвостію.

«На другой день, мы отправились къ Онигизію, спросить объ отпускѣ. Онъ сказалъ намъ, что Король желаетъ того же. Послѣ сего, онъ собралъ *совѣтъ Вельможъ*, въ коемъ разсуждали о предположеніяхъ Аттилы, и приготовили письмо къ Императору. Послѣ совѣта, мы обратились съ просьбою къ Министру, чтобы онъ исходатайствовалъ свободу супругѣ и дѣтямъ Силлы, взятымъ въ плѣнъ при овладѣніи Гуннами города *Ратіарія*. О семъ онъ доложилъ Коро-

лю; но семейство Силлы отпущено было съ нами не прежде, какъ мы внесли 50 червонцевъ выкупу за мать; сыновья же отпущены были Императору безденежно.»

«Въ сей день пригласили насъ ко столу Королевы *Рѣканы* ужинать. Мы имѣли счастіе пользоваться ся благоволеніемъ. Она была окружена многими Скиоскими Князьями. Подчивали насъ медовыми пряниками и вареньями, и великолѣпнымъ ужиномъ. Послѣ, всякій изъ присутствовавшихъ, вставъ съ мѣста, по правиламъ Гунской вѣжливости и учтивости, подносилъ намъ полный бокалъ, и облобызавъ пившаго, относилъ опорожненный. Послѣ ужина, мы возвратились къ себѣ и легли спать.» Кажется, это по-Русски.

«На другой день мы опять были приглашены къ столу Короля, гдѣ были угощаемы такимъ порядкомъ, какъ и прежде, и развеселись. На сей разъ старшаго сына Королевскаго не было на одномъ сѣдалищѣ съ отцомъ; на мѣстѣ его сидѣлъ *Эбарзій*, дядя Аттилы, который его почиталъ какъ отца. За обѣдомъ, Король вѣжливо обходился съ Посланникомъ, чрезъ коего просилъ Императора возвратить невѣсту Секретарю его, Констанцію. Сей Костанцій, будучи Посланникомъ Аттилы въ Костантинополѣ, влюбился въ дочь богатаго Вельможи Византійскаго, *Сатурнилла*. Чтобы испросить руку дѣвицы, онъ обѣщался Императору упрочить между обѣими державами миръ долговременный, и получилъ согласіе. Межъ тѣмъ внезапно былъ онъ отозванъ. Зинонъ, спасшій столицу отъ непріятелей съ войскомъ Изаврійскимъ, сталъ сватать сію дѣвицу за любимца своего, Руфа. Императоръ не могъ отказать Зинону, коему былъ обязанъ многимъ. Констанцій, въ отчаяніи, прибѣгнулъ къ Аттилѣ, кото-

рый теперь чрезъ Максимина просилъ Императора сдержать свое слово. Въ вечеру, мы возвратились въ палатку.»

«Спустя три дня, отдарили насъ обратно и дали намъ отпускную. Съ нами вмѣстѣ отправленъ *Берихъ* (или Берисъ), одинъ изъ первѣйшихъ Вельможъ, владѣтель многихъ *селенiй* въ Скиоiи (на Руси), тотъ самый, который за Королевскимъ столомъ сидѣлъ выше насъ. Онъ уже и прежде былъ посланникомъ Аттилы въ Константинополѣ. Дорогою, въ одномъ селенiи, въ коемъ мы остановились, схваченъ одинъ Скиоъ, пришедшiй въ сiи страны шпiономъ отъ нашего Императора. Король велѣлъ его повѣсить. На другой день, проѣзжая чрезъ другiя селенiя, мы увидѣли, какъ вели двухъ убiйцъ, съ связанными на спинѣ руками. Они были взяты въ плѣнъ на войнѣ, и умертвили господъ, коимъ достались въ крѣпость. Имъ отрубили головы.»

До Дуная оба посольства ѣхали вмѣстѣ и дружелюбно; но, послѣ переправы чрезъ эту рѣку, произошли между ними нѣкоторыя неудовольствiя. Въ Адрiанополѣ онѣ помирились.

«На дорогѣ изъ Адрiанополя въ столицу,» такъ продолжаетъ Прискъ, «мы встрѣтили Вигилу, возвращавшагося ко двору Аттилы. Сказавъ ему, какой отвѣтъ далъ Король на наши предложенiя, мы простились, и поѣхали далѣе. Наконецъ, прибыли въ столицу.»

Вотъ образецъ Греческаго нерадѣнiя и безпечности! Отдавая полную цѣну Запискамъ Приска, нельзя однако не замѣтить его непростительнаго нерадѣнiя къ подробнымъ наблюденiямъ надъ симъ народомъ, и его явнаго нелюбопытства. Кажется, онъ описалъ только то, что попадало подъ его глаза, а о прочемъ и не думалъ, и, замѣтьте, не только не озна-

чилъ имени ни одного селенія, чрезъ которыя проѣзжалъ, не полюбопытствовалъ не только осмотрѣть, но даже не наименовалъ столицы Аттилы, мѣста своего посольства! Слѣдствіемъ сего нерадѣнія было то, что въ послѣдствіи ученые не могли опредѣлить рѣшительно мѣста сего города.

Въ заключеніе прибавлю еще слѣдующее.

1) Вездѣ, гдѣ только проживали Гунны, тамъ остались названія мѣстъ одни Славянскія; ни малѣйшаго слѣду Татарскихъ. Таковы названія древнѣйшихъ мѣстъ въ Венгріи, Валахіи, Молдавіи, Юговосточной Россіи; въ Болгаріи же, Ѳракіи, Македоніи, Албаніи, съ прибытія Гунновъ, Славянскія названія заступили мѣсто Греческихъ или Римскихъ; не Славянскія же въ упомянутыхъ странахъ появились только послѣ нашествія на оныя Венгровъ и Турокъ изъ Татарскаго міра.

2) Изъ походовъ Аттилы на западъ Европы видно, сколь легко производилось сообщеніе между Гуннами и Славянскими племенами, жившими въ Панноніи, Норикѣ, Германіи, становившимися подъ знамена Аттилы. Если бы Гунны были чужіе имъ и нравами и языкомъ, то они соединились бы противъ общаго иноплеменнаго врага, и Аттилѣ никогда не быть было ни во Ѳракіи, ни въ Италіи, ни во Франціи. Положимъ, Славянскія племена не были бы въ силахъ отразить ихъ, но Императоры подали бы имъ руку помощи, или даже, во время войны съ Гуннами, тайно взбунтовали бы противъ нихъ Славянъ.

3) Какъ Византійцы, такъ и Римляне единогласно выводятъ Гунновъ не далѣе, какъ только съ береговъ Азовскаго моря, съ Дона. Для чего же портить

ихъ понятіе? Для чего выводить Гунновъ съ границъ Китая? Если же Гунны были, какъ говорятъ, часть Монгольской Орды, избѣгавшая подданства Китая, то какимъ образомъ можно будетъ объяснить и допустить распространеніе власти сего рабствовавшаго племени чрезъ обширнѣйшую Сибирь, Россію, Дакію, Мизію, Паннонію, Италію, Германію, даже во Францію? И ни одинъ народъ на семъ колоссальномъ пространствѣ, даже непобѣдимые Готы, и даже и Римскіе легіоны, не могли противостать бѣгущей отъ преслѣдованія бѣдной Ордѣ?

Думая вообще, что народъ, который Византійцы называли Гуннами, есть Татарскій или Монгольскій, въ средніе времена возобновили сіе названіе *Гунновъ* и стали прилагать оное жителямъ Восточной Азіи. Поводомъ къ сему послужило то, что въ Китайскихъ лѣтописяхъ нѣкоторое, созвучное нашимъ Гуннамъ, прозвище прилагается племени, называемое нынѣ *Монголами*. Но, если рѣшеніе вопроса зависитъ только отъ сихъ Монголовъ, то можно сказать за достовѣрное, что сіи Монголы, слывшіе будто Гуннами, никогда въ Европѣ, какъ видѣть можно изъ Китайскихъ лѣтописей, не бывали, а, напротивъ, съ незапамятныхъ временъ до нынѣшняго дня кочуютъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, т. е. въ прилежащихъ къ Китаю странахъ восточной Азіи. (См. Зап. о Монголіи. СПБ. 1828.) Нашествіе же Татаръ на Россію принадлежитъ собственно племенамъ западной части Азіи, т. е. Татаро-Турецкимъ, изъ коихъ ни одно не называлось Гуннами.

Монголы собственной Исторіи не имѣютъ; ибо недавно только что начали учиться писать. Вотъ что говоритъ почтенный Отецъ Іакинѳъ въ своихъ Запискахъ о Монголіи. «Существуя болѣе 40 вѣковъ, какъ особливый народъ, и притомъ въ неизмѣняемомъ образѣ пастушеской жизни, Монголы въ древнихъ временахъ оставались бы для насъ неизвѣстными, если бы не имѣли въ сосѣдствѣ Китая.» То есть просвѣщен-

ной страны, въ коей издавна умѣли писать. «Сія держава замѣтила кратко въ своей Исторіи нѣкоторыя ихъ событія, имѣвшія связь съ собственными ея произшествіями. Итакъ, предлагаемый мною Опытъ Историческаго Обозрѣнія Монголовъ основанъ на свѣдѣніяхъ, почерпнутыхъ изъ Китайскихъ лѣтописей.» Здѣсь всякій благоразумный читатель замѣтитъ, что бѣдные Монголы исторически точно такъ относятся къ Китайцамъ, какъ мы, на примѣръ, къ Византійцамъ, т. е. и тѣ и мы должны прибѣгать къ памятникамъ чужой письменности, чтобы слѣдить своихъ предковъ. Я увѣренъ, что и Китайцы подчивали своихъ сосѣдей Монголовъ такой же нелѣпицей, какъ и насъ Византійцы. Какъ бы то ни было, но мы принуждены смотрѣть на древнихъ Монголовъ глазами Китайцевъ.

Въ семъ случаѣ, для предосторожности, надобно предупредить читателей въ слѣдующемъ. Монголы, какъ народъ, должны имѣть собственное народное свое названіе, коимъ во всѣ времена должны были отличаться отъ прочихъ своихъ сосѣдей. Признаюсь, что на сей разъ не знаю сего собственнаго ихъ имени; ибо тѣ прозвища, которыя имъ придагаемы были до сихъ поръ, только нарицательныя. Вотъ что говоритъ объ этомъ достопочтенный *Отецъ Іакинѳъ* (Зап. о Монг. Томъ I, стр. 157): «И поколѣніямъ, т. е. владѣтельнымъ домамъ, занимающимъ Монголію, даемъ нынѣ названіе *Монголовъ* не потому, чтобы они происходили отъ дома Монголовъ, но потому, что сей домъ, усиливишись, наконецъ всѣ прочія» (лучше сказать было, кажется, *колѣна*, tribus, ибо поколѣніе должно означать generatio) «своего племени покорилъ своей власти, и составилъ какъ бы новое Государство, которое мало по малу пріобыкли называть» (по видимому, только въ Китаѣ) «Монголомъ же, по прозванію господствующаго дома. Симъ образомъ разныя Монгольскія колѣна и прежде назывались общими именами: *Татанъцевъ*, *Киданей*, *Хойхоровъ*, *Тумасцевъ*, *Сянъбійцевъ*, *Хунновъ* и проч. Симъ же образомъ въ послѣдствіи, если овладѣетъ Монголіею домъ *Карцинскій*, вся страна оста-

витъ нынѣшнее название, и приметъ то, которое доставитъ ей новый господствующій домъ; тогда нынѣшнихъ жителей Монголіи *называть* будемъ не Монголами, а Карциньцами и проч.» Это нѣсколько темно. Зная, что смотримъ на исторію Монголовъ чрезъ сжатые глаза Китайцевъ, сочинитель долженъ былъ упомянуть, по понятію ли Китайцевъ же, или такъ поступаютъ и сами Монголы? Послѣднее не вѣроятно: ибо изъ всѣхъ этихъ именъ не вижу ни одного, служащаго характерическою чертою, коею отличается одинъ народъ отъ другаго племени, т. е. собственнымъ, постояннымъ народнымъ именемъ, безъ коего народъ не можетъ существовать (ибо не знаемъ еще ни одного безъименнаго). Впрочемъ, могъ ли Французскій народъ называться попеременно то *Мировичами* (отъ Мироваго, Meroveus), то *Карловичами* (Carolingi), то *Капетичами*, то *Бурбонами?* Россіяне *Рюриками*, *Романовичами?* Ни въ какомъ уголку міра цѣлый народъ не перемѣнялъ своего имени по именамъ царствующихъ лицъ. Народное имя, однажды вошедшее въ употребленіе, ни какими переворотами измѣнено быть не можетъ.

Но сіи измѣненія имени происходили очевидно только въ головахъ Китайцевъ; ибо 1) всѣ сіи имена сохранены и заимствованы въ Китайскихъ лѣтописяхъ, 2) даже имена домовъ Монгольскихъ составлены изъ Китайскихъ словъ, и никто не повѣритъ, чтобы Монголы, для наименованія себя, прибѣгали къ языку Китайскому. Такъ, напримѣръ, *Хой-хоръ*, *Сянь-би*, *Шань-ю Хунъ-ну*, *Хунь-юй*, *Сянь-юнь* и проч. суть, какъ односложныя, очевидно Китайскія, тѣмъ болѣе, что слова Монгольскаго языка, совершенно отличнаго отъ Китайскаго, суть болѣе многосложныя. — Итакъ, Монгольскій ли народъ во всѣхъ своихъ отрасляхъ долженъ былъ именовать себя такимъ вздорнымъ именемъ, которое вылилось изъ головы только какого-либо Китайскаго невѣжды?

Но обратимся къ царствующему дому *Гунновъ*. Происхожденіе сего имени сочинитель записокъ о Монголіи (Томъ II. стр. 34) объясняетъ слѣдующимъ образомъ: «Хунну по-Китайски *Хунъ-ну* или *Сюнъ-ну*, значитъ *злой рабъ*, а *Гунъ-ну* значитъ

почтительный рабъ.» Я очень вѣрю почтенному сочинителю, что Китайцы, чрезвычайно презирающіе иноплеменниковъ, были въ состояніи такъ называть бѣдныхъ Монголовъ. Но уже ли кто въ состояніи будетъ повѣрить, чтобы самый Монгольскій народъ или, положимъ, царствующій его домъ называлъ себя симъ унизительнымъ прозвищемъ, которое, сверхъ оскорбленія, имъ наносимаго, принадлежало еще чужому языку?— Однако же Монголы слыли въ Китайскихъ лѣтописяхъ, впродолженіе нѣкотораго времени, Хуннами. Что дѣлать! Если мы не могли избѣжать Греческихъ причудъ, то тѣмъ мѣнѣе могли Монголы образумить Китайцевъ, которые дѣйствительно вдвое невѣжественнѣе Грековъ. Что прикажете дѣлать и съ чудаками Славянами, которые бѣдныхъ Тайтовыхъ правнучатъ понынѣ прозываютъ *нѣмыми, Нѣмцами!*

Но ка́къ имя Хунновъ превратилось въ Гунновъ? А вотъ какъ: Нашъ сочинитель (на той же стр.), по свидѣтельству Китайскихъ лѣтописей, говоритъ, что Китайскій Государь, въ 15 году послѣ Рождества Христова, «чрезъ нарочное посольство предложилъ Монгольскому Хану Шань-ю-ю, чтобы впредь названіе Монгольскаго народа *Хунъ-ну* перемѣнить на *Гунъ-ну.*» «Итакъ, *Хунны»,* прибавляетъ въ замѣчаніи, «съ 15 года по Рожд. Хр. начали называться Гуннами.» Сей-то Китайскій вздоръ Европейскими учеными смѣшанъ съ Греческимъ вздоромъ, и изъ смѣси вышла та безсмыслица, въ силу коей бѣдные Монголы (которые, по свидѣтельству Китайскихъ же лѣтописей, никогда не оставляли Китая, и никогда не проходили къ Западу далѣе Туркестана, и по сію пору не хотятъ отказаться отъ кобыльной сыворотки, отъ подвижной жизни и меланхоліи), эти, говорю, *злые и почтительные рабы* вдругъ, въ V столѣтіи, наполняютъ собою все пространство отъ Японскаго моря до стѣнъ Константинополя и Рима и подошвы Пиренеевъ (!), и вдругъ дѣлаются отличными земледѣльцами, весельчаками, пьяницами, первыми политиками, господами міра, бичами вселенной, дѣлаются отчасти Христіанами, и даже знаютъ по-Латыни! !

Всякъ согласится, что при подобной силлогистикѣ потерпѣла не только истина Историческая, но и страдаетъ невинно честь Европейскихъ народовъ. Какой Россіянинъ, или другой кто либо изъ прочихъ Славянскихъ его братьевъ, какой Нѣмецъ, Французъ, или Италіанецъ, или Грекъ, не долженъ покраснѣть при мысли, что предки его сдѣлались было слугами *злыхъ и почтительныхъ рабовъ* Китайскихъ, уроженцевъ чуждаго Европѣ міра!

Нѣтъ, нѣтъ, ни одинъ Европеецъ не долженъ краснѣть, а покраснѣть должны Европейскіе Историки. Если Гунны Греческіе, Гунны Аттилы, были бичемъ Европы, то были и ея сыновьями, принадлежали къ ея питомцамъ. Россіяне были ихъ соотчичами, сподвижниками ихъ трудовъ и соучастниками ихъ славы. Вѣкъ Аттилы есть тотъ періодъ Европейской Исторіи, въ который сродные между собою жители Руси и Волги утвердили на долго свою безопасность со стороны Готовъ и Римлянъ, и вліяніе на сосѣдей.

Итакъ, для предохраненія чести и Исторіи и Европы, надлежитъ различать Греческихъ Гунновъ и Китайскихъ; оба сіи народа не имѣютъ между собою ни какого отношенія, ибо одни Славяне, другіе Монголы. Греки называли всегда своихъ *Οὖννοι Уннами*, а не Гуннами; иные даже *Οὖεννοι Веннами*, и проч. *Οὖννοι* въ Латинскомъ переводѣ писаны *Hunni*, съ чего и Русскій ихъ буквальный переводъ *Гунны*, хотя, впрочемъ, надлежало бы читать лучше *Унны*, чѣмъ *Gunni*.—Китайцы же Монголовъ называли *Хунъ*-ну и *Гунъ*-ну. Всякъ замѣтитъ, что здѣсь одно только случайное и забавное сходство или созвучіе двухъ вздорныхъ именъ, происшедшихъ изъ совершенно различныхъ источниковъ. Или: уже ли кто подумаетъ, что Цареградцы заняли сіе имя отъ Китайцевъ, съ коими они столько же были знакомы, сколько Европейцы съ жителями Мексики иль береговъ Миссиссипи до открытія Америки? Или: уже ли сіи Греки, которые не съумѣли перенять собственнаго имени народа, съ коимъ торговали на Дунаѣ и дрались въ Мизіи, Ѳракіи, въ окрестно-

стяхъ столицы, скорѣе могли перенять Китайскій вздоръ изъ тридесять третьяго царства? Или: какимъ образомъ могли знать Китайцы, что народъ, съ коимъ дрались Греки, были Монголы, для того, чтобы сообщить, положимъ, вздорное ихъ названіе Грекамъ? Какимъ образомъ могли знать Греки, кого именно Китайцы называли *злыми рабами*, и какъ могли они сіе имя, о коемъ отъ роду ничего не слыхали, приписывать какому либо народу, не зная понятія Китайцевъ.

Греки именно указываютъ, кого они именуютъ Гуннами. Извѣстно, что они своихъ старожилыхъ сосѣдей, Сарматовъ, называютъ и Гетами; сіе имя опять они прилаживали къ мѣстамъ для бо́льшей опредѣленности: жителей Молдавіи и Валахіи именовали просто *Гетами*, Венгріи—*Тисо-Гетами* отъ рѣки Тисы, Руси—*Тиро-Гетами*, т. е. Днѣпровскими Гетами, а Волжскихъ (Болгаръ)— *Масса-Гетами*. Этимъ они явно дали знать, что жители Волги принадлежали сродствомъ къ прочимъ Гетамъ, т. е. къ Европейскимъ народамъ. Прокопій во весь голосъ сказалъ: *«Ибо Массагетовъ нынѣ именуемъ Уннами.»* Очень очевидно, что имя *Унны* пало на Славянъ Волжскихъ, т. е. Болгаръ и отчасти на Россіянъ, тѣмъ болѣе, что оба сіи народа составляли одно политическое тѣло.

Развязка. Если вникнуть въ обстоятельства, кои подали писателямъ поводъ къ смѣшенію Китайскихъ *злыхъ и почтительныхъ рабовъ* съ Греческими *Уннами*, то выходитъ слѣдующая развязка: Извѣстно, какъ *я* говорилъ выше, что Венгры при изъисканіи происхожденія *Мадяровъ* схватились было за Гунно-гаровъ и Унновъ (смотри выше стр. 82 — 83) Греческихъ. Изъисканія Венгерцевъ большею частію заключались въ рѣшеніи вопроса: *изъ какой именно страны вышли Венгры, а посему будто и Гунны?* На первый случай приводили то, что оставили намъ Византійцы о своихъ Уннахъ, и не переходили далѣе Волги. Къ несчастію, Дегинь, порывшись въ Китайскихъ лѣтописяхъ, открылъ въ нихъ Хунъ-ну, Гунъ-ну, коихъ, принявъ буквально, сталъ склонять Гуннами. Эта находка чрезвычайно пригодилась къ вздорному толкованію сло-

ва *Hungarus* к понятію о Татаризмѣ или Мадяризмѣ Гунновъ-Болгаръ, и казалась незыблемымъ доказательствомъ сему кривому толкованію. Тогда уже стали говорить о жилищахъ Гунновъ Болгаръ, въ качествѣ Мадяровъ, на границѣ Китая и объ ихъ прямой оттуда променадѣ въ обѣтованную имъ Паннонію! что еще и нынѣ повторяютъ въ училищахъ Венгріи какъ доказанную истину. Конечно, Дегиньевы Гунъ-ны соблазнили не только Венгерцевъ, но и лучшіе историческіе умы Европы. Принявъ Гунновъ Греческихъ за Китайскихъ, т. е за Монголовъ, они неминуемо должны были впасть въ дальнѣйшее заблужденіе, т. е., усмотрѣвъ, что Болгаре и Козаре были тотъ народъ, который Греки именовали Гуннами, заключить должны были прямымъ силлогизмомъ, что и сіи народы были Татарами или Монголами же (они не дѣлали почти различія между сими послѣдними). Вотъ какою дорогою произошелъ Татаризмъ Болгаръ и Козаръ.

Итакъ, повторю въ заключеніе за аксіому: *'Ουννοι Грековъ были Славяне, а именно два ихъ племена: Болгаре и Россіяне; Хунъ-ну* или *Гунъ-ну Китайцевъ были Монголы.*

Вотъ вкратцѣ тѣ понятія о Гуннахъ V и VI столѣтіи, которыя я рѣшился противоставить разнымъ мнѣніямъ, изложеннымъ многими писателями въ разныя времена и въ разныхъ странахъ просвѣщенной Европы. Я изложилъ свои положенія въ нѣкоторомъ полемическомъ видѣ, не означая однако поименно ни Авторовъ, ни ихъ выраженій; ихъ такъ много, что наполнять сіе сочиненіе множествомъ цитатъ было бы слишкомъ скучно для читателя и отяготительно для вниманія; посему, я употреблялъ слова *они, писатели, историки* и, вмѣсто ссылокъ, означалъ только духъ ихъ ученія и мыслей который, будучи господствующимъ, отзывается во всякомъ почти историческомъ сочиненіи, возмете ли учебныя книги для дѣтей, или всемірныя Исторіи или комментаріи историческихъ изысканій, — все равно; вездѣ почти Гунны, со времени выхода въ свѣтъ сочиненій *Дегинья*, слывутъ болѣе или менѣе *Монголами, Монголо-Татарами.*

Между тѣмъ, недавно полюбопытствовали узнать ученые потомство сихъ страшныхъ Гунновъ. Нѣкоторые, коимъ удалось попутешествовать по Сибири, надѣялись отъискать ихъ на своемъ пути. Говорятъ, что уже *Палласъ* нашелъ ихъ въ Калмыкахъ! *Бергманнъ*, въ своемъ путешествіи къ Калмыкамъ, воображалъ себя у Хана какъ бы у Аттилы! Онъ старается примѣнить черты нравовъ Гуннскихъ, описанныя Прискомъ, къ нравамъ Калмыковъ, но къ несчастію своему, слишкомъ натянуто. На примѣръ, объясняя слова Приска, что Аттила, вышедъ на крыльце, показывался народу, онъ говоритъ, что сей Монархъ принималъ чужихъ пословъ, сидя на порогѣ своего дома, а это точно какъ и у Калмыковъ! Жаль только, что вся эта ученая братья ни мало не старалась познакомиться съ Русскими древностями, нравами и проч., въ коихъ нашла бы настоящее значеніе Прискова описанія, и я увѣренъ, что, при зрѣломъ взвѣсѣ обстоятельствъ, всякъ принялъ бы высокій дворецъ Аттилы естественнѣе за *высокую свѣтлицу Русскую* или *обширный Княжескій теремъ*.

Что Гунны пристригали волосы кругомъ, Бергманнъ утверждаетъ, что они брили голову, оставляя на маковкѣ оной только одинъ клочокъ волосъ, а это точно такъ, думаетъ онъ, какъ и у Калмыковъ! А развѣ Русскіе не подстригаютъ волосъ своихъ кругомъ? или, развѣ мало-Россы, Галичане, Поляки, Молдоване, Волохи, не брѣютъ головъ своихъ, кромѣ одного хохла? Какія доказательства!

Но самымъ сильнымъ доказательствомъ тожества Гунновъ и Калмыковъ находитъ Бергманнъ въ собственныхъ именахъ Гуннскихъ Князей. Отецъ Аттилы, говоритъ онъ, по Іорнанду называется *Монзакъ* (а не Мундіухъ по Грекамъ?), слѣдовательно, былъ Монголъ, ибо на Монгольскомъ, *монъ* значитъ *худой*, а *закъ* погода. Аттила былъ Монголъ, потому-что Татаре Волгу называютъ *Эджелемъ!* и потому еще, что emedzar означаетъ *дикаго быка!* (См. Hist. Natur. des Races hum., стр. 37.) Что можетъ быть забавнѣе сихъ филологическихъ догадокъ!

Монголизмъ Гунновъ поддерживался еще болѣе мнѣніемъ

Европейцевъ объ ихъ безобразіи и уродливости. Сей кривой толкъ первый распространилъ Аммiанъ Марцеллинъ (писавшій гораздо прежде Приска), во всю жизнь свою не видавшій ни одного Гунна. Онъ говоритъ (Lib. 31. cap. 1): «Гунны жили по ту сторону Азовскаго моря къ Ледовитому Океану (т. е. въ Волжскихъ странахъ); они состарѣваются безбородыми; ибо, чтобы не росла борода, и чтобы быть страшными и уродливыми, изрѣзываютъ себѣ лице и бороду ножемъ (!). Они всѣ плечисты, здоровы, толстошеи, но весьма безобразны, съ кривою спиною, и кажутся болѣе чудовищами, чѣмъ людьми (!). Они не нуждаются ни въ огнѣ (въ Волжскомъ климатѣ!), ни въ вареной пищѣ (!); питаются травою, дикими кореньями (какъ скотъ?), а мясо парятъ подъ сѣдломъ (!); одѣваются въ тканое платье (а! питаясь травою, однако умѣли ткать!) или въ мѣхи (*мышьи*, murinis, говоритъ онъ, или звѣриные; и почему не сказать въ овечьи, т. е. просто въ тулупы); они не позволяютъ своимъ дѣтямъ ходить на ногахъ, но пріучиваютъ ихъ вмѣсто того ѣздить верхомъ (!) на баранахъ (!). Они составляютъ съ своими лошадьми, такъ сказать, одно существо, съ коихъ не слѣзаютъ ни днемъ, ни ночью (!!); верхомъ дѣлаютъ все, торгуютъ, покупаютъ, продаютъ, обѣдаютъ, пьютъ и даже ночуютъ на лошадяхъ, повѣсившись на ихъ шею (!!)» Враль!

Іорнандъ, невавидѣвшій Гунновъ, въ свою очередь описалъ ихъ также уродами, прибавивъ еще, что ихъ родили вѣдьмы въ сообществѣ съ чертями! Не очевидно ли, что пугливое воображеніе, иначе бабье вранье, Марцеллина, совершенно похоже на тѣ извѣстія и свѣдѣнія, которыя до недавнихъ временъ разглашала заграничная челядь о Россіянахъ, а преимущественно о Донцахъ. Тамъ разсказывали, за 30 лѣтъ тому назадъ, даже втрое больше чудесъ о Казакахъ, чѣмъ Марцеллинъ объ Гуннахъ, такъ-что наши молодцы превращались не въ простые уроды, а въ настоящіе демоны, отъ коихъ ничто не можетъ скрыться.

Въ Венгріи еще и нынѣ носятся въ народѣ странныя понятія и бабьи чудесныя сказки о Москальскомъ народѣ. А о

Татарахъ? Ихъ называетъ Венгерская чернь *Kutyafejü Tatárok*, т. е. песье-главые Татаре, у коихъ половина головы человѣчья, а другая песья; Москаль содержитъ ихъ, говорятъ, подъ карауломъ, и только во время войны выпускаетъ противъ своихъ враговъ, коихъ они съѣдаютъ. Вообще, это происходитъ отъ недостатка въ Венгріи землеписьныхъ и народописьныхъ свѣдѣній о Русскомъ царствѣ. Такъ и Греки въ древнее время воображали себѣ *Κυνοκεφαλοι*, т. е. *песьиглавыхъ* и *Ανδροφαγοι*, т. е. *людоѣдовъ*.

Нынѣ, слава Богу, просвѣщенные иностранцы болѣе знакомы съ Русью, а народъ по прежнему наскажетъ вамъ пропасть диковинокъ. Если удастся вамъ проѣзжать чрезъ Венгрію, Германію, или Францію, поговорите съ учеными сапожниками, портными и проч. о Руси, и услышите чудесныя повости о вашей родинѣ, о коихъ вы отъ роду ничего не слыхали. Я самъ былъ свидѣтелемъ подобныхъ разсказовъ. Съ тѣхъ поръ какъ Русскія войска появились въ Германіи, Италіи, Франціи, сіи разсказы вывелись отчасти изъ порядочныхъ обществъ; со всѣхъ сторонъ народъ толпился видѣть *страшныхъ* и *славныхъ Казаковъ*, у коихъ Нѣмки и Француженки, къ немалому своему удивленію, какъ сами признаются, нашли черты лица, бóльшею частью, правильныя, миловидныя (de belles têtes, de têtes à peindre).

Итакъ, ребяческое вранье Марцеллина, писавшаго по наслышкѣ, вполнѣ опровержено Прискомъ, имѣвшимъ лучшій случай познакомиться съ симъ народомъ, который, поселившись въ разныхъ областяхъ Восточной Имперіи, даже подъ стѣнами Цареграда, и въ самой Ѳессалоникѣ, доказалъ собственнымъ своимъ достоинствомъ, что и въ гражданственности, и въ земледѣліи, и въ промышленности, и подъ знаменами, онъ не уступаетъ ни Греку, ни Римлянину. Весьма жаль, что сіе нелѣпое мѣсто Исторіи Марцеллина, впрочемъ довольно занимательной, доселѣ приводимо было въ свидѣтельство всякимъ почти писателемъ или исторіографомъ, которому вздумалось разсуждать о Гуннахъ, и, не смотря на всю

его вздорность, повторяемо было съ дипломатическою точностью даже и лучшими историками. Впрочемъ, сіе мѣсто Марцеллина можетъ послужить нѣсколько въ пользу Гуннской Исторіи, если очистить его отъ нелѣпостей. На примѣръ, что Гунны *ночевали и дневали на лошадяхъ*, значитъ просто, что они были отличные, какъ бы природные, ѣздоки; посему, прежде, и назывались *Скивами-Бѣгунами* (*Δρομιται* отъ *δρομος* бѣгъ); что *изрѣзывали себѣ ножемъ лице и бороду отъ* чего *и волосы на ней не росли*, значитъ просто, что Гунны уже тогда брили бороду. Если умѣли подбривать волосы на головѣ кругомъ, то легко могли приложить ножъ и къ бородѣ. Конечно, это безбородіе Гунновъ казалось страннымъ Грекамъ и Римлянамъ, никогда не брившимъ ни бородъ, ниже затылковъ, и, въ этомъ отношеніи, не удивительно замѣчаніе Марцеллина: *senescunt imberbes*, т. е. состарѣваются безбородыми.

Замѣчательно, что бороды въ Европейскихъ странахъ вывелись совершенно только въ первой половинѣ XVIII столѣтія; а въ XVII еще почти вездѣ господствовали, исключая Мало-Россовъ и ихъ Козаковъ, коихъ уже во время Хмѣльницкаго видѣть можно безбородыми. Это можно отнести и къ предшествовавшему времени, не смотря на то, что явныхъ памятниковъ безбородія Малороссовъ изъ XV или XIV столѣтія не имѣемъ. Однако, Русскій Князь Подоліи, переселившійся въ XIV столѣтіи въ Венгрію, въ построенной имъ крѣпости при городѣ *Мукачевѣ* (Munkatsch пишутъ на картахъ) и въ Русскомъ монастырѣ, находящемся въ двухъ верстахъ отъ сей крѣпости, на горѣ *Чернекъ*, изображенъ, въ преклонныхъ лѣтахъ, верхомъ, въ латахъ, и безъ бороды. Сколько мнѣ извѣстно изъ Карпато-Русскихъ преданій и другихъ свидѣтельствъ, сей народъ брился съ давнихъ временъ. Какъ бы то ни было, однако бородобрейство древнѣе на Руси, чѣмъ въ другихъ странахъ Европы и, по видимому, существуетъ уже со временъ Гунновъ, т. е. Марцеллина и Приска, т. е. IV и V столѣтія.—Я видѣлъ въ разныя времена, около десяти изображеній Болгаръ (въ Болгарскихъ рукописяхъ XIV и XIII сто-

лѣтіи), большею частію сражающихся верхомъ, безъ бородъ.

Не знаю, какъ давно начали бриться Турки. Впрочемъ, сомнительно, чтобы они брились прежде, нежели пробрались въ Европу; кажется, они отращивали волосы сообразно съ обычаемъ всѣхъ своихъ внутренне-Азійскихъ соплеменниковъ, и развѣ только по завоеваніи Византійской Имперіи и Болгаріи выучились брить бороду отъ Болгаръ, съ коими вездѣ смѣшались не только въ Европѣ, но даже и въ Анатоліи. И сія мода, сколь она ни обширна въ Азіи (въ Турецкихъ только владѣніяхъ), распространена Турками, отъ которыхъ вскорѣ приняли Греки и Армяне, и Грузинцы. Волохи, впрочемъ, будучи подъ господствомъ Болгаръ, брились еще до пришествія Турокъ.

Изъ Европейцевъ прежде всѣхъ сію моду переняли, у Болгаръ ли или Турокъ, все равно, Венеціане, и отчасти смѣшанные съ Волохами и Карпато-Россами Венгерцы, и т. д. Впрочемъ, замѣчу, что Исторію бородобрейства нельзя основывать безусловно на памятникахъ или изображеніяхъ знаменитыхъ особъ; ибо онѣ предоставляли себѣ права отращивать бороду въ знакъ своего достоинства. Такъ, напримѣръ, безбородые Болгаре имѣли Королей и Господарей бородатыхъ, и нынѣ Бояре Молдавіи и Валахіи, Государственные чиновники Турціи, и самъ Султанъ, носятъ бороду.

Какъ бы то ни было, бородобрѣйство есть одна изъ древнѣйшихъ характерическихъ чертъ жителей Волги и Руси. Но здѣсь раждается вопросъ, почему Велико-Россы по сію пору сохраняютъ свои бороды? На сей вопросъ нельзя отвѣчать рѣшительно. Если Мало-Россы и Болгаре уже издавна брились, то можно предположить, что и Велико-Россы, одного съ ними происхожденія и нравовъ, также брились; но впослѣдствіи, подъ вліяніемъ особыхъ обстоятельствъ, отрастили себѣ бороды. Одно уже господство Татаръ въ Великороссійскихъ Губерніяхъ могло причинить сіе измѣненіе въ народномъ нравѣ; также, подражаніе духовенству и чрезвычайному количеству мѣлкаго дворянства въ великой Руси въ XVI

и XVII столѣтія; или, наконецъ, набожность, коею Велико-Россы отличаются отъ Мало-Россовъ ,подала поводъ первымъ отпустить бороду.

Изъ Арабскихъ писателей *Шемсъ-ед-динъ Димешки* (въ 26 Френовомъ замѣчаніи на Ибн-Фоцлана), писавшій съ 1300 году, говоритъ: *Иные (Россіяне) брѣютъ бороду, а иные красятъ ее нажелто.»* А въ Англійскомъ переводѣ *Ибн-Гаукала,* писавшаго въ послѣдней половинѣ X вѣка (послѣ 973 года) сказано: *между ними постановлено, чтобы одинъ другому не брилъ бороды.* Изреченіе это съ перваго взгляда двусмысленно; ибо заключаетъ нѣкоторое и отрицаніе и утвержденіе. Изъ словъ, чтобъ одинъ не брилъ бороды другому, кажется, слѣдуетъ заключить, что всякой долженъ бриться самъ.

Это ведетъ насъ еще къ другому замѣчанію, а именно, что искусство брить бороду нигдѣ не доведено до той степени совершенства и легкости, какъ на Руси, т. е. по всей обширной Мало-Россіи. Въ Германіи, Франціи, деревенскій гражданинъ во всякомъ почти селеніи препоручаетъ свою бороду особеннымъ операторамъ. Въ Мало-Россіи не только что нѣтъ подобныхъ публичныхъ операторовъ, но даже имя ихъ не извѣстно; сверхъ сего, у рѣдкаго есть все собраніе форменныхъ бородобрѣйныхъ орудій; онъ не нуждается ни въ зеркалѣ, ни въ мылѣ; большею частью простой ножикъ, да теплая вода удовлетворяютъ его рукѣ. Мнѣ даже случалось видѣть не однажды, что обломокъ изъ косы въ рукахъ Мало-Россовъ есть весьма удобное бородобрѣйное орудіе.

Какъ бы то ни было, но *одинъ другому* болѣе можно примѣнить къ другимъ странамъ, въ которыхъ именитый брадобрѣй выполняетъ смыслъ слова *Одинъ,* чѣмъ къ Руси. Можетъ быть, что у Арабовъ были подобныя же общественныя цирюльни, какъ въ Германіи, Франціи и т. д. Очевидный недостатокъ сихъ общественныхъ цырюленъ въ Руси бросился въ глаза Ибн-Гаукалу, и дѣйствительно побудилъ его къ вышеупомянутому замѣчанію: *у нихъ нѣтъ обыкновенія брить одинъ другаго,* т. е. просто у нихъ нѣтъ публичныхъ брадобрѣевъ, цырюлень.

Итакъ, свидѣтельство Аравитянъ явно подтверждаетъ мнѣніе, что бородобрѣйство есть древнѣйшая отличительная черта жителей Руси отъ прочихъ народовъ. — Этою только чертою можно и объяснить, почему Греки древнихъ Россіянъ называли *Μακροκεφαλοι*, т. е. *длинноголовыми*; подбритая въ кружокъ голова, особенно какъ это дѣлаютъ Мало-Россы, представляется, если смотрѣть сзади, длинною, какъ бы со всѣхъ сторонъ продолговатою. Этотъ-то видъ дѣйствительно могъ произвести въ Грекахъ странное впечатлѣніе, давшее начало слову *Μαροκεφαλοι длинноголовые*, или долгошеи. Сверхъ сего, упомянутое мнѣніе объясняетъ, что Греки подъ симъ словомъ подразумѣвали именно Россіянъ; и, на-оборотъ, слово *Μακροκεφαλοι* именно подтверждаетъ мое мнѣніе о древности бородобрѣйства на Руси, о чемъ свидѣтельствуютъ Марцеллинъ, Прискъ, Арабы, и нѣкоторыя другія обстоятельства.

Все сказанное о бородобрѣйствѣ отнесено мною только къ варварскому, т. е. не-Греческому и не-Латинскому міру. Древности классическихъ сихъ народовъ довольно обработаны, слѣдственно, извѣстны всякому. Что касается до бородобрѣйства у Грековъ и Римлянъ, то слѣды его у нихъ можно найти еще до Рожд. Христова, а преимущественно у Римлянъ; впрочемъ, бородобрѣйство у нихъ было больше моднымъ введеніемъ въ такъ называемомъ *высшемъ тонѣ*, а не собственно народнымъ обычаемъ. Посему, бородобрѣйство у Грековъ и Римлянъ прекратилось, подобно всякому модному введенію, уже довольно рано, и не нисходитъ ниже IV столѣтія. Простой же народъ у нихъ носилъ бороды во всѣ времена.

Вотъ что можно вывести изъ свидѣтельства Марцеллина, изложеннаго ребячески, но впрочемъ замѣчательнаго. Итакъ, ничто не мѣшаетъ отстать отъ кривыхъ толковъ о Гуннахъ, причиненныхъ одною или двумя пристрастными фантастическими головами; сама Исторія даетъ о семъ народѣ то высшее понятіе, которое можно имѣть только о первоклассныхъ народахъ.

Здѣсь должно замѣтить еще мнѣніе нѣкоторыхъ ученыхъ о Финскомъ происхожденіи Гунновъ. Поводомъ къ сему мнѣ-

нію послужило то, что нѣкоторые Венгерцы заговорили было о Финскомъ происхожденіи Мадяровъ. Это доказывалъ грамматически нѣкогда Венгерецъ Gyarmati (Дярмати), а послѣ него и Bèlnay (Белнап), Венгерецъ же и Профессоръ Исторіи въ *Пожонской* (Пресбургской) Акáдеміи. Ученіе перваго принялъ Шлецеръ, разумѣется на удачу, ибо не зналъ Венгерскаго языка, и не чувствовалъ цѣны доводовъ Дярматіевыхъ. Такимъ образомъ, онъ заговорилъ гро́могласно о Чухонизмѣ древнихъ Мадяровъ. Съ тѣхъ поръ заговорили во всей Европѣ о Финскомъ происхожденіи Мадяровъ; въ слѣдствіе чего, въ изданной въ Парижѣ *Общей Народописи* (Atlas Ethnographique, par Balbi), Венгры причислены къ Чухонскимъ племенамъ, и въ подтвержденіе сего приложено сравненіе семи или десяти Венгерскихъ словъ съ Чухонскими, отнюдь не походящими одно на другое! Изъ изложенныхъ мною выше (стр. 90) понятій о тожествѣ основы Мадярскаго языка съ Татаро-Турецкимъ видѣть можно, что Мадяры принадлежатъ неоспоримо къ Татарскому, а не къ Финскому міру, какъ говорилъ Шлецеръ *).

Сверхъ сего, нѣкоторые ученые, между прочими и Клапротъ, въ своихъ изъисканіяхъ о Казарахъ, попали на мысль, что и этотъ народъ былъ Финскій, основывая это на нѣкоторыхъ зыбкихъ и жалкихъ догадкахъ. Наконе́цъ, дѣло дошло и до самыхъ Гунновъ; думали найдти доказательство въ созвучіи именъ *Гунны* и *Финны!* Какъ Шлецеръ слишкомъ растянулъ свой Чухонскій міръ отъ Финландіи чрезъ Уральскія горы по всей почти Сѣверной Сибири, то и вышелъ изъ сего нѣкоторый видъ вѣроятности, что Гунны вышли изъ Финскаго (т. е. только воображаемаго) міра, а именно изъ самой восточной части онаго. Это и соотвѣтствовало выходу

---

*) Чтобы изслѣдовать степень вѣроятности о Финскомъ происхожденіи Мадяровъ, Венгерская Академія Наукъ, еще въ 1843 году, послала ученаго своего Члена, *Антона Регули*, къ Чудскимъ племенамъ для изученія ихъ нарѣчій и сравненія съ Мадярскимъ языкомъ. *Изд.*

Гунновъ съ предѣловъ Китая или Монголіи *). Впрочемъ, все это простая игра воображенія, не заслуживающая ни какого вниманія. Созвучіе находится не только между именами Гунновъ и Финновъ, но между симъ послѣднимъ и именами Венедовъ, Винуловъ, Вендовъ.

4) Византійцы не дѣлаютъ ни малѣйшаго различія между Гуннами и Славянскимъ міромъ, скрывавшимся тогда еще подъ нарицательными названіями; и, напротивъ, даже подтверждаютъ, какъ видно на самомъ дѣлѣ въ Запискахъ Приска, ихъ сродство, и проч.

Итакъ: *съ 380 года послѣ* ***Р. Хр.*** *до 860 или 900, только одинъ народъ, а именно* ***Болгаре,*** *важнѣйшая отрасль Славянскаго рода, съ предѣловъ Азіи хлынулъ въ Юговосточную Европу, сначала подъ нарицательнымъ именемъ Гунновъ и другихъ подобныхъ, а спустя не много, и подъ своимъ собственнымъ.* Вотъ что̀ можетъ сказать благоразумная и безпристрастная критика. Нѣтъ, и не бывало, тѣхъ мнимыхъ народовъ, производившихъ предъ глазами Историковъ хаосъ, который система толкованія посредствомъ завоеваній, превращеній, исчезаній, ни разобрать, ни объяснить никогда бы не возмогла. Одинъ только былъ народъ переселявшійся, который послѣ многочисленныхъ превратностей, долговременнаго ига, существуетъ еще на лице... Вотъ quod erat demonstrandum, и... весь хаосъ не существуетъ, проясняется Востокъ Европы, исчезаютъ историческія привидѣнія, и можно смѣло отдать отчетъ здравому разсудку и Исторіи.

---

*) Между тѣмъ, кривой толкъ объ Гуннахъ Марцеллина сближалъ сей народъ съ жалкою жизнію бѣднымъ Чухонскихъ племенъ.

VIII.

ПРИМѢНЕНІЕ ПОНЯТІЙ, ИЗЛОЖЕННЫХЪ ВЪ ПРЕДШЕСТВУЮЩИХЪ СТАТЬЯХЪ, КЪ ПОНЯТІЯМЪ О ПРОИСХОЖДЕНІИ И ЖИЛИЩАХЪ ДРЕВНИХЪ РОССІЯНЪ.

Многимъ покажется, можетъ быть, страннымъ то, что я рѣшаюсь говорить о Россіянахъ до временъ Рурика,—о Россіянахъ въ тѣ Историческія столѣтія, въ которыхъ ихъ имя не было извѣстно ни одному Греческому или Латинскому граматѣю. Но:

1) Доказанное нами положеніе, что народы въ древнія времена слыли часто подъ нарицательными названіями, дастъ намъ право на это.

2) Объяснивъ древность Болгаръ, какъ жителей Волги, мы даже обязаны снять покрывало и съ жителей Руси.

3) Положеніе или, лучше, аксіома, что всѣ Славянскія племена, какъ племена, никогда не именовали себя общимъ какимъ-либо именемъ, тѣмъ менѣе именемъ одного изъ нихъ (Словенъ), показываетъ, что Славянскаго племени, сосѣдствевшаго съ Болгарами, обитавшаго въ Руси, нельзя искать въ Руси подъ именемъ *Словенъ* или Славянъ въ VIII, VII, VI и т. д. столѣтіяхъ. Подъ какимъ же? Подъ тѣмъ Священнымъ именемъ, которымъ и нынѣ величается, именемъ *Россовъ*, и происшедшими отъ него производными.

Можетъ быть, кто-либо возразитъ мнѣ изъ Нестора, что Новгородцевъ именуетъ *Словенами*, ergo.... Что Новгород-

цы когда-либо называли себя Словенами, не вѣроятно, но почему Нестору вздумалось ихъ такъ называть, это совсѣмъ другое дѣло.

4. Русь или Руссы, какъ народъ Норманнскій, Скандинавскій, никогда не существовалъ, и есть только плодъ жалкаго толкованія, или фантастическое произведеніе нѣкоторыхъ изънскателей. Не поняли Нестора! да еще ка́къ не поняли!

Байеро-Шлецеровское ученіе о происхожденіи Россіянъ почти слово въ слово походитъ на Тунманно-Енгелевское о происхожденіи Болгаръ.

5. Многіе дѣлали вопросъ: Съ какого времени Славяне, т. е. Россы, зашли въ Русь и населяютъ ее? Карамзинъ не могъ рѣшить его, «итакъ, оставляетъ» какъ выражается, «безъ утвердительнаго рѣшенія вопросъ: *откуда и когда Славяне пришли въ Россію?*» См. Ист. Гос. Росс. Томъ I стр. 32.

Нѣтъ ничего несноснѣе подобнаго вопроса; ибо онъ происходитъ изъ нелѣпаго предположенія, что до появленія въ IX вѣкѣ въ Греческихъ лѣтописяхъ собственнаго имени одного племени (Россіянъ), и до появленія въ VI имени другаго племени (Словенъ), проживавшіе въ Руси *Ящероглазые, Геты, Черноризцы, Длинноглавцы, Затвердѣлые, Скороходцы* и проч., были особенные какіе-то народы! и что, поелику въ сихъ именахъ сряду не стоятъ буквы р, о, с, с, ы, то сего народа здѣсь и не было, а забрелъ онъ откуда-то послѣ. Вотъ и вопросъ: *откуда же пришли?* Сверхъ сего, въ XIV столѣтіи распустили было басню (или безтолковое объясненіе) о распространеніи Славянскихъ племенъ изъ одного гнѣзда. На помощь лѣтописной проницательности изслѣдователей поспѣло обстоятельство, что тогда собственное имя бѣдныхъ Итало-Украинцевъ (Словенъ) отнято для употребленія въ общемъ значеніи, имъ же даны нарицательныя имена *Вендовъ, Виндовъ*, и областныя: *Краинцовъ, Каринтійцевъ, Штирійцевъ.* Геній изънскательный смѣло приступилъ тогда къ волшебно-

му дѣйствію. Онъ принудилъ всѣ Славянскія племена оставить свои жилища и собраться у береговъ Дуная, тамъ стѣснилъ ихъ такъ, что онѣ принуждены были вскорѣ разойтиться во всѣ стороны міра, куда глаза глядятъ! Тогда стоило только ихъ скомандовать отъ Дуная къ себѣ, къ берегамъ *Днѣпра, Вислы*, или *Элбы*. Комментаторъ Нестора вызвался быть квартирмейстеромъ Славянъ, приближавшихся чинно съ Дунайскаго Конгресса, и поселилъ ихъ по разнымъ рѣкамъ и областямъ Руси, давъ имъ разныя имена. Говорю — Комментаторъ, ибо нельзя допустить, чтобы самъ это говорилъ Несторъ; во время коего еще не толковали подобнымъ образомъ о происхожденіи Славянскихъ племенъ.

Вотъ еще другой геніальный вопросъ: Когда же (!) сіи (мнимые) Словене пришли въ Россію? Исторіографъ признается, что не знаетъ; однако, большинство историческихъ умовъ воображаетъ себѣ, что Россіянъ въ Руси не было до VI столѣтія; а это кажется потому только, что бѣдныхъ Итало-Украинцевъ впервые назвалъ собственнымъ ихъ именемъ Готъ Іорнандъ!!! Какое же слѣдствіе произвело прибытіе Славянъ въ Россію? Опять волшебное. Всѣ народы обширной Ящероглазіи вдругъ вымерли!

Праведный Боже! Сколько переселеній, церемоніальныхъ маршей! Многочисленныя Татаро-Монголо-Турецкія племена (*Гунны*, *Кутригуры*, *Авары*, *Козаре*, *Бѣлгаре*) изъ Руси къ Дунаю; Славянскія съ Дуная въ Русь! Сколько исчезаній цѣлыхъ народовъ (*Гунновъ*, *Кутригуровъ*, *Аваровъ*, *Козаръ*) на Дунаѣ; *Ящероглазыхъ*, *Затвердѣлыхъ*, *Черноризцевъ*, *Длинноглавцевъ* на Руси! и проч. Вездѣ круженіе и измѣнчивость человѣческаго рода, которыя могутъ родиться только въ раскаленномъ горячкою воображеніи. О Исторія!

Опираясь на понятія, уже выше (с. 89) изложенныя, о происхожденіи Славянскаго народа отъ корня, общаго прочимъ Европейцамъ, можемъ рѣшительно допустить аксіому, что *Славяне суть старожилы Европы, наравнѣ съ Греками и Латинами.* Развитіе Сла-

вянскаго народа произошло въ одну эпоху съ развитіемъ Греческаго и Латинскаго и т. д. Эпоху развитія Греческаго народа можно отнести ко временамъ Персидской Монархіи, когда стѣсненная морями Греція и ея острова, не будучи въ состояніи пропитывать избыточествующее количество народа, принуждена была уменьшать оное разсадкою въ разныхъ странахъ колоній. То же самое случилось, не задолго послѣ, и съ Латинами въ Италіи. Этого мало: Греческій и Латинскій народы только что размножились, но Славянскій народъ по огромности своей раздѣлился на особенные почти народы или племена; посему, развитіе Славянскаго народа, какъ *ствола*, естественнымъ образомъ долженствовало предшествовать даже развитію Грековъ и Латиновъ, какъ *вѣтвей*. Итакъ, развитіе Славянъ есть древнѣйшее изъ всѣхъ прочихъ развитій народомъ *Европейскаго слова*, отнесете ли это ко времени Авраама, Моисея, или Кира, все равно. Дѣло въ томъ, что, во время построенія Рима, Славяне уже въ полной мѣрѣ раздѣлены были на племена, тѣмъ болѣе, что уже тогда и Италіанцы были раздѣлены также на свои небольшія отрасли.

Итакъ, свидѣтелемъ развитія или распространенія Славянскихъ племенъ никто (тѣмъ менѣе писатель-Славянинъ) быть не могъ; даже Греки и Латины, какъ древнѣйшіе Европейскіе Историки, не знали почти ничего положительнаго о развитіи своего собственнаго народа. Итакъ, толковать о распространеніи (которое въ семъ случаѣ должно принять за Историческое волшебство, подобное исчезаніямъ и проч.) Славянскихъ племенъ съ VI вѣка, значитъ бредить въ просонкахъ. Кто можетъ приводить здѣсь въ свидѣтели Нестора, или даже Іорнанда, или Прокопія, по-

тому-что они первые стали употреблять собственное имя Итало-Украинцевъ? На это похожъ и вопросъ Исторіографа: Откуда и когда пришли въ Россію Россіяне? Никто не знаетъ, откуда и когда, или: ни откуда и никогда, или: откуда бы то ни было, все равно, но такъ давно, что даже и вообразить трудно, а изъискивать безполезно. Итакъ, ничего нельзя сказать лучше и пристойнѣе, какъ только, что *старожилы Руси — Россіяне.* Далѣе, что *Неизвѣстные* (Скиѳы), что *Ящероглазые*, *Черноризые* и прочіе обитатели Руси были сіи самые *Россіяне*, очевидно показываютъ еще и слѣдующія обстоятельства:

6) Аксіома, что въ древности сіи имена не представляли столько же, Богъ вѣсть какихъ, народовъ, особенныхъ отъ тѣхъ, которыхъ нынѣ представить можетъ Сѣверо-Востокъ Европы и Сѣверъ Азіи. Татарскія племена, безъ сомнѣнія, въ тѣ времена на просторѣ скитались по Азіи (съ Сибирью); Монгольскія оставались всегда по ту сторону Татарскихъ, въ восточной Азіи, у Китая; Финскія племена Римлянамъ были нѣсколько извѣстны, и, по ихъ свидѣтельству, находились въ самомъ отдаленномъ Сѣверѣ нынѣшней Россіи; Татаре же и Монголы ни Грекамъ, ни Римлянамъ не были извѣстны: Географическія ихъ свѣдѣнія не простирались далѣе Волги. Итакъ, на однихъ только Болгаръ, и еще болѣе на Россіянъ, пала вся тьма безтолковыхъ прозвищъ, между тѣмъ какъ племенамъ, обитавшимъ между Вислою и Рейномъ, досталось другое вздорное же общее названіе *Братовщины* (Germania *).

*) «Germani у древнихъ не Нѣмцы.» См. Ист. Крит. Изъисканія *Венелина* (о Словенахъ), II. стр. 65—73. *Изд.*

7) Славяне, какъ я уже замѣтилъ, болѣе всѣхъ народовъ, послѣ Грековъ и Римлянъ, отличались осѣдлою и земледѣльческою жизнію. Изъ записокъ Приска и изъ Географовъ III и II столѣтій видно, что *Скиѳы*, *Ящероглазые*, на Руси были земледѣльцами. Этого качества приписать нельзя не только Татарамъ, но и Финнамъ. Посему, очевидно, что здѣсь подразумѣваются два Славянскія племена: Болгаре и Россіяне.

8) Непреоборимымъ тому доказательствомъ служатъ *черты лица*. На всѣхъ изображеніяхъ Скиѳовъ, или Ящероглазыхъ, находящихся въ памятникахъ Греческаго и Римскаго рисованія, живописи, ваянія, медалей, денегъ, видны черты лица, принадлежащія однимъ только Славянамъ или, просто, Россіянамъ, а не полу-зажмуреннымъ, широко-и выпуклоскулымъ, остробородымъ, и плосколицимъ племенамъ Азійской породы.

Черты и цвѣтъ лица, послѣ языка, суть дѣйствительно важнѣйшіе признаки различія между разными отраслями рода человѣческаго. Вышеупомянутыя качества еще и теперь ощутительно отпечатаны на лицахъ Татарскихъ племенъ (пребывающихъ въ своемъ Азійскомъ отечествѣ, а посему и не смѣшивавшихся съ племенами другаго источника). Сіи-то черты кажутся уродливыми Европейцу. Этому нѣсколько, скажутъ, противорѣчитъ то, что иныя племена, дѣйствительно Азійскаго происхожденія, какъ Венгры, Турки, Татаре Россійской Имперіи, имѣютъ черты лица правильныя, Европейскія. Отвѣчаю: Сіи племена исправили свою породу на счетъ Европейцевъ, а преимущественно Славянъ. Въ продолженіе 1000 слишкомъ лѣтъ Мадярская кровь въ Венгріи совершенно смѣшалась съ Европейскою. Болгарское юношество доставляло Портѣ грозныхъ Янычаръ, а прекрасный полъ. . . . . Кому не извѣстно, что несчастная нѣкогда Грузія и Черкессія долж-

на была платить Турціи ежегодно лучшимъ цвѣтомъ своего нѣжнаго пола?—Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что нѣкогда и злополучныя дочери Руси наполняли гаремы великихъ и малыхъ Сатраповъ Тохтамыша или Батыя. Если пустить бѣглый взоръ-свидѣтель по всѣмъ мѣстамъ Руси, стенавшей подъ игомъ, по всѣмъ минутамъ двухвѣковаго времени, кажется, видишь несчастныя жертвы, увлекаемыя изъ объятій родителей и церкви! Сколько . . . ужасаюсь думать далѣе . .

9) Устройство и цвѣтъ глазъ, цвѣтъ волосъ и видъ бороды. Различіе между народами Европейскаго и сѣверо-Азійскаго происхожденія видно не только въ языкѣ, но и въ тѣлесномъ образованіи. Я сказалъ уже о различіи въ чертахъ лица; сюда причислить можно форму и цвѣтъ глазъ. Греки не много оставили намъ тѣлесныхъ примѣтъ Скиѳовъ; однако, одно мѣсто изъ Арріанова Перипла Чернаго моря, сохраненное Львомъ Діакономъ (lib. 9, cap. 6, p. 93), какъ замѣчаетъ Демуленъ (въ своей Histoire Naturelle des races humaines. Paris 1816, c. 18), показываетъ намъ черты Скиѳовъ времени Гомера и Адріана: «Въ своемъ Периплѣ,» говоритъ Левъ Діаконъ, «Арріанъ повѣствуетъ, что Ахиллъ, сынъ Пелея, былъ родомъ Скиѳъ, и родился въ Мирмекіонѣ, маломъ городкѣ на берегу Азовскаго моря. Изгнанный Скиѳами изъ отечества своего, по причинѣ своего властолюбія и жестокости, онъ переселился въ Ѳессалію. Покрой его одѣянія, *его русые волосы, его голубые глаза* и проч. явно подтверждаютъ сіе его происхожденіе.»

«Сіе происхожденіе Ахилла», замѣчаетъ Демуленъ, «объясняетъ и происхожденіе названія *Ахиллова острова* у устья Днѣпра, *Ахиллову гробницу* въ 120,000 шаговъ отъ сего острова, и *Бѣгъ Ахилла* (dromos Achillis), названіе берега, простирающагося отъ устья Днѣпра до Sinus Carcinitis, т. е. *Перекопскаго залива*.»

Итакъ, *русые* волосы и *голубые* глаза Скиѳовъ показываютъ именно Европейское ихъ происхожденіе; и сія черта совершенно отдѣляетъ ихъ отъ племенъ Сѣверо-Азійскаго міра, у коихъ глаза маленькіе, черные, терновидные. *Голубые глаза* и *русые волосы* между Европейцами (Греки и Латины отличались черными) есть общая принадлежность, сверхъ Нѣмцевъ, Славянскихъ племенъ. Очевидно, что сей цвѣтъ глазъ и волосъ въ Скиѳахъ, жителяхъ Руси, явно оттѣняетъ Русскій или Болгарскій народъ. Сверхъ сего, на всѣхъ изображеніяхъ Скиѳовъ или Сарматовъ, на медаляхъ, замѣтите полный разрѣзъ выпуклыхъ глазъ, противоположный сжатому и малому разрѣзу впалыхъ глазъ Азіатцевъ. (Впрочемъ, объ исправленныхъ глазахъ Русскихъ-Татаръ и Турокъ то же подразумѣвать должно, что̀ и объ ихъ чертахъ лица.) Между тѣмъ, на сихъ же самыхъ памятникахъ замѣтите у Скиѳовъ полную, густую, широкую Русскую бороду, а не рѣдкую, малую, остроконечную Калмыцкую, Киргизскую и т. д.

Теперь, кажется, не трудно понять, почему черноглазые Греки назвали сихъ Скиѳовъ *Ящероглазыми*. *Голубые* ихъ глаза дѣйствительно производили въ Грекахъ (привыкшихъ къ чернымъ глазамъ не только у себя, но и у Сирійцевъ, Египтянъ, Аравитянъ, Персовъ, Италіанцевъ, т. е. почти у всѣхъ народовъ) нѣкоторое странное ощущеніе, и, въ первомъ движеніи, сихъ *чужеземцевъ* (Скиѳовъ), сей замѣчательный по глазамъ народъ, назвали *Ящероглазыми*! по аналогіи цвѣта ихъ глазъ съ глазами ящерицъ! Почему нынѣ у Грековъ встрѣчаются голубые, а у Россіянъ большіе черные Греческіе и малые черные Калмыцкіе, всякъ самъ себѣ легко объяснитъ.

10) Сверхъ сего, вникнувъ въ одежду сихъ изображенныхъ Скиѳовъ, Ящероглазыхъ, узнаете въ ней точь въ точь одежду Русскую или, лучше, Малороссійскую; даже лапти или постолы такимъ образомъ навязаны на ноги, какъ теперь; но не увидите тамъ ни Татарскихъ пестрыхъ халатовъ, ни шапокъ, заостренныхъ къ верху, и проч. Вотъ еще что: Сколько мнѣ извѣстно изъ Исторіи *Искуства красить* у древнихъ, Греки, бо́льшею частію, носили цвѣтныя платья, не исключая даже бѣлаго духовенства (чему слѣдуетъ и нынѣ Русское бѣлое духовенство). Мнѣ кажется, что и другіе народы имѣли нѣкоторое пристрастіе къ цвѣтной одеждѣ, какъ можно замѣтить у Римлянъ и, нынѣ, у Татарскихъ племенъ. Что́ же Россіяне? Ихъ любимый *цвѣтъ*, во всѣхъ краяхъ Руси, и на Волгѣ, и на Днѣпрѣ, и на Днѣстрѣ, и на Вислѣ (въ Люблинской губерніи, въ Польшѣ), и въ Галиціи, и въ Карпатахъ, и за Карпатами (въ Венгріи),—*черный*. Столь обширная и общая приверженность къ черному цвѣту показываетъ древность употребленія онаго. *Чернымъ*, *чернымъ* отличались Россіяне. Трудно ли теперь понять, почему Скиѳовъ, Ящероглазыхъ, называли разноцвѣтные Греки *Черноризцами*, *Черноармячниками* (Μελαν-Χλαῖνοι, отъ Χλαῖνα армякъ). Дѣйствительно, эта черта (чернота) ощутительна была для Греческихъ глазъ, привыкшихъ къ пестротѣ *). Само собою слѣдуетъ, что сіи

*) Правда, что нынѣ цвѣтъ армяковъ не есть самаго чернаго цвѣта, но почти коричневаго, что́ можно принять за полинялый черный. Впрочемъ, Галичане свои армяки, а Карпато-Россы свои Гусарскія гуни, красятъ настоящимъ чернымъ. Впрочемъ, и обыкновенный темный цвѣтъ Русскихъ армяковъ входитъ въ категорію *черноты*.

имена не означали племенъ, но касались цѣлаго народа (?).

11) Русскій народъ, уже при самомъ началѣ своей Исторіи (той, которую началъ собственный его Лѣтописецъ), т. е. въ 862 году, занималъ все пространство отъ Новгорода до Чернаго моря,—да еще кáкъ! постоянно, осѣдло, земледѣльчески, населяя множество построенныхъ имъ городовъ и селеній. Можно ли подумать, что онъ, какимъ-либо волшебствомъ, залетѣлъ на Русь, подобно саранчѣ, или выпалъ дождемъ съ неба только въ предшествующихъ 861 или 860 году, и въ одну зиму такъ расхозяйничился, чтоналѣпилъ даже многіе города? Всякъ, у коего есть хотя крошка здраваго смысла, скажетъ, что сіи самые Россіяне на семъ самомъ пространствѣ находились и въ 850, 840, 820, 780, 740, 700, 680 и т. д. годахъ.—Далѣе: Только съ 865 года Русскій народъ сталъ быть извѣстенъ Грекамъ подъ собственнымъ своимъ названіемъ; а въ 864, 863, 862, 861, 860, 859 и т. д. годахъ подъ какимъ? Подъ именемъ *Скиѳовъ*, *Ящеровлазыхъ*, *Черноризцевъ* и т. д. По какой же причинѣ сіи самыя имена и въ VIII, VII, VI, V, IV, столѣтіяхъ не должны означать Россіянъ же?—Чтó же Несторъ съ своей стороны? Онъ говоритъ о Россіянахъ съ того времени (862 г.), съ коего простираются его свѣдѣнія; и будьте увѣрены, что онъ началъ бы говорить о Россахъ съ 762 г., если бы родился и писалъ столѣтіемъ ранѣе; описалъ бы намъ навѣрно Россовъ VI вѣка, или даже временъ Аттилы, если бы родился за три столѣтія. Какъ бы то ни было, одна уже хозяйственность и нѣкоторая гражданственность Россіянъ 862 года, показываетъ, что они были старожилами сей страны.

12) Въ IV столѣтіи, какъ извѣстно, Русь, или Ящероглазія или Sarmatia, была раздираема между Гунами и Готами. Оба сіи народа не были обитателями собственно такъ называемой Руси; первые жили въ странѣ Волжской, а послѣдніе у береговъ Балтійскаго или за Балтійскимъ моремъ. Итакъ, Русь имѣла своихъ особыхъ собственныхъ жителей, — это были Сарматы. Готы утвердили было надъ ними свое владычество; и кто знаетъ, куда бы они распростерли свою власть, если бы имъ не воспротивились Гуны. Началась жестокая война, въ коей Готы лишились бо́льшей части Сармаціи, отпадшей, такъ сказать, къ Гунамъ, и удержали за собою только Сѣверо-западную частицу оной. Итакъ, *Ящероглазые* съ IV вѣка подверглись двумъ народамъ.

Что́ за народъ Гунны, уже знаемъ; и знаемъ, что они называемы были и Козарами. Что́ за народъ Готы, Варяги, не знаю; первое имя употребляли иностранцы, а послѣднее одинъ Несторъ. По видимому, оба имена означаютъ одинъ и тотъ же народъ.

Итакъ, въ IV и V (только?) столѣтіи *Скиѳы* или *Ящероглазые* или *Роксоланы*, подданные Готовъ съ Сѣверо-запада, и Гунновъ съ Юго-Востока, а въ IX, вѣроятно и въ VIII (только?) вѣкѣ Россіяне подданные Варяговъ съ Сѣверо-запада, и Козаръ съ Юго-востока. Откуда эта разительная аналогія? Не очевидно ли, что сіи Скиѳы, сіи Сарматы IV и послѣдующихъ столѣтій, подданные Готовъ и Гунновъ, суть тотъ же Русскій народъ IX вѣка, какъ, на оборотъ, сіи Варяги и Козаре IX столѣтія суть тотъ же Готскій и Гунскій народъ IV вѣка?

Замѣт. Изъ сего видно, что послѣ кровопролитной войны, въ IV вѣкѣ, между Готами и Болгарами политическое отноше-

ніе сихъ двухъ народовъ осталось in statu quo до самаго Рурика или, лучше, до правленія *Олега*, который первый былъ въ силахъ измѣнить оное: это несомнѣнно. (Почему Олегъ несравненно большее историческое лице, нежели какъ воображали себѣ вообще, я постараюсь впослѣдствіи изложить свои доводы; изъ нихъ увидятъ, что это былъ настоящій Русскій Цесарь, Карлъ Великій.) Сей status quo обладанія Россіею съ 380 или 400 года до правленія Олега, или до начала X вѣка, очевидно опровергаетъ мнимыя частыя появленія съ Волги на Дунай въ V, VI, VII столѣтіяхъ новыхъ народовъ, которые появлялись, какъ мы видѣли, не съ Волги, а изъ педантическаго толкованія. Сей status quo именно показываетъ, что въ Россіи, впродолженіе почти 500 лѣтъ, не было такихъ переворотовъ, которые бы могли измѣнить оный, то есть, показываетъ политическую тишину всей обширной Сармаціи. За это ручалось могущество Болгаріи. Если бы предполагаемые народы появлялись дѣйствительно, то производимое ими волненіе не дозволило бы сему statui quo съ 400 года остаться въ томъ же видѣ до 862 года.

13) Извѣстно, сколь горько многіе, а преимущественно Шлецеръ, издѣвались надъ писателями среднихъ вѣковъ, старавшимися отъискать своихъ предковъ между именами нарицательными, но громкими въ древности. Наиболѣе презрительные ихъ приговоры сыпались на Польскихъ писателей (на-прим., *Сарницкаго* и проч.) за то, что тѣ осмѣлились утверждать, будто Сарматы и Геты суть древніе Поляки, будто Александръ Великій древнимъ Полякамъ (какъ Славянамъ) пожаловалъ грамоту и проч. Сколько бы, впрочемъ, ни были смѣшны заблужденія или мнѣнія писателей среднихъ вѣковъ, однако, приговоръ имъ новѣйшихъ (коихъ изъисканія во многомъ еще смѣшнѣе) слишкомъ строгъ, дышетъ педантизмомъ, и имѣлъ дурное вліяніе на успѣхи исторической критики; ибо

съ тѣхъ поръ никто болѣе не осмѣлился думать о своихъ предкахъ выше той строки лѣтописи, на которой въ первый разъ является *собственное* ихъ названіе; и симъ, нѣкоторымъ образомъ, воспрещаемо было разбирать кутерьму множества нарицательныхъ народныхъ названій первыхъ 8-ми или 10-ти вѣковъ.

Вслѣдствіе сего, кажется, прицѣпились, подобно пьявицамъ, къ одному мѣсту Нестора и пересадили древнихъ Россовъ въ Скандинавію. Какъ будто Несторъ могъ быть свидѣтелемъ колыбели обширнаго Русскаго народа!

Впрочемъ, приговоръ сей дѣйствіемъ своимъ на умы одолженъ нѣкоторой философо-скептической одеждѣ, въ которую облеченъ; но онъ несправедливъ и самъ по себѣ и относительно къ авторамъ, которые обвиняли другихъ въ томъ, въ чемъ сами были виноваты. Вѣдь вѣрятъ въ свою очередь, будто *Братовщина* (Germania, Germani) у Цесаря, Тацита и другихъ означаетъ именно древнихъ *Нѣмцевъ*! (Слишкомъ половину Братовщины населяли Славяне.) Если такъ, то почему и Россіянамъ не быть столько же древнимъ народомъ? Если древность 15-ти милліоннаго нынѣшняго Италіанскаго народа переходитъ за построеніе Рима, то по какой достаточной причинѣ древность 40-милліоннаго Русскаго не должна принадлежать IV, и III, и II, и I столѣтіямъ? Почему нельзя сказать, что въ царствованіе Траяна, или Авреліана, или Константина Великаго, на Дунаѣ, въ Валахіи, Венгріи, или Молдавіи, съ Италіанцами дрались *Русскіе* вмѣсто *Ящеровлазыхъ*, *Скиѳовъ*, или *Роксолановъ* (Россо-Аланы)? Ужели это, по мнѣнію Шлецера, противно здравой Исторіи и естественности?

Довольно ли любезный читатель! Я боюсь наскучить тебѣ, и боюсь оставить тебя суевѣромъ; боюсь, чтобы ты, по при-

вычкѣ, не продолжалъ вѣрить въ Скиѳскія и Ящероглазыи привидѣнія. Будь увѣренъ, что, если бы письменность завелась и распространилась въ обширной Сармаціи во время Рождества Христова, т. е., если бы имѣла Сарматскихъ Историковъ, современныхъ Прокопію, Приску, Евнапію, Олимпіодору, Плинію, Тациту, Цесарю, то навѣрно ты прочелъ бы въ нихъ описанія, напримѣръ, Русскихъ кампаній съ Римлянами на Дунаѣ и за Дунаемъ въ правленіе Траяна, точно такъ же, какъ и въ царствованіе Святослава, Екатерины II; и увидѣлъ бы въ Тацитѣ особую статью подъ заглавіемъ: Irruptio Sarmatarum in Italiam duce Suvorovio; Scythae expellunt Gallos Helvetia Italiaque; Sarmatarum dux augetur honore Patricii Romani. Другой Римлянинъ, можетъ быть, написалъ бы: *duce Savario*, *Savare*, *Savorio*, а Греки, можетъ быть, въ свою очередь: *Σουβαριος*, *Σουβαρ*, *Σοβαρος*, *Σαυορρος*; а Латинскіе переводчики сихъ Греческихъ сочиненій писали бы: Dux Scytharum Subarius, Princeps Sauromatum *Subar* dictus; и такъ, наконецъ, въ Русскихъ историческихъ компиляціяхъ, въ пользу просвѣщенныхъ читателей, появился бы: *Сарматскій Князь Чубарь, Субарь, Щубарь, Зубарь, Заборь, Суварь.*

14) Замѣчу еще, сколько сильно Греки привязаны были къ слову Скиѳы. Не смотря на то, что имя Россіянъ сдѣлалось имъ извѣстнымъ уже съ 865 года,— не смотря на то, что Русь съ 1000 года принадлежала уже къ кругу Христіанскихъ державъ,—не смотря на то, что жители Молдавіи и Валахіи, какъ Христіане и какъ близкіе ихъ сосѣди, были имъ довольно извѣстны,—они не усомнились обновить имя Скиѳовъ и прилагать оное симъ странамъ уже въ XI и даже XII столѣтіяхъ! Нападенія на Болгарію (какъ область съ 1018 г. Византійскую) съ сей стороны Дуная совершаемы были, твердятъ они, Скиѳами и Скиѳами, да и только! Этого еще мало: Не смотря на то, что Греки, къ своей бѣдѣ, слишкомъ знакомы

были съ Болгарами,—не смотря на то, что имя сего народа давно имъ было извѣстно,—не смотря на то, что значительная часть сего народа уже со временъ Іустиніана I сдѣлались Христіанами, согражданами и сосѣдями (въ Румеліи и Македоніи) Грековъ, сіи послѣдніе ни какъ не могли отучиться совершенно отъ называнія ихъ Скиѳами. Въ образецъ приведу слова *Іоанна Каменіата* (Vid. Mem. Popul. in Slavicis, pag. 95) изъ его Исторіи *Разоренія Ѳессалоники*. «Поля (или область) Ѳессалоникскія», говоритъ онъ, «заключаютъ въ себѣ разные небольшіе города, изъ коихъ иные въ зависимости отъ города» (Ѳессалоники, т. е. отъ Византійцевъ), «и платятъ дань, какъ, напримѣръ, *Дрововичи* и *Загудаты* (?) (Δρουγουβιται και Σαγουδατοι); иные же платятъ дань сосѣднему *Скиѳскому* народу» (Болгаріи, тогда владѣвшей Македоніею), «недалеко отсюда находящемуся. Впрочемъ, городки наши довольно населены, и, поелику торговля ихъ въ тѣсной связи съ торговлею Скиѳовъ» (Болгаріи), «то Ѳессалоняне имѣютъ чрезвычайныя выгоды, тѣмъ болѣе, что оба народа» (обѣ Державы) «давно уже живутъ въ согласіи, давно уже, какъ и нынѣ, поддерживаютъ и поощряютъ обоюдную торговлю; сему пособляетъ еще то, что многія рѣки, и изъ нихъ довольно великія, вытекающія *изъ Скиѳіи*» (т. е. изъ Балканскихъ и Албано-Македонскихъ горъ къ югу, въ направленіи къ Салоникѣ), «привозятъ городу множество пищи и богатства.» Видите ли, Мекедонія превратилась въ Скиѳію потому только, что не принадлежала Грекамъ! Не очевидно ли, что слово *Скиѳы* у Грековъ значило *чужіе, не-Греческіе, иностранные, иноплеменники*, и есть synonymon Латинскаго *barbarus*. (Слово Βαρβαροι перенято въ Греческомъ

отъ Римлянъ.) Итакъ, если слово *Скиѳъ* не воспрещало Болгарину въ X вѣкѣ быть Болгариномъ же, то что̀ могло препятствовать не-Греку (Скиѳу) на Днѣпрѣ въ V Столѣтіи быть *Русскимъ* *)?

15) Наконецъ, бытность Болгаръ, какъ Славянскаго племени, на Волгѣ въ IV, III и прочихъ столѣтіахъ, такъ ясно оттѣняетъ бытіе въ то же время въ собственно такъ-называемой Руси другаго Славянскаго племени (Россіянъ), что надобно быть самымъ закоснѣлымъ педантомъ, чтобы не повѣрить, что Меланхлены, Сарматы, или Скиѳы Днѣпровскіе, или Роксоланы, суть *Россы* или *Русскій* народъ.

А) Подъ какими нарицательными именами искони слылъ Русскій народъ?

Кажется, это уже довольно ясно изъ предшествующаго, и новыя объясненія будутъ излишни и скучны. Впрочемъ, пожалуй, сдѣлаемъ, въ родѣ оглавленія (recapitulationis instar), замѣчаніе. Вообразите себѣ оба Славянскія племени, Россіянъ и Болгаръ, на ихъ мѣстахъ. Греки тогда уже называли ихъ Скиѳами, когда Римляне не были знакомы еще съ Дунаемъ. Только около Рождества Христова стало входить въ обыкновеніе слово *Савроматы*, Ящероглазые. Въ I и II столѣтіи стало возрастать любопытство Римлянъ и

*) Или, если подъ извѣстіями писателей II вѣка объ Эстахъ и Финнахъ допущены (разумѣется справедливо) нынѣшніе Чухонцы или Чудь Несторова, то, спрошу, по какой причинѣ не допустить и Русскій народъ, какъ болѣе многочисленный, подъ нарицательными же названіями?

Грековъ. Появившіеся нѣкоторые отличные Историки и Географы сихъ временъ старались болѣе проникнуть въ сію обширную страну. Не смотря на сіе, имена *Скиөы* и *Сарматы*, утвержденныхъ употребленіемъ, отвергнуть не захотѣли, и Ящероглазія осталась въ полной мѣрѣ. *Страбонъ* раздѣляетъ ее на Ящероглазію *Европейскую* или Большую, т. е. Русь, и *Азіатскую*, т. е. Волжскія жилища Болгаръ. Посему, оба племени наравнѣ участвовали въ семъ имени,—однако, кажется, такъ, что дѣла Сарматовъ на Днѣстрѣ или на Дунаѣ принадлежатъ Ростіянамъ, а на Черномъ морѣ, въ Тавридѣ, Кавказѣ, болѣе Болгарамъ.

Замѣтимъ, что имя Sarmatae исключительно принадлежитъ, кромѣ Болгаръ, Россіянамъ; предѣлъ Русскаго народа къ Юго-Западу была рѣка Висла; это ясно видно изъ первыхъ извѣстіій Русской Исторіи; и нынѣ еще Русское племя, въ качествѣ коренныхъ жителей, примыкаетъ къ рѣкѣ Вислѣ. Мнѣ кажется, что Мало-Россовъ въ Царствѣ Польскомъ, преимущественно въ нынѣшней Люблинской губерніи или Хелмской Русской Эпархіи, живетъ слишкомъ 600,000 человѣкъ, которые въ глазахъ Русскихъ ученыхъ потому только не Россы, что, къ несчастію, мало имъ извѣстны, или потому-что, по волѣ Поляковъ, вѣрили въ Папу! Собственная же колыбель Славяно-Польскаго племени находится по ту сторону Вислы. По свидѣтельствамъ всѣхъ почти древнихъ, Висла отдѣляла Братовщину отъ Ящероглазіи. По сему, Поляки имѣютъ полное право на имя *Germanorum*, но не имѣютъ ни какого на *Sarmatarum*, въ чемъ провинились многіе, и даже Русскіе пѣвцы 1812 года, называя корпусъ Понятовскаго Сарматами.

Между тѣмъ, описывавшіе Сармацію ввели много еще другихъ названій, болѣе частныхъ. Здѣсь мы взглянемъ на обстоятельство, подавшее поводъ къ

происхожденію множества мѣлкихъ народныхъ названій. Обыкновенно, при методическомъ описаніи какого-либо государства, смотрятъ на раздѣленіе онаго на большія области, а сихъ на меньшія части. Разумѣется, что сіи области имѣютъ свои собственныя названія, отъ чего бы онѣ взяты ни были; и описаніе дѣлается понятно. Древніе землеписцы, не имѣя свѣдѣнія о настоящемъ Статистико-политическомъ раздѣленіи Государствъ, не зная названій самыхъ областей, и долженствуя, при описаніи цѣлаго, дѣлать подраздѣленія онаго, стали раздѣлять на части не страну, а самый народъ, и симъ-то частямъ народа давали особыя названія, взятыя отъ разныхъ предметовъ или мѣстъ, ими обитаемыхъ. Такое именно раздѣленіе и описаніе Россіи сдѣлалъ и Несторъ; онъ, какъ извѣстно, Россіянъ (Россію) раздѣляетъ на Полянъ, Радимичей, Вятичей, Деревлянъ, Дулѣбовъ, Бужанъ, Суличей, Тиверцевъ, Хорватовъ, Сѣверянъ, Дреговичей, Кривичей, Полочанъ, Новгородцевъ. Какая куча народцевъ! или, подъ сколькими именами одинъ Русскій народъ! Итакъ, сіи имена суть просто *мѣстныя* или Географическія, и нынѣ замѣняются названіями самихъ областей или Губерній. Подобнымъ образомъ описывали Сармацію и Страбонъ, Помпоній Мела, Птолемей, Плиній и другіе, болѣе или менѣе. Разумѣется, что выдуманныя ими *мѣстныя* названія столь же странны, какъ и общее имя Скиѳовъ, или Ящероглазыхъ; такъ, напримѣръ: *Тавры*, *Киммеріяне*, *Дромиты*, *Амаксовіи*, *Скирры*, *Меланхлены*, *Макрокефалы*, *Андрофаги*, *Агатирсы*, *Тиссагеты*, *Тирагеты*, *Бастарны*, *Массагеты*, *Аланы*, *Иперборей* и проч., коихъ можно насчитать цѣлыя сотни. Большая часть сихъ *мѣстныхъ* названій составлена изъ Греческихъ

словъ. И въ Русскомъ ихъ переводѣ видно, какія это чудовища, какую обильную пищу могутъ дать педантамъ-толкователямъ, еслибъ имъ вздумалось принимать сіи безтолковыя прозвища за столько же особенныхъ народовъ. Впрочемъ, описаніе Сармаціи упомянутыхъ Географовъ такъ коротко и неясно, что едва ли можно въ немъ добиться толку. Ибо трудно угадать, въ какомъ значеніи принимаемы были Меланхлены, Макрокефалы, Скирры, и пр., кои суть не мѣстныя. Главное дѣло въ томъ, что сіи и другія названія суть просто частныя общаго имени Ящероглазыхъ и притомъ непостоянныя. Онѣ не переживаютъ даже столѣтія; ибо на мѣстѣ ихъ у писателей слѣдующаго столѣтія находятся уже совсѣмъ другія, напримѣръ, IV, V и VI столѣтій, какъ видѣть можно у Приска, Прокопія, Іорнанда и проч. Изъ сего явствуетъ, что всякій писалъ и чеканилъ новыя названія по собственнымъ понятіямъ. Что же касается до Историковъ, описывавшихъ нападенія на Имперію, то они придерживаются только общаго имени Скиѳовъ и Ящероглазыхъ. Замѣтимъ, что Греки имѣли еще одно имя, которое они употребляли въ значеніи общаго. Это *Геты*, изъ коего сдѣлали нѣсколько, извѣстныхъ уже, *мѣстныхъ* названій. Такъ въ восточной Венгріи Гетовъ именовали *Тисси*гетами, Днѣстряковъ *Тири*гетами, а Болгаръ на Волгѣ *Масса*гетами, Днѣпряковъ *Ворисѳенитами*, Донцевъ *Танаитами*.

Теперь раждается вопросъ: Между столькими названіями, не попали ли Греки гдѣ-либо и на собственное имя Россіянъ? Кажется, что да. Массагетовъ именовали они иначе Алавнами или Алаунами, Аланами; Гетовъ же Днѣпровскихъ и Днѣстровскихъ, для отличія отъ Алановъ, называли и Роксоланами (*Росс*-ала-

нами, *Россо*-аланами). Страбонъ говоритъ, что сіи Россаланы сильный и многочисленный народъ, и нѣкогда велъ жестокую войну съ Митридатомъ. Они же дрались чрезвычайно храбро съ Римлянами на Дунаѣ. Въ Римскихъ лѣтописяхъ нѣсколько разъ появляется война Римлянъ съ именемъ Россалановъ. Впрочемъ, легко можно себѣ вообразить, что сіе имя не могло быть долговѣчнымъ; ибо Римляне долго не могли отвыкнуть отъ Ящероглазыхъ и, разумѣется, что возобновленная Россаланами съ Римлянами война, по принятому уже обыкновенію, опять названа *Сарматскою*, или войною съ *Даками* (такъ Римляне называли Греческихъ Гетовъ), какова была подъ начальствомъ Траяна, или опять *Ящероглазьею*, въ которой такъ храбро сражался Константинъ Великій. Итакъ, всѣ упомянутыя частныя названія Сармаціи падаютъ на Русскій и Болгарскій народъ, смотря по мѣстоположенію. Изъ числа сихъ частныхъ было и слово *Гунны* или, лучше, *Унны*, принадлежавшее сначала однимъ Болгарамъ, и передѣланное изъ *Алауни*, *Алаунни*. Въ IV столѣтіи, при распространеніи Болгарскаго оружія по всей Руси, имя *Унновъ* сдѣлалось гораздо громче, и стало соперничествовать съ именемъ Готовъ. Въ сію самую пору прекратилось имя *Сарматы*. Въ V вѣкѣ имя Гунновъ сдѣлалось общимъ и народнымъ, и, по милости Приска, вскормило подъ своими крыльями новыя мѣстныя прозвища. Итакъ, поелику имя Сарматовъ, и всѣ почти его мѣстныя, вышли изъ употребленія, и поелику вмѣсто нихъ имя Гунновъ получило столь обширное значеніе не только въ Дакіи, но и въ Руси; то очевидно, что Русскій народъ, лишенный прежнихъ своихъ прозвищъ, и составлявшій съ Болгарами одно политическое тѣло,

слылъ долго подъ названіемъ Гунновъ наравнѣ съ Болгарами. Между тѣмъ, какъ *мѣстныя* названія Гунновъ стали быть громче и громче, какъ имя *Гунн*ы въ свою очередь, уступая гласности своихъ мѣстныхъ, долженствовало исчезнуть и исчезло, то Русскій народъ большею частью поступилъ подъ мѣстное его названіе, а именно, павшее на Русь; это *Акатиры*, или *Козаре*, которое прикрывало Россіянъ отъ взора Грековъ до правленія Олега. Наконецъ, происшедшее раздѣленіе между Болгарскимъ и Русскимъ народами, или, отпаденіе Русскихъ отъ Козаръ, или, возстановленіе независимости и собственнаго Государства Руси, было то явленіе, которое заставило Грековъ тотчасъ познакомиться съ собственнымъ именемъ сей новой державы.

Вотъ вкратцѣ о разныхъ именахъ нарицательныхъ, коими покрываемы были попеременно Россы. Надѣюсь, что Историки, при описаніи разныхъ событій, опишутъ это обстоятельнѣе. Впрочемъ, сія статейка, обработанная обстоятельнѣе, можетъ представить весьма важное и обширное Историко-Критическое разсужденіе. Въ заключеніе скажу въ-видѣ Аксіомы: Вообразите себѣ то время, въ которое многочисленные Болгаре, наполняющіе Европейскую Турцію и отчасти Анатолію, находились еще на Волгѣ въ непосредственной связи съ Русскимъ народомъ; вообразите себѣ то обширное пространство, которое должно было заключать въ себѣ сіи два многочисленныя племена, то сами усмотрите, что свѣдѣнія Географовъ первыхъ двухъ столѣтій не переходили за предѣлы сихъ двухъ племенъ, и что вся почти тьма Скиѳскихъ прозвищъ падаетъ исключительно на сіи два племена, если исключить тѣ свѣдѣнія, которыя имѣли Римляне (а не Греки) о Латышахъ и Чухонцахъ.

Б) Отношеніе Болгаръ къ Россіянамъ въ строгомъ смыслѣ.

Мы видѣли общее отношеніе между сими двумя племенами. Теперь постараемся проникнуть глубже въ существо сего вопроса, соображая существенныя черты народности: а) *народное названіе*, б) *языкъ*, в) *нравы и обычаи*, г) *жилища* или *колыбель*.

а) Народное названіе.

Если обратить строгое вниманіе на имя *Россовъ* и *Болгаръ*, то первое только есть собственно *народное*, ничѣмъ не объяснимое; послѣднее же, объяснимое, собственно не *народное*, а *мѣстное*, и въ номенклатурѣ народныхъ именъ стоитъ на той же степени, какъ и Несторовы *Радимичи*, *Вятичи*, *Суличи*, *Поляне*, *Деревляне* и пр. и только употребляется вмѣсто собственно-народнаго. Какое же было народное имя Болгаръ или, все равно, Волжанъ? Безъ всякаго сомнѣнія, *Россы*. Слѣдовательно, мѣстное имя *Болгаре* есть видовое имени Россовъ, т. е. Болгаре такой же Русской народъ, какъ и Поляне, Деревляне, Радимичи и пр. Итакъ, Болгаре въ отношеніи къ Славянскому роду ни чуть не составляли особеннаго племени, а заключались въ Русскомъ.

Почему сія Волжская часть Русскаго народа удержала за собою мѣстное названіе, которое стала употреблять въ качествѣ народнаго, весьма легко понять, если вспомнить, что такое явленіе случалось и у другихъ Европейскихъ народовъ. Кто не знаетъ, что часть Латинскаго или Италіанскаго народа приняла мѣстное названіе *Римлянъ*, которое впослѣд-

ствія приняли и прочіе Латины. Сіе же самое имя удержали и по нынѣ въ качествѣ народнаго Италіанскіе поселенцы въ Дакіи (потомки ихъ въ Трансильваніи, Валахіи, восточной Венгріи), извѣстные намъ подъ нарицательнымъ именемъ *Волоховъ*. Не смотря на то, что Волохи употребляютъ имя Римлянъ въ значеніи собственнаго, часть сего же самаго Латино-Волошскаго племени приняла вмѣсто онаго другое мѣстное (отъ рѣки, а послѣ и страны Молдовы), *Молдованъ*, и языкъ свой, настоящій Волошскій, именуетъ Молдованскимъ. Подобнымъ образомъ Римляне въ Испаніи приняли мѣстное *Испанцевъ*, во Франціи *Французовъ*. (Замѣчательно, что изъ Италійскихъ колоній, выведенныхъ за границу, одни только Волохи удержали названіе Римлянъ.)—То же самое происходило и между Нѣмецкими племенами. Возьмемъ одно изъ нихъ — *Боевъ*, коихъ Исторія открываетъ въ Баваріи, по крайней мѣрѣ, уже около V столѣтія. Это племя съ IX столѣтія развело свои колоніи въ разныя сосѣдвія области, какъ въ Швейцарію, Тироль, и *Словенію*. Сіи поселенцы нынѣ не называются собственно народнымъ своимъ именемъ *Бойевъ* или *Боварцевъ*, а мѣстными: Schweitzer, Tyroler, Oesterreicher и пр. Такъ и другое Нѣмецкое племя, *Саксы*, развелось по сѣверной Германіи, и приняло названіе тѣхъ областей, въ которыхъ поселилось; Саксы въ землѣ Прусаковъ приняли имя даже сего народа. Вообще, Нѣмцы съ удовольствіемъ принимаютъ *мѣстныя* названія. *Саксъ*-Прусскій драться готовъ съ Саксонцемъ за честь своего (Прусскаго) имени и т. д. Впрочемъ, такъ они раздѣлываются между собою; а если дѣло идетъ съ иноплеменникомъ, то Прусакъ, Саксонецъ, Гановерецъ, Баварецъ, Баденецъ, Австріецъ, Русскій и Французскій подданный принимаются за общее обоимъ племенамъ (Бойямъ и Саксамъ) названіе *Дайчера*. Замѣтимъ однакожъ, что выходцы изъ сихъ племенъ, слишкомъ рано и далеко отъ родины зашедшіе на поселеніе, не признаютъ болѣе ни племеннаго своего имени, ни общаго Дайчеровъ; такъ *Саксы*, переселенные Карломъ Великимъ въ страну, именуемую Нѣмцами Hohl-Land (нынѣ

Holland) и Nieder-Land, т. е. *Низовьемъ,* нынѣ называютъ себя только Holländer, Niederländer (Низовцами), т. е. *мѣстнымъ* именемъ, замѣнившимъ у нихъ мѣсто народнаго — Очевидно, что часть Русскаго народа, весьма рано отдѣлившаяся отъ собственной Руси, могла удержать за собою мѣстное названіе *Болгаръ* въ качествѣ народнаго.

Замѣть кстати. Высокая древность мѣстныхъ именъ у Европейцевъ показываетъ, что съ незапамятныхъ временъ они вели уже жизнь осѣдлую, какъ бы приросшіе къ мѣстамъ (которыми только и отличались между собою, на примѣръ, части одного племени). — Посему, несправедливо воображаютъ себѣ, кажется, въ древней Европейской Исторіи какую-то бродящую, Номадическую кутерьму; и еще несправедливѣе принимаютъ просто-военное V столѣтіе за какое-то общее переселеніе народовъ, Migratio Gentium! migratio Gentium! *Или, на оборотъ, другая черта:* Вѣчно кочевые потомки Азійскаго корня не имѣли и почти до сихъ поръ не имѣютъ мѣстныхъ названій, а отличаются только племенными именами; даромъ, что мы называемъ ихъ, по мѣстамъ, Бухарцами, Хивинцами.

б) Языкъ.

Казалось, что различіе въ именахъ *Россы* и *Болваре* противится понятію о тожествѣ народности обоихъ племенъ; но мы объяснили это мнимое противорѣчіе. Теперь, кажется, что препятствуетъ оному еще различіе въ языкѣ или нарѣчіи. Конечно, между нынѣшнимъ Русскимъ и Болгарскимъ языкомъ довольно чувствительная разница; но она необходимо должна была произойти по причинѣ другихъ жилищъ и продолжительной, такъ сказать, разлуки. Совершенно подобное сему произошло и въ другихъ народахъ, у коихъ измѣненіе языка еще ощутительнѣе. Саксонецъ

едва ли пойметъ нынѣ Голландца, или другаго кого-либо изъ своихъ сосѣдей; и даже въ самой Германіи жители одной округи ни какъ не понимаютъ жителей другой, не смотря на то, что оба одного и того же племени, носятъ одно и то же народное имя. Летскій языкъ на небольшомъ пространствѣ раздѣлился на разныя нарѣчія въ Лифляндіи, Курляндіи, Литвѣ и Пруссіи *). Подобнымъ образомъ и языкъ Италовъ раздѣлился на нѣсколько нарѣчій, изъ которыхъ одно впослѣдствіи удостоилось быть письменнымъ, высшихъ обществъ, ученыхъ, а посему, и книжнымъ, судебнымъ, и которое называемъ Латинскимъ, распространившимся (разумѣется, въ высшихъ обществахъ) не только въ Италіи, но и по всей Европѣ.

Итакъ, надо было ожидать, что Русскій языкъ распадется на нарѣчія, тѣмъ болѣе, что занималъ огромное пространство, съ береговъ Вислы за берега Волги, отъ предѣловъ Чуди до горъ Карпатскихъ и Серета или Прута. Очень естественно, что Волжанамъ ни чуть не мѣшало быть Россами то, что они не выражались именно такъ, какъ *Бужане* или *Волыняцы*. Еще болѣе: Если ощутительная разница между Болгарскимъ и собственно-Русскимъ нарѣчіями бросается въ глаза, то замѣтьте, что и въ самомъ собственно-Русскомъ есть тоже большой разрывъ. Русскій языкъ, извѣстно, распался на Велико-Россійское и Мало-Россійское нарѣчія. Теперь взвѣсьте разницу между обоими! . . . Она велика, и не меньше той, которую найдете между В-Русскимъ и Болгарскимъ,

---

*) См. Статью Венелина: «Окружные жители Балтійскаго моря, т. е. Леты и Славяне», въ чтеніяхъ въ М. Ист. Общ. втор. г., 1846—1847; № 17. *Изд.*

или между М-Русскимъ и Болгарскимъ. Сія ощутительная разница, однако, ни Мало-Россамъ, ни Велико-Россамъ ни чуть не мѣшаетъ быть Россами же, слѣдовательно и Болгарамъ Волго-Россами же.—Мало-Русское нарѣчіе имѣетъ чрезвычайное сродство съ Болгарскимъ; почти тотъ же духъ и тѣ же обороты (что яснѣе выкажется изъ сравненія ихъ съ другими Славянскими нарѣчіями). Въ свою очередь, и Велико-Русское имѣетъ свою особенную связь съ Болгарскимъ, который Мало-Русское уже не имѣетъ. Причина сего взаимнаго сродства зависитъ очевидно отъ географическаго положенія народа. Болгаре, вдоль по Волгѣ и по Дону, были въ соприкосновеніи наравнѣ съ Велико-Россами и съ Мало-Россами. В-Русское въ обширной своей окружности уже уклоняется тамъ и сямъ отъ своего ствола, и показываетъ нѣкоторыя особливыя черты или зародышь, такъ сказать, будущаго нарѣчія. Примѣръ тому: наши нынѣшніе Велико-Русскіе *Волжане* или *Волгари* успѣли уже, въ нѣкоторыхъ своихъ выраженіяхъ и словахъ, сдѣлаться непонятными для Москвитянъ. То же должно сказать о Мало-Русскомъ и Болгарскомъ. Итакъ, Русскій языкъ раздѣляется на три главныя нарѣчія: *Велико-Русское*, *Мало-Русское* и *Волго- Русское*, т. е. Болгарское.

Замѣт. 1) Изъ ощутительной разницы между сими нарѣчіями и 2) ихъ обширности явствуетъ вообще, что древность существованія Русскаго народа равна древности имени Скиѳіи, если не превышаетъ ее. Въ драгоцѣнномъ памятникѣ Болгарскаго нарѣчія IX столѣтія (Св. Писаніи) видно, что оно тогда уже въ полной мѣрѣ было нарѣчіемъ; и не удивительно, что путешествовавшій въ то время на Волгу Арабъ почиталъ нарѣчія Козаръ и Болгаръ однимъ и тѣмъ же, но различнымъ отъ Русскаго. Впрочемъ, прежде нежели Болгаре

наполнили Дакію и Задунайскія страны, въ IV, III, и пр. столѣтіяхъ, разница Болгарскаго нарѣчія отъ Велико-Россійскаго и Мало-Россійскаго была, вѣроятно, меньше, и чѣмъ глубже въ древность, тѣмъ всѣ онѣ были ближе къ своему корню, къ единству Русскаго языка. Сею продолжительностію времени и можно только объяснить развитіе языка и образованіе его нарѣчій. Языкъ самъ собою измѣняется не легко и не скоро, преимущественно въ такомъ климатѣ (какъ на Руси), гдѣ говорятъ тихо и внятно. Полдюжины столѣтій пролетитъ, и едва можно замѣтить что-нибудь достойное замѣчанія. Въ жаркихъ климатахъ, гдѣ говорятъ скоро, измѣненіе происходитъ нѣсколько чувствительнѣе, что́ именно дѣйствовало съ IV по XIX вѣкъ на Болгарское нарѣчіе. — Мнѣніе нѣкоторыхъ писателей-Историковъ объ измѣненіи языка въ короткое время, происходящемъ, какъ думаютъ, отъ смѣшенія, принадлежитъ къ Историко-волшебнымъ явленіямъ. Вообще, болѣе естественное, изложенное теперь, понятіе о времени развитія Русскаго языка и раздѣленія его на нарѣчія подтверждаетъ вполнѣ Историческое положеніе о Русскомъ народѣ, какъ *старожиломъ* въ Скиѳіи.

в) Нравы, обычаи и пр.

Характерическія черты Славянскихъ племенъ, въ какомъ бы то отношеніи ни было, раздѣлить можно 1) на *общія*, принадлежащія всѣмъ, 2) на *частныя* или свойственныя которому-либо изъ нихъ. Сіи послѣднія служатъ непреоборимымъ доказательствомъ единородства двухъ какихъ-либо отраслей (на-пр., Россовъ и Болгаръ), и суть одного достоинства для изъискателя съ *именемъ* народнымъ и *языкомъ*.

1) *Религія.* Всѣ Славянскія племена отличались *многобожіемъ*.

Многобожіе, наравнѣ съ многими другими чертами народными, есть непосредственное и естественное слѣдствіе *освѣд-*

лой-хозяйственной жизни. Разнообразіе хозяйственныхъ занятій расширяетъ кругъ воображенія, понятій, а посему и языка, и представляетъ поводы къ возбужденію страстей гораздо чаще, чѣмъ однообразное занятіе жизни кочевой. Земледѣлецъ домовитый въ кругу своихъ дѣйствій имѣетъ множество цѣлей и множество препятствій въ достиженіи оныхъ. Онъ нерѣдко изнемогаетъ подъ ними тѣломъ или душею, и въ немощи своей первое движеніе его сердца *есть обращеніе къ какой-то невидимой силѣ, превышающей его человѣческую*; онъ призываетъ ее на помощь себѣ; даетъ ей названіе. И вотъ начало Боговъ-покровителей! И сіе самое понятіе о благоволеніи высшемъ дало начало и неблаговоленію, т. е. злымъ божествамъ. Вотъ причина многобожія у народа осѣдлаго; между тѣмъ, какъ кочевой, при единствѣ своей цѣли, скудости занятій и нуждъ, тащась по степи за своей скотиной, *изъ пустодумья, безпечно засыпаетъ*. Это Физіолого-нравственное замѣчаніе о человѣкѣ, кажется, вполнѣ подтверждается *Многобожіемъ* Европейцевъ и *Малобожіемъ* Азійцевъ-кочевыхъ. Венгерскія Лѣтописи упоминаютъ только объ одномъ божкѣ *Мадяровъ*, своихъ предковъ, коего не знаютъ и имени. Равнымъ образомъ древность молчитъ о Миѳологіи Татаро-Турецкихъ племенъ. Впрочемъ, странно и замѣчательно, что и Миѳологія Нѣмецкихъ племенъ довольно скудна. Что сказано Римскими писателями, на пр. Цесаремъ, Тацитомъ и прочими, на счетъ Боговъ Германіи, того нельзя приписывать безусловно Нѣмцамъ, тѣмъ болѣе, что уже въ VIII столѣтіи Исторія открываетъ Славянъ въ Германіи почти до Рейна. Миѳологія собственно Нѣмецкихъ племенъ должна была быть описана во время ихъ крещенія въ VIII и IX столѣтіи; но изъ нея извѣстно не много, и едва ли только по одному божку досталось каждому ихъ племени (Саксонцамъ и Боіямъ). Причина тому уже извѣстна. Карлъ Великій засталъ Саксонцевъ въ Ордахъ; ему стоило много труда, какъ говоритъ Шлецеръ, отучить ихъ отъ кобылиной сыворотки и конины. Они дѣйствительно не могли заниматься земледѣліемъ

въ скудной, пещано-болотистой своей древней Саксоніи, находившейся между устьемъ *Элбы* и *Рейна*. Итакъ, *Многобожіемъ*, слѣдственно и земледѣліемъ, отличались Славяне, Латины и Греки.

Замѣть. Многобожіе у Россіянъ, бывшее съ давнѣйшихъ временъ, служитъ непреоборимымъ доказательствомъ земледѣльческой ихъ жизни, предшествовавшей, разумѣется, началу самихъ боговъ. Что за вздоръ воображать какое-то движеніе между племенами Скиѳіи, которое родилось въ головѣ единственно отъ поверхностнаго взгляда на мелкія мѣстонарицательныя прозвища, мелькавшія надъ оною! Довольно: Геродотъ, жившій давно до Р. Хр., пальцомъ указываетъ на *Скиѳовъ земледѣльцевъ*, на коихъ тѣмъ же пальцемъ мѣтитъ и Многобожіе Русскаго народа, который по всей Скиѳіи, не смотря на пылкое воображеніе запоздалаго потомства, неподвижно переживалъ вѣки вѣковъ подъ покровительствомъ добрыхъ боговъ своихъ и домовыхъ.

Многобожіе Славянъ было не вездѣ тожественно. Иное племя имѣло иныхъ боговъ, другое другихъ; посему, всякое имѣло свою собственную Миѳологію. Сіи Миѳологіи, по бо́льшей части, опущены изъ памяти вмѣстѣ съ древней Исторіей сихъ племенъ; сохранились только отчасти Миѳологіи Россіянъ и Славянъ Германіи, но несходныя между собою. Болгаре имѣли однихъ Русскихъ боговъ и самыя Русскія повѣрья, о чемъ подробнѣе въ другой разъ; ergo . . . Болгаре суть часть Русскаго народа.

2) *Обычаи.* Нѣкоторыя обыкновенія Болгаръ, замѣченныя Прискомъ, на примѣръ: а) вышивать рубашки крашениной, или даже носить цвѣтныя, б) остригать волосы въ кружокъ, в) употребленіе предъ обѣдомъ горячихъ напитковъ, г) порядокъ при угощеніи, д) образъ убирать комнаты утварью, е) обыкновеніе встрѣчать Государей съ *хлѣбомъ-солью*, ж)

пиршества послѣ похоронъ, ежегодная *тризна*, з) бани, и) напитокъ изъ муки или отрубей (квасъ), і) многія собственныя имена лицъ, мѣстъ и чиновъ, бывшія только у однихъ Болгаръ и Россіянъ, суть собственныя черты Русскаго народа, и вполнѣ подтверждаютъ *Россизмъ* Болгаръ, доказанный предшествовавшими доводами.—Упомянутыя черты, если исключить, можетъ быть, одну или двѣ, не принадлежали прочимъ Славянскимъ племенамъ; ergo. . .

г) Жилища или колыбель.

Наконецъ, одно изъ самыхъ убѣдительныхъ доказательствъ тожества Россіянъ и Болгаръ есть тожество ихъ жилищъ или колыбели.

В) Заключеніе.

Значительной части Славянскаго народа, уже при первомъ его развитіи, слѣдственно, при первомъ заселеніи Европы, т. е. искони, досталась обширная страна между *Вислою*, цѣпью Карпатскихъ горъ, частью Дуная и Волгою, на извѣстное пространство къ Сѣверу. Это былъ Русскій народъ или племя.

Благодѣтельное изобрѣтеніе письменности явилось тогда, когда родъ человѣческій уже распространился далеко. Письмена медленно переходили отъ народа къ народу, и долго, долго оставались только у малочисленныхъ Грековъ, у коихъ почти и родились. Изъ великой Греціи (Южной Италіи) достались они въ нѣсколько измѣненномъ видѣ *) въ ново-возраставшій

*) См. статью Венелина: «О времени рожденія названій: Греческое, Латинское, Нѣмецкое, Русское или гражданское, Сла-

Римъ. Тамъ остановились на долго опять, и остались бы навсегда, если бы Римскій штыкъ не проложилъ имъ дороги изъ Италіи въ сосѣднія страны, павшія во владѣніе властолюбивыхъ Латиновъ.

Спасительная Христіанская Религія озарила наконецъ Европу, и даровала намъ все, чѣмъ гордится XIX вѣкъ предъ всѣми прошедшими. Но какъ поздно! а Исторія явилась еще позже! Всѣ Европейскіе народы, очевидно, для поясненія своей Исторіи до появленія письменъ, принуждены обратиться къ сочиненіямъ Грековъ и Римлянъ. Къ несчастью, Греки, заключенные въ островахъ, а на твердой землѣ окруженные морями и отдаленными сѣверными (т. е. Балканскими) горами, не могли получить ясныхъ и вѣрныхъ свѣдѣній о всѣхъ странахъ міра. Раздѣленные на множество независимыхъ штатовъ, и составляя собственную политическую систему или міръ, они всегда занимались исключительно собственными дѣлами; впродолженіе столѣтій не заводили ни какихъ важныхъ дѣлъ съ чужими народами, и тѣмъ избѣжали короткаго съ ними знакомства. Съ другой стороны, огражденные природою и искуствомъ, Греки пользовались безопасностію и потому, что современнымъ Европейскимъ племенамъ было еще просторно въ ихъ жилищахъ, и онѣ не нуждались въ завоеваніяхъ.

Итакъ, древнія свѣдѣнія Грековъ о другихъ народахъ были довольно скудны, и ограничивались берегами Средиземнаго моря: какъ Анатоліею, Сиріею, Египтомъ, Кароагеномъ, южною Италіею, Сициліею и т. д. Они мало знали даже о Латинскихъ племенахъ, жителяхъ

вянское или церковное письмо.» Тамже, втор. г., 1846 — 1847 № IX. *Изд.*

сѣверной Италіи, пока, впослѣдствіи, Римъ не далъ имъ сильно почувствовать о себѣ; Востокъ имъ былъ извѣстенъ въ отношеніи къ Мидійской, а послѣ къ Персидской Державѣ, нѣсколько разъ покушавшейся на ихъ независимость. Свѣдѣнія Грековъ, прямо къ Сѣверу, не простирались далѣе Дуная, и вся страна по сію сторону онаго осталась бы для нихъ неоткрытою, если бы Архипелагъ не ввелъ ихъ въ устье не только Дуная, но Днѣпра и Дона. Черное море было преддверіемъ Греціи, въ которое попасть не стоило труда; ибо съ острововъ Самоѳракіи, Лемноса, Митилена, Хіоса, почти прямо видѣть можно оное чрезъ широкій каналъ. Слѣдственно, Греки имѣли свободный, безопасный путь ко всѣмъ берегамъ Чернаго моря, который испытали они уже за 1,200 лѣтъ до Рождества Христова. По берегамъ-то Чернаго, равно какъ и Средиземнаго моря разсадили они свои колоніи; съ сѣверо-западныхъ-то береговъ *Чернаго* они увидѣли необозримыя страны, лежащія по сію сторону Дуная на неизвѣстное имъ пространство къ Сѣверу; они ее назвали *Скиѳіею* (по-Русски *Чудью*), а жителей ея *Скиѳами*, т. е. Чуждыми. Виноваты ли Греки, что съ перваго взгляда не назвали ихъ собственнымъ именемъ? Древніе народы называли взаимно одинъ другаго нарицательными прозвищами. Виноваты ли и Славяне, что Дайчеровъ прозвали *Нѣмцами*; виноваты ли Дайчеры, что Славянъ (не всѣхъ, а только имъ извѣстныхъ, т. е. сосѣдей) назвали *Вендами*; виноваты ли Латины, что обширную страну, лежащую отъ Италіи прямо къ Сѣверу, назвали *Братовщиной*, а жителей *Братскими*; виноваты ли Россіяне, что короткихъ своихъ знакомыхъ, Мадяровъ, прозвали *Уграми*, Римскихъ поселенцевъ въ Дакіи

Волохами, Сомалайновъ *Чудью*, *Чухонцами*? Удивительно ли, что Греки долго привязаны были къ имени *Скиѳы*, когда мы сами и по нынѣ не отучились отъ употребляемыхъ нами *нарицательныхъ* извѣстнѣйшихъ намъ народовъ! Однако же Греки не столь виноваты. Имена нарицательныя, прилагаемыя ими жителямъ Руси, были шатки, и часто измѣнялись, пока, наконецъ, не замѣнены *собственнымъ*.

Итакъ, вотъ гдѣ начало Исторіи Русскаго народа, до появленія у него письменъ и собственныхъ лѣтописей, по свѣдѣніямъ Грековъ и Римлянъ. Я показалъ выше, только подъ какими именами должно искать подробныхъ свѣдѣній о Руси; надлежитъ собрать оныя и объяснить. (Это не входило въ кругъ моихъ изъисканій, касающихся только до главныхъ положеній Историческихъ.) Итакъ, не входя въ подробности, оставленныя разными Греческими и Латинскими писателями (жаль, что затерялась Исторія Скиѳіи Евнапія, изъ коего заимствовалъ кое-что Іорнандъ) о Скиѳіи и ея мѣстныхъ названіяхъ, вкратцѣ укажемъ на главныя черты Исторіи страны, по Гречески *Скиѳіи*, а по Скиѳски *Руси* *).

Между тѣмъ, какъ Греки смотрѣли на Русь упомянутымъ образомъ, Россы уже искони распространились по сей просторной Греческой Чуди, и раздѣлились на три нарѣчія или части, которыя и назовемъ по мѣстоположенію 1) *Сѣверною* (Велико-Россы), 2) *Южною* (Мало-Россы), и 3) *Восточною* или *Волжскою* (Волго-Россы или Болгаре). Народъ не

---

*) См. статью Венелина: «Мысли объ Исторіи вообще и Русской въ частности», тамъ же, втор. г., 1846—1847, № VIII. *Изд.*

подвергался, кажется, критическому положенію. Покушенія первенствовавшей нѣкогда Персидской Монархіи, въ царствованіе Кира, Ксеркса и Дарія, на его независимость были безуспѣшны. Быстрыя завоеванія Александра Великаго коснулись было и Скиѳіи, но дѣло окончилось тѣмъ, что, прибывъ на Донъ, онъ женился на Массагеткѣ *Роксанѣ* и возвратился съ женой домой.

Примѣчательно. Дунай одолженъ своимъ именемъ жителямъ, его окружавшимъ, безъ сомнѣнія Славянамъ; Греки, а за ними Римляне, его называли *Истромъ*; впрочемъ, Римляне выучились у Словенъ, своихъ подданныхъ, называть его и Славянскимъ названіемъ, но нѣсколько олатиненнымъ, *Danubius*. Примѣчательно чрезвычайное сродство имени Русскихъ рѣкъ съ именемъ Дуная: *Днѣстръ*, *Днѣпръ*, *Двина* или *Дина*, *Донецъ*, и *Донъ*. Кажется, видишь столько же разныхъ Дунаевъ, названныхъ однимъ народомъ. *Tanaïs* есть огреченное *Донъ*; *Tanaïs* извѣстенъ уже въ первыя времена Скиѳіи, и въ походѣ Александра Великаго.—Это бросаетъ на древность Руси сильный лучъ, довольно оттѣняющій въ Скиѳскомъ хаосѣ настоящій предметъ (Россовъ), тотъ самый который выше открылся намъ подъ именемъ Скиѳовъ.

Политическій перевѣсъ Римлянъ былъ нѣсколько тяжелѣе для Руси; ни Дунай, ни частыя драки на обоихъ берегахъ онаго, не могли воспрепятствовать Италіанцамъ завладѣть Дакіею и вгнѣздиться въ оной до самаго Днѣстра и Карпатовъ. Это было въ ту пору, когда Римское могущество достигало высочайшей степени, съ коей долженствовало снисходить обратно, и дальнѣйшая опасность со стороны онаго стала уменьшаться.

Между тѣмъ, возникъ на Сѣверо-западѣ Европы одинъ могущественный народъ, который съ упорствомъ воспрещалъ Римлянамъ переправу чрезъ Ду-

ный и Рейнъ, и даже самъ нападалъ на нихъ чрезъ сіи рѣки. Наступательныя его дѣйствія не ограничивались Римскою линіею; онъ дѣлалъ завоеванія кругомъ себя къ Сѣверу, Западу (III столѣт.) и Востоку.

Уже въ началѣ IV столѣтія сей могущественный народъ обратилъ оружіе свое на Русь, и жители ея, которые не задолго передъ тѣмъ (въ царствованіе Имп. Діоклетіана и Максиміана) пытались выгнать Римлянъ изъ Дакіи, теперь принуждены были сами защищаться; ибо дѣло шло уже о собственной ихъ независимости. Къ несчастію, враги предводительствуемы были ихъ Аннибаломъ, *Ерманарикомъ* *), и Русь, послѣ утомительной борьбы, пала подъ иго могущественнѣйшаго народа. (Онъ слылъ прежде подъ нѣсколькими именами, но съ нѣкотораго времени преимущественно подъ названіемъ Готовъ**). Самъ Іорнандъ утверждаетъ, что его Готы поразили и подчинили себѣ весь *Россо*ланскій народъ.

Послѣ столь значительной прибыли, завоеватели бросились на Римскую Имперію по всей сѣверной линіи отъ Чернаго моря до Атлантическаго. Римляне не удержали за собою мѣста борьбы и, уступивъ большей силѣ, потеряли навсегда всю Дакію, Британнію, значительную часть Франціи и Испаніи. Первенство и Диктаторство Римлянъ между народами міра оставило такимъ образомъ берега Тибра и переселилось къ Балтійскому морю.

---

*) Весьма замѣчательна аналогія сего знаменитаго имени съ именами другихъ двухъ особъ, не менѣе же знаменитыхъ, *Ермича*, Князя Аваровъ, Болгарина, осаждавшаго Константинополь въ 626 году (см. выше стр. 88), и *Ермака*, Россіянина, завоевателя Сибири.

**) См. замѣчаніе на стр. 104-ой, *Изд.*

Въ семъ политическомъ положеніи, Русь не могла ожидать ничего, кромѣ вѣчныхъ цѣпей. Могла ли она оглядываться за помощью тогда, какъ посѣдѣвшія подъ лаврами побѣдъ стройныя Римскія войска не выдержали борьбы, ослабли, и не дерзали болѣе поднять наступательнаго оружія? Или, развѣ могли чѣмъ-либо обнадѣжить ее внутренне-Азійскія Татаро-Монгольскія кочевыя, пастушескія Орды? Нѣтъ, Провидѣніе оставило ей одну только надежду, надежду на собственныхъ ея сыновей, привыкшихъ искони къ независимости своей отчизны. Да; Волжане, отважные Волжане первые дали сигналъ къ ея освобожденію, и, держа мечь въ правой рукѣ, лѣвую подали роднымъ своимъ братьямъ *Сѣвернымъ* и *Южнымъ*, и соединенными силами вырвавъ окровавленную родину изъ рукъ врага, изцѣлили ея раны. Посѣдѣвшій Готскій Аннибалъ прекратилъ себѣ жизнь, подобно Кароагенскому, собственными руками, чтобы не попасть въ руки праведныхъ мстителей.

Уже въ исходѣ IV вѣка почти вся Русь была освобождена; но воинственнымъ порывомъ ея сыновей уже не стало конца; они преслѣдовали Готовъ до самаго Дуная, и принудили ихъ искать убѣжища въ предѣлахъ Имперіи. Итакъ, Дакія, со временъ Траяна отнятая у Руси, теперь ей возвращена. Упрочивъ свою безопасность, собравшись съ силами, Русь скоро вознеслась на степень могущества и славы, которой можетъ только достичь многочисленный, первостепенный и хорошо устроенный народъ. Природа даровала ей геніальнаго юношу. *Тѣланъ* или *Аттила* въ юныхъ своихъ лѣтахъ, бывъ почти свидѣтелемъ освобожденія, подъ главнымъ предводительствомъ родителя, а послѣ и дяди своего *Реяна* или *Ревана* (Ῥεας), своей

родины отъ ига чужеземнаго, — бывъ свидѣтелемъ такихъ событій, которыя болѣе всего могутъ возбуждать въ пылкомъ юношѣ любовь къ отечеству, духъ героическій, предпріимчивый и дѣятельный, выросъ на войнѣ и жилъ только для войны.

Итакъ, Гунно-Аваро-Козарская держава собственно была Царство Русскаго народа, всего, а не одной какой-либо части онаго; ибо не возможно, чтобы одни Волжане могли возвыситься на такую степень могущества. Посему, сказанное (выше, стр. 105) о Гуннской державѣ: *Болгарія, Держава между Дунаемъ и Волгою*, должно замѣнить словами: *Россія, Держава между Дунаемъ и Волгою;* ибо имя *Гунны*, заступившее имена Сарматовъ и Роксоланъ и Скиѳовъ, означало и Болгаръ и Мало-Россовъ и Великороссовъ. Вообще, Греки покрывали именемъ Гунновъ всю упомянутую политическую массу; ибо они не умѣли и не могли различать ея частей, преимущественно когда Волжане, стремясь къ Западу и Югу, перемѣшались отчасти съ сѣверными, а болѣе съ южными Россами. Узнать, кто въ сей массѣ говорилъ Волжскимъ нарѣчіемъ, кто южнымъ, было для нихъ даже и излишне и безполезно. При соединеніи всей Руси и военныхъ движеніяхъ народа, части онаго, разумѣется, смѣшивались; но, не смотря на то, три нарѣчія не могли сдѣлаться опять однимъ языкомъ; Волжане, въ большинствѣ Велико-Россовъ или Мало-Россовъ, примѣшались къ ихъ нарѣчію, а сіи, на оборотъ, у нихъ къ Болгарскому. Вообще, всякій Русскій, какой бы части ни былъ, имѣлъ тогда равныя Государственныя преимущества, точно какъ и нынѣ Велико-Россы и Мало-Россы суть равные члены одной и той же націи и державы.—Несторово выраженіе Кіев-

ляне или Черниговцы или Смоляне *дань даяше Козарамъ*, не представляетъ взаимнаго отношенія Мало-Россовъ къ Волжанамъ. Впрочемъ, замѣчательно то, что первенство, имѣющее, если хотите, видъ нѣкотораго господства, принадлежало попеременно всѣмъ тремъ Русскимъ племенамъ. Оно было сперва на самомъ Югѣ, у *Волжанъ;* потомъ, послѣ отпаденія Волжанъ (Дакійскихъ) отъ Руси, находилось въ Кіевѣ (Святославъ хотѣлъ подчинить себѣ Венгрію и всѣ страны до самаго Балкана; но политика Византійцевъ, какъ извѣстно, воспрепятствовала ему въ этомъ); наконецъ, оно нынѣ на Сѣверѣ.

И въ Исторіи письменности были эпохи подобнаго господства. Нѣкогда Мало-Россы, между коими и Несторъ, облекали свои сочиненія въ Болгарскія формы. Въ среднія времена языкъ не только Велико-Русскихъ сочинителей, но и судебный Царства Московскаго, испещренъ Мало-Россизмами; наконецъ, со временъ Ломоносова, Сѣверный языкъ сдѣлался Литературнымъ. Какой Мало-Россъ нынѣ не пишетъ правильно и чисто на семъ сѣверномъ нарѣчіи! Нынѣ оба брата, Велико-Россъ и Мало-Россъ, ходятъ вмѣстѣ, рука объ руку, плечо съ плечомъ, на берега Дуная и Евфрата, взбираются вмѣстѣ на Балканъ и Кавказъ, вмѣстѣ трудятся на поляхъ Наукъ и Словесности. И не удивительно... все у нихъ свое общее, все родное.... Да благословитъ ихъ Провидѣніе!!!

Кстати сказать здѣсь нѣчто объ описаніи вышеупомянутыхъ происшествій въ первомъ Томѣ *Исторіи Государства Россійскаго*, соч. Н. М. Карамзинымъ. Внимательный читатель, сравнивъ наши изслѣдованія, увидитъ самъ достоинство 1-й главы у сего писателя. Въ этой безобразной компиляціи безпрерывное

круженіе народовъ изложено столь кратко и неясно, что, кажется, должна закружиться и голова читателя; видишь безпрестанный маршъ разнохарактерныхъ народовъ, *людоъдовъ*, *песьеголовыхъ*, *черно-кафтанниковъ*, *длинноголовыхъ*, *ящероглазыхъ*, *надвътренныхъ* *), *украшеныхъ* **), *волнистыхъ* ***), *неопредъленныхъ* ****) и проч., которые вдругъ появляются на одномъ и томъ же мѣстѣ, сталкиваютъ и проницаютъ другъ друга, проходятъ чрезъ сцену, и удаляются... за кулисы? Да, съигравъ по одному явленію. Уродливые же Гунны съиграли цѣлую даже классическую Трагедію. Наконецъ, на страницѣ 18-ой, «*исчезли*, какъ грозное привидѣніе» (!), чтобы «въ то время Россія могла представлять обширную пустыню,» на театръ коей съ другой стороны «выходятъ Славяне», которые на сценѣ имѣли видъ *храбрый* и воинственный потому, говоритъ Карамзинъ, что «имя ихъ можно произвести отъ *славы*.»! и проч. — Разбирать подробно сію главу, дурно-составленную по чужимъ мнѣніямъ, почитаю за излишнее; ибо выше разобрано то ученіе, въ духѣ коего она написана. Съ самимъ Карамзинымъ въ краткомъ отношеніи буду имѣть честь говорить обстоятельнѣе въ слѣдующихъ его главахъ, а именно тамъ, гдѣ онъ появляется, какъ самостоятельный писатель. Продолженіе объясненій по сему направленію (къ чему я осмѣливаюсь приглашать всякаго отечественнаго любителя

---

*) Иперборен.

**) Каллипиды.

***) Кимеріане, отъ *κυμα* волна. Такъ названъ Крымскій заливъ (*Βοσφορος*) *Кимерійскимъ*, т. е. волнующимся.

****) Аорсы.

Исторіи), со временемъ можетъ довершить то, въ чемъ еще недостаточны наши свѣдѣнія касательно первобытной Руси или Скиѳіи.

Итакъ, начало общей Русской Исторіи теряется во временахъ первобытной Скиѳіи. Сильный переворотъ, произведенный Готами. заключаетъ періодъ первобытной Общей Исторіи Россовъ, или Вступленіе. Эпоха Гунно-Аваро-Козарской державы, отъ Аттилы до Олега или отпаденія Руси отъ Дакіи (отъ Болгаръ), составляетъ первый Томъ *Общей Исторіи* Россовъ,—періодъ дѣйствительно блистательный, Дикторскій. За первымъ Томомъ слѣдуютъ два вторые; ибо общая масса народа раздѣлилась на двѣ независимыя части, и тѣмъ родились изъ одной двѣ Исторіи. Второй Томъ Исторіи собственно такъ называемой Руси, или первый по Карамзину, начинается изгнаніемъ Варяговъ изъ небольшой части сѣверной Руси, бывшей въ ихъ владѣніи, и отпаденіемъ старой Руси отъ Волжанъ Дакійскихъ. Здѣсь же начинается и второй Томъ собственной Исторіи Волжанъ или Болгаръ. Подобнымъ образомъ обоюдно слѣдуютъ и третіи и четвертые томы и т. д. Посему, кромѣ предшествующихъ изысканій, я рѣшился объяснить Исторію Руси послѣ ея отпаденія, т. е. разобрать весь первый Томъ Карамзина; то, для связи Аттилина времени съ правленіемъ Олега, изложу, въ видѣ продолженія, главныя черты сего достославнаго періода, общаго всѣмъ тремъ Русскимъ племенамъ.

-

IX.

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ, КОТОРУЮ ИГРАЛА РОССІЯ (БОЛГАРО-РОССІЯ) ВЪ ЕВРОПѢ ВЪ ПРАВЛЕНІЕ АТТИЛЫ, И ПЕРЕВѢСЪ ЕЯ НАДЪ ПРОЧИМИ ГОСУДАРСТВАМИ.

Мы видимъ въ сей эпохѣ Россію первостепенною Державою, Европейскою и Азіатскою вмѣстѣ, и, послѣ раздѣленія Римской Имперіи, первѣйшею въ мірѣ. Не чего сомнѣваться во внутренней ея силѣ; войска ея были всегда готовы къ походу. Но сіе одно качество недовольно для произведенія перевѣса одной державы въ общемъ соотношеніи между народами. Самое выгодное положеніе шашекъ на шахматѣ можетъ растроиться неспособностію игрока, и превосходство переходитъ на сторону опытнаго. Предпріимчивый и искусный интригантъ можетъ поставить домъ вверхъ дномъ, и водить господина (сильнаго) за носъ. Умъ, только умъ бодрый и проницательный лучше всего управляетъ машиной; слабое управленіе оною, или, что̀ одно и то же, отсутствіе проницательнаго, вседвижущаго ума поведетъ ее на мѣль, или разобьетъ о скалы въ дребезги.

Россія дождалась, наконецъ, необыкновеннаго ума, отличнаго Политическаго интриганта, искуснаго игрока обстоятельствами; дождалась Аттилы, который привелъ всѣ три соединенныя внутреннія ея силы въ движеніе. Онъ былъ героемъ и въ кабинетѣ и въ палат-

кѣ; Министры его и Воеводы въ безпрерывномъ движеніи. Римляне очень чувствовали истину сравненія, приведеннаго мною; предвидѣли опасность, которую отвратить можно было только ударомъ сабли. Къ этому-то средству, приступилъ было Византійскій дворъ, коему, какъ камень, лежалъ на сердцѣ новый Болгаро-Русскій лагерь въ малой Валахіи. Неудачная попытка Императора разстроила дѣло, которымъ однако обиженный Монархъ умѣлъ воспользоваться довольно искусно. Одинъ ударъ и Европа спасена, одинъ ударъ, и имя Гунновъ осталось бы въ неизвѣстности; чуть чуть мелькнуло бы оно изрѣдка въ строкахъ Греко-Римскихъ писателей сего времени. Вѣчная тебѣ похвала вѣрный и непоколебимый слуга Государя и сынъ отечества, хвала тебѣ, Едиконъ! Ты стяжалъ себѣ славу неувядаемую. Вѣрный Царю, ты былъ вѣрнымъ отечеству; спасая твоего Государя, ты обезопасилъ твою родину; спасая главу, спасъ все тѣло. Ты поступилъ какъ человѣкъ честный, и будешь вѣчно образцомъ преданности къ Государю и отечеству, которую ни краснорѣчіе, ни обѣщаніе всѣхъ благъ земныхъ поколебать не могутъ.

Послѣ отправленія посольствъ обѣихъ Имперій и другихъ народовъ, Король возвратился къ войску, въ Банатъ и Малую Валахію. Для принятія возвращающагося заговорщика *Вигилы*, сдѣланы имъ распоряженія. Переправившись чрезъ Дунай, интригантъ тотчасъ былъ взятъ подъ стражу; всѣ вещи у него отобраны, въ числѣ коихъ на мѣсто 50 фунт. найдено 100 фунт. золота. Король велѣлъ его представить для допроса. Мошенникъ утверждалъ, что деньги назначены на другое. Король велѣлъ выставить сына его,

въ первый разъ туда прибывшаго, и грозилъ разстрѣлять его, если отецъ не признается въ тайномъ покушенiи. Тронутый участью сына, преступный отецъ признался въ своемъ намѣренiи и самъ открылъ козни Византiйскаго двора. По совершенiи допроса, Аттила велѣлъ посадить его въ цѣпи, и сказать ему, что дотолѣ не отпуститъ его на волю, пока сынъ его не привезетъ изъ Константинополя другихъ 100 фунт. золота за себя и отца. Итакъ, сынъ отпущенъ обратно; съ нимъ посланы въ Константинополь *Еславъ* и Орестъ. Сему последнему велѣно явиться на аудiенцiю съ мѣшкомъ на шеѣ, въ которомъ отправлена была отъ двора къ Едикону упомянутая сумма денегъ, предстать такимъ образомъ предъ Императора, и спросить его любимца, знакомъ ли ему мѣшокъ? а Императору сказать, что онъ сынъ отца благороднаго, и Аттила также сынъ мужа не менѣе благороднаго и знаменитаго, и поддержалъ и наслѣдовалъ достоинство и благородство своего родителя; а Императоръ, напротивъ, унизился, сдѣлавшись данникомъ и вассаломъ Гунновъ, и, потому, ему, какъ слугѣ подлому и невѣрному, не прилично дѣлать тайный заговоръ и покушенiе на жизнь своего Господина. (Слова Приска.)

Сверхъ сего Король велѣлъ еще требовать выдачи Хрисафiя; по крайней мѣрѣ, подъ видомъ сего требованiя надѣялся получить значительную сумму денегъ. На безпрерывныя войны и походы нужны были чрезмѣрныя издержки. Король весьма искусно пользовался благопрiятными случаями переливать питательный сокъ (деньги), подкрѣпляющiи члены, изъ чужой машины въ свою.

Симъ посольствомъ чрезвычайно пораженъ былъ дворъ Византiйскiй, который по необходимости сталъ угождать Аттилѣ. По его требованiю, отправлены къ

нему два Пера Имперіи, Министръ Финансовъ *Анатолій*, да Генералъ отъ Инфантеріи *Номій*, одинъ изъ богатѣйшихъ Вельможъ, и другъ *Хрисафія*. Императоръ, чтобы укротить оскорбленнаго Короля, и привести къ окончанію переговоры, отправилъ къ нему весьма значительное количество золота. Съ своей стороны не пощадилъ своего кармана и Хрисафій, по крайней мѣрѣ, чтобы избѣгнуть бѣды.

«Король, отправившійся къ войску, сначала не хотѣлъ дать аудіенціи Посламъ; но послѣ, узнавъ о количествѣ денегъ, ему привезенныхъ, смягчился и, допустивъ ихъ къ себѣ, принялъ ласково и снисходительно. По полученіи денегъ и прочаго, представленнаго Императоромъ и его любимцемъ, заключенъ между обѣими державами миръ, по коему возвращены Имперіи области, занятыя Гуннами по ту сторону Дуная до восточныхъ береговъ рѣки Моравы; а Византійцы обязались не принимать Русскихъ бѣглецовъ. Выпущенъ изъ оковъ Вигила, но только по отсчитаніи выкупныхъ 100 фунт. золота. Отпустивъ Императорскихъ Полномочныхъ, отправилъ вмѣстѣ съ ними своего Статсъ-Секретаря Констанція, чтобы Императоръ лично подтвердилъ трактатъ, и исполнилъ свое обѣщаніе касательно его женитьбы,» Но какъ бѣдная дѣвушка сдѣлалась жертвою разныхъ интригъ, то Статсъ-Секретаря женили на молодой, но богатой, вдовѣ *Арматія*.

Межъ тѣмъ, не задолго послѣ заключенія мира, Ѳеодосій II скончался (28 Іюля 450 г.), оставивъ послѣ себя одну дочь. Сестра его Пулхерія, способствовавшая ему мудрыми совѣтами, принуждена была приняться за кормило правленія. До сихъ поръ ни одной женщинѣ не удавалось править Имперіей, и

потому, будучи исключаема отъ правленія, рѣшилась избрать себѣ супруга въ Генералитетѣ. Выборъ палъ на *Марціана*, человѣка низкаго происхожденія, но заслуженнаго. Аттила, по полученіи извѣстія о перемѣнѣ въ Византійскомъ правительствѣ, отправилъ въ Константинополь Посла съ требованіемъ, чтобы новый Императоръ подписалъ условія трактата съ его предшественникомъ, въ силу коего Имперія должна была платить Россіи значительную ежегодную дань. (*Гонорія*, сестра Западнаго Императора Валентиніана III, дѣвушка влюбчивая, что-то напроказничала. Она была принуждена оставить свой Дворъ, и отправиться къ Византійскому, гдѣ принята была довольно хорошо снисходительнымъ Өеодосіемъ. Впослѣдствіи, возвратясь въ Италію, какъ-то вошла въ любовныя сношенія съ Аттилою, коему, обѣщавъ руку свою, прислала нѣжное письмецо съ обручальнымъ кольцемъ.) Король, въ то самое время, когда отправлялъ посольство къ Марціану, отпустилъ другое, вмѣстѣ съ кольцомъ къ Валентиніану, съ требованіемъ приданаго, по его мнѣнію, состоящаго въ какихъ-либо областяхъ. Императоръ весьма естественно отвѣчалъ, что Княжна не можетъ выходить за него за мужъ, ибо имѣетъ уже супруга; сверхъ сего, она не имѣетъ ни какого права на наслѣдство Имперскихъ владѣній, отъ коего, по Государственному постановленію, женщины исключаются. Сей отказъ предуготовлялъ разрывъ и съ Западною Имперіею. Впрочемъ, посольство Аттилы, по видимому, было только политической диверсіей, клонящейся къ разрыву, котораго причиною было другое, по видимому, обстоятельство.

Франція, въ это время, была раздѣлена между тремя господами; *Юго-Восточная* принадлежала Римля-

намъ; *Юго-Западная* Готамъ, которые, для отличія отъ зашедшихъ въ Мизію и Иллирикъ, называемы были у писателей *Westrogothi*, *Wisigothi*, Западные Готы,—столицей ихъ былъ Тулузъ; *Сѣверо-Западная* же, или, вообще, Сѣверная была во владѣніи Вандаловъ, по рѣкѣ *Лоарѣ* до *Сены*.

Колыбель и древнія жилища сего воинственнаго народа есть *Старая* или *Великая Вандалія*, т. е. обширная Балтійская Славонія, т. е. Германская Украина, или жилища Славянъ въ Германіи, (т. е. нынѣшнее Саксонское Королевство, прилежащія къ нему съ Запада Герцогства, всѣ Прусскія владѣнія, большею частью Ганноверкое Королевство, Голстейнъ, и Мекленбургскія Вел. Герцогства). Сей народъ, слывшій у Римлянъ подъ общимъ нарицательнымъ именемъ сперва *Венедовъ*, а послѣ *Вандаловъ*, по единогласному свидѣтельству всѣхъ писателей, начиная съ Юлія Цесаря до Авентина, т. е. до Карла Великаго, или даже до X столѣтія, былъ могущественнѣйшимъ и первенствующимъ народомъ Германіи. Исторія его темна. Впрочемъ, изъ сохраненныхъ о немъ свидѣтельствъ чужестранныхъ, слишкомъ ясно видно, что онъ былъ Финикіянами или Карѳагенянами древней Европы, и былъ, такъ сказать, классическимъ народомъ варварскаго Сѣвера.

Итакъ, Вандалы владѣнія свои распространяли не только сухимъ путемъ, но еще и моремъ. Всѣ почти берега сѣверной Европы имъ принадлежали. Римляне, подъ предводительствомъ Юлія Цесаря, вступивъ въ страну, которой собственнаго названія не знали, и которую прозвали Галліею, т. е. *Пѣтушьею страною*, застали большую часть ея, особенно примыкающую къ сѣверному морю, во владѣніи сихъ Вандаловъ. Она была отчасти заселена Вандальскими колоніями, Богъ вѣсть, съ коихъ поръ туда переселенными. Извѣстно, что Цесарю ничто не могло противостать, и сія Пѣтушья страна сдѣлалась почти вся Римскою областью. Впослѣдствіи, Римскіе Императоры посылали въ сію страну верховными военными

и гражданскими Генералъ-Губернаторами первѣйшихъ своихъ Ермоловыхъ и Паскевичей. Чиновникамъ, туда отправляющимся, и всѣмъ другимъ лицамъ даны были особыя преимущества. За ними послѣдовали многія колоніи.

Итакъ, сія *Пѣтутья страна*, кромѣ неизвѣстныхъ намъ коренныхъ ея жителей, населена была и Вандальскими и Италіанскими колоніями. Первыя сдѣлались подвластными симъ послѣднимъ. Между тѣмъ какъ всѣ окружные народы уступали Римскому оружію, и покорялись господству Италіи, Вандалы сдѣлались непримиримыми ея врагами. Между тѣмъ какъ лѣнивые народы малой Азіи, Востока, Египта, Африки, безпечно покоились подъ Римскими орлами до позднѣйшихъ временъ, жители Руси и Вандаліи не переставали покушаться на разстроеніе могущества Рима. Сочувствіе между сими двумя сродными народами пробѣгало подобно искрѣ электрической, и Римлянъ безпрестанно видишь въ войнѣ cum Scythis, Sarmatis, Dacis, Quadis, Marcomanis, или Marahannis (Моравитянами и Чехами), а тамъ cum Germaniae populis. Вандалы, дѣйствительно, не переставали покушаться на возвращеніе своихъ владѣній въ *Пѣтутьей странѣ*. Они безпрерывно подстрекали свои поселенія къ возмущенію; эскадры ихъ весьма часто появлялись у береговъ Галліи, а сухопутныя нападенія чрезъ Рейнъ. Римляне принуждены были удвоить свои гарнизоны въ сей странѣ. На силу провладѣли они ею два, три столѣтія, при безпрерывномъ караульничаніи и кровопролитномъ защищеніи.

Въ IV столѣтіи ожесточеніе нападеній по всей Римской линіи возвысилось до высочайшей степени, и тогда загремѣло страшное общее имя *Готовъ*, которое Римляне прилагали упомянутому сильному народу Германіи вмѣсто старинныхъ прозвищъ. Тогда большая часть Пѣтушьей страны возвращена власти Великой Вандаліи. Сія страна, вѣчная ненавистница и соперница Рима, взлелѣяла, подобно Карѳагену, многихъ Аннибаловъ. Воеводы и Адмиралы ея въ то же время бросились на Испанію, коей южною половиною завладѣли, и до

тѣхъ поръ владѣли, пока не принуждены были уступить, слишкомъ 300 лѣтъ спустя, Арабамъ. Сія страна еще и нынѣ называется *Малою Вандалією*, Vandalicia, или, по нынѣшнему произношенію, Andalusia. Отсюда-то флотъ Вандальскій перевезъ своихъ героевъ и на берега Африки, подъ предводительствомъ безсмертнаго Гензерика, основавшаго, какъ говорится просто, Карѳагенское или Африканское Королевство Вандаловъ (а въ самомъ дѣлѣ такое, какое имѣютъ нынѣ Англичане въ Гвинеѣ и Конго, у западныхъ береговъ Африки, т. е., просто, Африканскія владѣнія Вандаліи).

Вотъ тѣ могущественные Готы, которымъ удалось было поработить и Россію, какъ мы уже видѣли выше. Это была высочайшая степень ихъ могущества. Возвращенная Волжанами самостоятельность обширной Россіи нѣсколько унизила оное; Алариковъ, Радогостей, Ерманариковъ Вандаліи болѣе не стало, и сія держава, съ восшествія Аттилы на престолъ Россіи , принуждена была сдѣлать нѣсколько шаговъ назадъ. Одинъ только еще блисталъ въ Африкѣ Гензерикъ, отважный солдатъ, искусный морякъ, политикъ проницательный. Гензерика-то и почиталъ Аттила болѣе всѣхъ тогдашнихъ Государей; съ нимъ-то онъ и имѣлъ тѣсныя сношенія и нелицемѣрную пріязнь. Кажется, что Русскій Царь въ знакъ своего къ нему уваженія, одного изъ своихъ сыновей наименовалъ Гензерикомъ по его имени. Δινζιριχος пишутъ Греки, а ошибочно, и Δενγιζιχ.

Вообще, внутренняя исторія Вандальской, или Готской державы весьма темна. Сей народъ мелькаетъ въ Лѣтописяхъ, писанныхъ Италіанцами, только во внѣшнемъ своемъ отношеніи. Мы еще не имѣемъ яснаго понятія о взаимномъ политическомъ отношеніи между собою всѣхъ заграничныхъ владѣній Вандаліи, и гдѣ было именно кормило ихъ верховнаго правленія; были ли правители сихъ большихъ частей настоящими Королями, какъ воображали себѣ, или именовали ихъ Италіанцы Reges (отъ rego правлю), или просто Феодальными правителями, Feudales, или просто чиновными верховными На-

чальниками, Намѣстниками, locumtenentes Reges? Когда сіи страны отпали отъ старой Вандаліи? Подобно ли Сѣверо-Американскимъ Штатамъ, Мексикѣ, или подобно Бразиліи?

Вотъ величайшіе и важнѣйшіе вопросы и обстоятельства изъ древней Исторіи Сѣверной Европы; вопросы, на которые ученая Историческая публика смотрѣла сквозь пальцы и зажмуренные глаза. Чрезмѣрное пристрастіе Германскихъ изъискателей къ своему племени ослѣпило ихъ до того, что сего Вандальскаго великана, царствовавшаго въ Германіи со временъ Юлія Цесаря до X столѣтія, они совершенно не видятъ; вездѣ, на каждомъ шагу, грезятся имъ одни ихъ предки; о Славянахъ, своихъ сосѣдахъ, они ничего не знаютъ, или, лучше, не хотятъ знать. Самъ Шлецеръ, желавшій казаться проницательнѣе и правдолюбивѣе всѣхъ, въ своихъ понятіяхъ о Сѣверной Исторіи, вкратцѣ очертилъ обширную Германскую Славонію въ такомъ видѣ, въ какомъ она находилась въ IX и X столѣтіяхъ и уже приближалась къ своему паденію, луча же на древность сей упадающей Державы онъ не бросилъ, какъ проницательный умъ, ни какого.

Впрочемъ, хотя прямо и публично никто (изъ лучшихъ писателей) не осмѣлился утверждать, что Вандалы въ Германіи были Нѣмцы; однако всѣ единогласно, и самъ Шлецеръ, утверждаютъ, что Вандалы въ *Пятутьей странѣ*, коихъ въ послѣдствіи стали именовать *Франками*, были настоящіе Дайчеры! То же и о Готахъ! Я далекъ отъ того, чтобы подобно симъ ученымъ, на оборотъ, приписывать все Славянамъ (какъ Историкъ), я не принадлежу ни къ одному племени земнаго шара. Признаюсь, что въ сей Готской, или общей Германской кутерьмѣ скрывается и значительная часть Дайчерскихъ племенъ; надобно только попотѣть въ изъисканіяхъ, чтобы опредѣлить имъ надлежащее мѣсто и въ Исторіи, и въ Германіи. Я здѣсь изложилъ только общія черты, или главное основаніе; прочія же подробности объяснитъ дальнѣйшее изслѣдованіе.

Въ то время (418 году) скончался верховный пра-

витель Вандальскихъ владѣній во Франціи, или, можетъ быть, настоящій Монархъ Вандаліи, *Клодовой* или *Кладовой* (Cladoveus), оставя двухъ сыновей *Мироваго* (Meroveus) и *Кладовлада* (Cladovaldus, Klodobaldus пишутъ Латинцы). Римскими же владѣніями къ Галліи управлялъ храбрый *Аетій*.

Аетій родился въ Доростолѣ, т. е. Силистріи. Отецъ его былъ правителемъ сей области; послѣ, возвышенъ на степень Генерала отъ Кавалеріи (Magister Equitum), и былъ, наконецъ, Губернаторомъ Африки. Аетій въ дѣтствѣ посланъ былъ, въ числѣ Римскихъ аманатовъ, къ Аларику, Королю Готовъ. Не задолго, возвратясь оттуда, отправленъ былъ тѣмъ же въ Россію ко двору отца Аттилы, съ которымъ вмѣстѣ и воспитывался. По возвращеніи на родину, служилъ отечеству съ похвалою. Онъ былъ проницателенъ, предпріимчивъ, дѣятеленъ, и, вообще, игралъ великую роль въ бурныхъ обстоятельствахъ сего времени. Онъ зналъ лучше всѣхъ характеръ Аттилы и образъ его мыслей; живучи посреди державы, враждебной съ Имперіею, онъ успѣлъ познакомиться съ ея силами и выгодами; словомъ, онъ былъ одинъ изъ полезнѣйшихъ для Имперіи людей. Императоръ предоставилъ ему мѣсто самое важное и требующее отмѣнной дѣятельности и бдительности; это было управленіе и защищеніе владѣній въ Галліи.

Аетій удержалъ успѣхи оружія Вандаловъ или Алановъ въ Сѣверной Галліи, и, послѣ борьбы, заключилъ наконецъ съ симъ народомъ довольно прочный для Имперіи миръ. Настала нѣкоторая тишина. Изгнаніе Готовъ изъ Россіи сблизило Вандаловъ на Западѣ съ Римлянами. Успѣхи Аттилы на Дунаѣ обратили на себя взоры всей Европы, и дружба между Вандалами и Римлянами сдѣлалась еще тверже; молодой Князь *Мировой* посѣщалъ Аетія, и даже поѣхалъ было въ Римъ.

Между тѣмъ, Римскій военачальникъ обратилъ полное вниманіе на Россію; онъ не забывалъ Аттилы, и, какъ видно изъ Записокъ Приска, велъ съ нимъ переписку. Впрочемъ, онъ старался воскресить и поддержать въ Римскомъ дворѣ древній духъ диктаторскій, дѣятельный. Вдругъ скончался *Кладовой*. Аетій раздулъ между его сыновьями раздоръ (это старинная Римская политика) и, вопреки правамъ наслѣдства *Кладовлада*, помогъ взойти на престолъ младшему его брату *Мировому*, истинному приверженцу Римлянъ. Междуусобіе продолжалось не долго, и кончилось тѣмъ, что Претендентъ принужденъ былъ бѣжать. Это происшествіе крайне тронуло Генсерика Африканскаго, врага Римлянъ. Кладовладъ прибылъ ко двору Аттилы.

Тогда-то началась дѣятельная посольская и курьерская бѣготня между дворами Констинопольскимъ, Римскимъ, Карѳагенскимъ, Русскимъ, Тулузскимъ, Орлеанскимъ. Главная квартира Аетія была въ Арелатѣ или Арлѣ (Arles) въ южной Франціи. Мы видѣли изъ Приска, что въ то самое время, когда посольства обѣихъ Имперій спѣшили ко двору Аттилы, тамъ уже находились послы, какъ говоритъ Прискъ, другихъ варварскихъ народовъ; но это было два или три года тому назадъ. (Вотъ опроверженіе тѣхъ историческихъ граматѣевъ, которые воображаютъ себѣ, что Гунны, какъ дикій народъ, нападали внезапно и безъ всякаго объявленія. Вотъ причина, почему Аттила не веселился на дипломатическомъ обѣдѣ, какъ замѣчаетъ Прискъ. Вотъ причина, почему онъ, оставивъ войско въ малой Валахіи, спѣшилъ въ столицу. Въ то время, какъ распоряжалъ онъ кампаніею Задунайкою, не только въ его головѣ, но и на самомъ Западѣ политическія

дѣла приходили въ броженіе.) Теперь онѣ еще усилились, а наипаче по поводу перемѣны Правительства въ Константинополѣ, и Вандальскихъ безпокойствъ. Римскій дворъ могъ опасаться Аттилы, а Мировой могъ предвидѣть, какое слѣдствіе можетъ имѣть ходатайство Кладовлада; слѣдственно, обѣ стороны поспѣшили заключить оборонительный союзъ, къ коему тотчасъ же приступилъ и дворъ Тулузскій (Король Теодорикъ).

Къ сему-то союзу соединился и Императоръ Византійскій, и, ободрившись, тѣмъ рѣшился отказать Аттилѣ въ подписаніи постыднаго для Имперіи Ѳеодосіева трактата. Стеченіе обстоятельствъ было такое, что Аттила отнюдь не могъ предупредить сего страшнаго всеобщаго союза. Ни одна изъ дипломатическихъ его диверсій не могла разстроить онаго. Прибывшіе къ нему въ послѣдній разъ чрезвычайные посланники, *Аполлоній*, Перъ Имперіи, отъ Византійскаго, и *Кассіодоръ*, Государственный Канцлеръ, въ сопровожденіи *Картиліона*, сына Аетіева, отъ Римскаго Императора, принесли ему пустой церемоніальный, а въ самомъ дѣлѣ, отказный отвѣтъ. Это произвело непріятное впечатлѣніе на душу сего необыкновеннаго человѣка; его лице помрачилось и, по всеобщему сочувствію, сталъ помрачаться и весь политическій горизонтъ Европы; во всѣхъ углахъ ея бросились острить губительное оружіе.

Всѣ три обширныя Русскія племена, по мановенію своего грознаго Царя, немедленно выставили подъ его знамена весь лучшій цвѣтъ своего юношества. Кліентъ его, Князъ *Кладовладъ*, долженъ былъ собрать своихъ приверженцевъ въ Балтійской Славоніи, и послѣдовать за своимъ покровителемъ.

Сидоній, Епископъ Арвернскій въ Галліи, и современникъ Аттилы, говоритъ, что, сверхъ исчисленныхъ племенъ Руси, за Аттилою послѣдовали и *Ругійцы*, *Гелоны*, *Бѣлоноты*, *Герулы*, т. е. Балтійскіе, или Померанскіе Славяне, иначе, жители старой Вандаліи. Это сочувствіе сей страны съ Аттилою не иначе можно объяснить, какъ только тѣмъ, что сіи племена приняли сторону Кладовлада, и, на оборотъ, присутствіе сего Претендента при дворѣ Аттилы объясняетъ причину присоединенія Балтійцевъ къ его войскамъ.

Ударилъ кровавый часъ, и Аттила съ отборнымъ войскомъ, подобно всеразрушающей грозѣ, понесся къ предѣламъ Галліи, оставивъ обсерваціонные корпусы въ малой Валахіи и Панноніи для прикрытія тыла походной арміи. Между тѣмъ, въ Сѣверной Италіи, Піемонтѣ, Савойѣ, Римскія войска постепенно собирались въ корпусы, и проходили въ Южную Галлію.

Король, дорогою, взялъ приступомъ знаменитые города *Раврацій* (Rauracium), *Виндониссу* и *Аргенторарію*. На ихъ развалинахъ построены впослѣдствіи Базель, Виндишъ и Колмаръ. Отсюда по Рейну обратился къ Сѣверу въ Алзасъ. Ничто не могло ему противиться; *Страсбургъ*, *Спейеръ*, *Вормсъ*, приняли его въ свои стѣны какъ грознаго побѣдителя; за симъ, взятъ *Майнцъ* (Maintz, Mayence), *Тулъ*, *Діезъ*, а 7-го Апрѣля, въ день Свѣтлаго Воскресенія, и *Мецъ*, въ коемъ побито много жителей.

Не возможно слѣдовать, продолжаетъ *Лебо* (Hist. de Bas Empire, XXXIII), за всѣми движеніями Аттилиныхъ войскъ. Знаемъ только, что обширныя области между рѣками Рейномъ, Мозелемъ, Марною и Сеною, были театромъ войны, на которомъ защищался храбрый *Мировой*, но нигдѣ не могъ устоять; *Тонгръ* (Tongres), *Реймсъ*, *Аррасъ*, взяты приступомъ, *Тревъ* (Trèves)

нѣкогда самый цвѣтущій городъ Галліи, опустошенъ въ пятый разъ. Здѣсь между прочимъ, одинъ изъ разъѣздныхъ отрядовъ схватилъ въ плѣнъ супругу Мироваго и сына его *Хилдерика*, коихъ однако Вандалы освободили, напавши на ихъ конвой.

Послѣ сихъ первыхъ успѣховъ своего оружія, Аттила направилъ свои военныя дѣйствія на Сѣверо-Западную часть нынѣшней Франціи, къ рѣкѣ Лоарѣ. Жители Парижа, при приближеніи непріятеля, разбѣжались бы, еслибъ не удержала ихъ Св. Женевіева, обѣщая имъ, что непріятель отнюдь не коснется ихъ города (тогда только что уѣзднаго). И дѣйствительно, Аттила главный корпусъ своихъ войскъ, прошедшій мимо сего городка, подвинулъ къ осадѣ, тогда столичнаго, Орлеана (Colonia Aurelia, Aureliana, Aurelianum). Опасность уже угрожала Готамъ. Мировой убѣжалъ съ остатками своихъ воиновъ къ Союзникамъ. Воинскія соображенія и движенія Аттилы столь были быстры и рѣшительны, что Союзники поражаемые внезапными ударами, не могли опомниться. Теодорикъ, повелитель Готовъ, струсилъ и, въ то самое время, когда надлежало ему двинуться впередъ для пріостановленія дальнѣйшихъ движеній непріятеля, и поддержанія ослабѣвавшаго *Мироваго*, отправилъ нарочнаго въ главную квартиру Аттилы съ просьбою о перемиріи. Король принялъ оную; ибо надѣялся заключить миръ по своему желанію, и разстроить союзъ непріятелей. Но, межъ тѣмъ, не дремалъ Аетій; онъ далъ повелѣніе Римскимъ войскамъ, шедшимъ изъ Савоіи, Піемонта и Милана, усиленнымъ маршемъ поспѣшить въ южную Францію и соединиться съ сосредоточиваемыми въ оной корпусами. Медленность въ движеніяхъ Готовъ и нерѣшительность Тулузскаго

Двора заставили Аетія отправить къ оному, съ убѣдительными представленіями, Генерала *Авита*, для возбужденія его къ дѣятельности; Мировой также возбуждалъ своихъ къ общему возстанію для изгнанія изъ своихъ владѣній врага (итакъ, Аттила не могъ воспользоваться благопріятнымъ случаемъ); всѣ жители Франціи и отчасти Нидерландовъ вооружились, всѣ стремились въ одну огромную массу.

Вообще, силы Союзниковъ превосходили числомъ войско Аттилы, отчасти пострадавшее въ предшествовавшихъ сраженіяхъ, а отчасти уменьшенное опредѣленіемъ изъ онаго въ разныя мѣста гарнизоновъ. Главною цѣлію движенія Союзниковъ было освобожденіе Орлеана, столицы *Мироваго*, отъ осады. Но уже было поздно; ибо городъ сей, не смотря на его укрѣпленія, взятъ былъ приступомъ и снабженъ непріятельскимъ гарнизономъ. По соединеніи силъ своихъ, Союзники рѣшились дѣйствовать наступательно. Одинъ изъ лучшихъ ихъ подвиговъ было обратное взятіе Орлеана; передовый ихъ корпусъ, коему жители отворили тайно ворота, вошелъ въ городъ, и истребилъ почти весь Русскій гарнизонъ. Съ сего времени, стали происходить частныя небольшія перепалки. Между тѣмъ, обѣ стороны, соединяя свои войска въ одну массу, предвидѣли необходимость полнаго и рѣшительнаго сраженія. Наконецъ, Аетій рѣшился дать генеральное сраженіе. Обѣ стороны сблизились на поляхъ *Шалонскихъ* (около города Шалона). Предъ сраженіемъ, Аттила, собравъ офицеровъ своихъ войскъ, произнесъ къ нимъ сильную рѣчь; онъ предоставилъ себѣ лично командовать центромъ; правое крыло препоручилъ *Ардарику*, а лѣвое *Валамиру* (Валадиміру). Между Союзниками лѣвымъ правилъ самъ Аетій, правымъ

Король *Теодорикъ*, а центромъ *Сангипанъ*, намѣстникъ Мироваго, съ своими Вандалами (Аланами). Никогда Европа не видала, говоритъ одинъ историкъ, двухъ войскъ столь огромныхъ, готовящихся къ взаимному пораженію; здѣсь-то сосредоточился Сѣверо-Востокъ, чтобы сразиться съ Юго-Западомъ; властолюбію одного человѣка приносились въ жертву цѣлые народы.

Исторія не оставила намъ подробностей о семъ великомъ и кровопролитномъ сраженіи; частныя обстоятельства и общій ходъ его, въ такомъ замѣшательствѣ, должны были остаться въ неизвѣстности и для самихъ участниковъ въ ономъ.—Въ числѣ множества убитыхъ, со стороны Союзниковъ находился и храбрый Король Визиготовъ, *Теодорикъ*; сынъ его Торисмондъ, раненый въ голову, упалъ было съ лошади; но спасенъ былъ отважностію своей дружины; Аетій чуть не попался въ плѣнъ.—Сѣча прекратилась уже поздно, въ ночи.

Римскіе (Латинскіе) и Готскіе современные писатели не признаются, на чьей сторонѣ осталась побѣда. Вообще думаютъ они, что сраженіе кончилось *dubio marte*, т. е. безъ побѣды съ той или другой стороны. Нѣкоторые только проговариваютъ сквозь зубы, что побѣда осталась на сторонѣ Союзниковъ, заключая изъ того, что Аттила, послѣ сраженія, поскакалъ доночевать въ станъ, и, слѣдовательно, будто первый оставилъ мѣсто сраженія. Что̀ совершенно не справедливо; ибо 1) такъ говорятъ враги его. Безпристрастный судья потребуетъ свидѣтельствъ отъ обѣихъ сторонъ. Съ нашей стороны нѣтъ ни одного писателя; Латино-Готскимъ же вольно было говорить что̀ имъ ахотѣлось. 2) Послѣ сего сраженія сыны Руси не

только что не отступали, но преслѣдовали Аетія и его Римлянъ до самаго Рима. Здѣсь, слѣдствія сраженія, а не пристрастное вранье непріятельскихъ лѣтописцевъ есть истинное свидѣтельство, что Аттила былъ въ полной мѣрѣ грознымъ Шалонскимъ побѣдителемъ.

Что было слѣдствіемъ сего сраженія? — Западный союзъ разстроился, чего именно и добивался властолюбивый Монархъ обширной Руси, желавшій тѣмъ лишить Римлянъ подпоры. Старикъ Французъ *Le Beau*, въ своей Исторіи Византійской, говоритъ, будто самъ Аетій разстроилъ союзъ послѣ сраженія, отпустивъ Готовъ и Вандаловъ во свояси, изъ опасенія, говоритъ онъ, чтобы они не возстали противъ Римлянъ и не уничтожили ихъ владычества въ Галліи. Но это мнѣніе есть сущій вздоръ; ибо послѣ сего сраженія Аттила не думалъ о перемиріи съ Римлянами, и наступала самая критическая минута для Имперіи, которая теперь болѣе всего, чѣмъ когда либо, нуждалась въ помощи своихъ Союзниковъ.

Смерть Теодорика, управлявшаго своимъ народомъ со славою въ продолженіе 32 лѣтъ, лишила Готовъ бодрости и охоты продолжать борьбу, склонившуюся на сторону непріятеля. Возникло замѣшательство между ними и на счетъ наслѣдства престола. Несчастный Король оставилъ дома четырехъ сыновей: *Фридерика*, *Еврика* (Юрика, Ерика, Еврика? *Euricus* называли его Латинцы), *Ротемира* (не лучше ли Радимира? Rotemir) и *Иммерика*. Двое же *Торисмондъ* и *Теодорикъ* сопутствовали Королю отцу.

Торисмондъ сталъ думать, по видимому, болѣе о наслѣдствѣ, чѣмъ о продолженіи войны. Аттила воспользовался симъ случаемъ; съ его согласія Торисмондъ провозглашенъ Королемъ Готовъ; за то онъ

долженъ былъ подписать мирныя условія, предписанныя грознымъ побѣдителемъ и, отказавшись отъ союза съ Римлянами, обратиться во свояси. То же самое случилось въ политическомъ отношеніи и съ Вандалами.—Не извѣстно, куда дѣвался Претендентъ Вандальскаго престола во Франціи, *Кладовладъ;* убитъ ли на сраженіи, умеръ ли, или, можетъ быть, пренебреженъ Аттилою, или вознагражденъ чѣмъ либо; подробности Вандальской современной Исторіи для насъ не сохранены. Извѣстно, по крайней мѣрѣ, что *Мировой* (Miroveus, Méroveus), согласившись на требованія Аттилы, и перешедъ отъ Римлянъ на сторону Россіи, остался на престолѣ, на коемъ царствовалъ довольно хорошо еще 10 лѣтъ. Потомки его, подъ именемъ *Мировичей,* царствовали съ 458 по 751 г. годъ. Черноволосые писатели, Италіанскаго происхожденія или ученія, называли сей домъ какъ могли; Вандальское *Мировичъ* они писали въ единств. *Merovix,* род. *Merovigis,* множ. Mérovigеs; но, по своей породѣ, они любили говорить въ носъ, для этого именно нужна буква *n,* которую они и всунули въ это слово, и такъ произошло *Merovinges, Merovingi.* Замѣтьте, что во время Аттилы сей народъ называли *Вандалами* и *Аланами;* сей же самый Царственный домъ и народъ впослѣдствіи переименовали во *Франковъ.* Но обратимся къ Аттилѣ.

Послѣ Шалонскаго сраженія и пораженія, Римляне, лишенные Союзниковъ, поспѣшно отступили къ Югу и къ предѣламъ Италіи; союзные Россы понеслись за ними по пятамъ. Кажется, что не было лучшаго способа и случая воспользоваться вполнѣ Шалонскою побѣдою и разстроеннымъ союзомъ державъ. Шалонское сраженіе произвело весьма непрі-

ятное ощущеніе въ Римскомъ дворѣ и Сенатѣ. Аетій на плечахъ велъ врага во внутренность Имперіи, чрезъ Савойю и Піемонтъ. Быстрыя движенія Аттилы не давали и духу Римлянамъ собрать новыя силы. Императоръ Валентиніанъ немедленно отправилъ въ Цареградъ для испрошенія немедленной помощи. Въ слѣдствіе чего пѣхота и конница Византійская, расположенная въ Македоніи, Θессаліи, Албаніи, Сербіи, усиленнымъ маршемъ поспѣшила, чрезъ Кроацію, для соединенія съ арміею Аетія въ Краинѣ и около Милана. Въ южной же Италіи даже и ветераны, доживавшіе свои лѣта въ гарнизонахъ, не пощажены.

Между тѣмъ, Аттила не допустилъ Римлянамъ собраться въ большія массы. Онъ далъ повелѣніе Дунайской своей арміи занять Паннонію и дѣйствовать на Кроацію и Иллирикъ для удержанія войскъ Византійскихъ; другому корпусу препоручилъ выгнать Римлянъ изъ земли *Словенской* или Адріатической Украины (Австріи, Штиріи, Каринтіи, Карніоліи, Краины), самъ же, на пути отъ Шалона, взялъ многія укрѣпленныя мѣста, между коими достойнѣе всѣхъ замѣчанія *Augusta Vindelicorum*, что нынѣ Аугсбургъ въ Баваріи. Перешедъ чрезъ Юліевы Альпы въ Италію, обложилъ великій, знаменитый, торговой, укрѣпленный городъ *Аквилею*, которую, послѣ трудной осады, взялъ штурмомъ, ограбилъ и разорилъ, и которой прежде (52 года тому назадъ) ни знаменитый *Аларикъ*, ни *Радогость* взять не могли. Въ слѣдъ за симъ взятъ приступомъ же и второпрестольный градъ Имперіи *Миланъ* (Mediolanum); за симъ города: *Конкордія*, *Алтинъ*, *Падуа*, *Виченца*, *Верона*, *Брешія*, *Бергамъ*, *Павія*; словомъ, отнята вся сѣверная И-

талія, послѣ совершеннаго покоренія коей войка Аттилы направили свое дѣйствіе на Римъ.

Императоръ палъ въ совершенное уныніе, когда ему донесли о приближеніи передовыхъ непріятельскихъ отрядовъ. Предположено было защищаться до крайности; все двинулось, и старъ и младъ, къ защитѣ столицы. Между тѣмъ, Императоръ отправилъ въ придвигаемую главную квартиру Аттилы чрезвычайныхъ пословъ изъ первыхъ чиновъ Имперіи: *Авіена*, бывшаго два года тому назадъ Консуломъ Государства, *Тригетія*, бывшаго Генералъ-Губернаторомъ въ Африкѣ, а тогда Правителемъ дѣлъ Италіи (Praefectus Praetorio Italiae), и *Льва* Епископа Римскаго, для испрошенія перемирія и для заключенія мира. Инструкція дана была имъ очень горькая для Римлянъ; ибо надлежало не переговаривать, а умолять о прекращеніи кровопролитія, и соглашаться почти на все, предписываемое побѣдителемъ. Аттила принялъ чрезвычайныхъ пословъ довольно благосклонно и согласился на перемиріе. Не смотря на сіе, его армія подошла подъ самыя стѣны Рима, въ намѣреніи, если нужда потребуетъ, обложить оный, и расположилась лагеремъ въ виду *Повелительницы міра*, которая, съ тѣхъ поръ, какъ гуси освободили ее отъ Бренновыхъ пролазовъ, своевольно и самовластно рѣшала судьбу народовъ стараго міра. Но теперь, какая унизительная, для чести Senatus Populique Romani, картина показалась взорамъ любопытныхъ съ городскихъ стѣнъ! Обширные станы *Россовъ* Донскихъ, Днѣпровскихъ и Дунайскихъ! Отчаяніе Императора достигло своей мѣры; онъ согласился на всѣ требованія побѣдителя, между тѣмъ, какъ граждане, съ ускореннымъ біеніемъ сердца, со стѣнъ ожидали ро-

ковой минуты. Вдругъ замѣтили они движеніе непріятеля, несущагося по большой битой дорогѣ прямо къ воротамъ столицы. Это былъ Русскій Царь, сопровождаемый Воеводами своими и кавалерійскимъ отрядомъ. По приближеніи его, отворились врата Рима, изъ коихъ вышелъ ему на встрѣчу *Левъ* Епископъ, въ сопровожденіи всего Римскаго духовенства, и. . . вмѣсто ключей города, поднесъ побѣдителю *Скипетръ обладанія міромъ* (Orbis dominatus), завитый въ мирный трактатъ, постыдный для имени потомковъ *Цесарей* и *Сципіоновъ*.

Замѣчательно, что Лѣтописцы Монахи Западные, представляющіе себѣ Аттилу какъ простаго наѣздника, сей процессіи Льва Римскаго Епископа и его Латинской рѣчи приписываютъ прекращеніе войны съ Италіей и снятіе осады Рима. Но еще замѣчательнѣе, что этотъ вздоръ повторяется и по нынѣ во всѣхъ почти Историческихъ сочиненіяхъ, да и нерѣдко учеными людьми.

До насъ не дошли всѣ условія сего мира. Главнѣйшія изъ нихъ были: Римляне уступили Руси всю Паннонію (Адріатическую Украину), Словенскую землю и Кроацію. Итакъ, сіи бѣдные *Словене*, стонавшіе подъ игомъ Италіанцевъ со времени Августа, наконецъ, освобождены; Аттила сдѣлался ихъ не владыкою, а покровителемъ и благодѣтелемъ; какъ Славянскій Патріотъ, онъ учредилъ между ими народное правленіе и законы; всякая ихъ область стала имѣть своего природнаго *Словенскаго* Князя, который однако княжилъ въ нѣкоторой зависимости отъ Болгаро-Русскаго Монарха, и былъ обязанъ быть вѣчнымъ другомъ и союзникомъ Россіи. — Итакъ, 1) Италіи, съ Сѣвера, назначены естественные древніе ея предѣлы; только остались за нею Савоія и южная

часть Франціи. 2) Имперія обязалась платить Россійскому Двору ежегодную подать.

Словене, со времени Аттилы, въ отношеніи ихъ гражданственнаго бытія, начавъ существовать политически, оживаютъ и для Исторіи, которая прекращается вновь съ ихъ политическою смертію, нанесенною имъ Карломъ Великимъ, 780 — 800 года. Сія исторія для насъ большею частію затеряна, и находится только въ отрывкахъ у разныхъ иностранныхъ писателей. *Прокопій*, *Іорнандъ*, и *Менандръ* первые стали именовать сей освобожденный и, нѣкоторымъ образомъ, оживленный народъ собственнымъ его именемъ: *Словенами* (Slavini, Sclavini и проч.). Военныя дѣянія Словенъ, преимущественно въ сообществѣ съ Болгарами, противъ Византійцевъ, были причиною, что ихъ имя стало быть почаще повторяемо и, наконецъ, вошло въ общее употребленіе. Всѣ писатели, до Карла Великаго, имя Словенъ понимали правильно и опредѣленно, т. е. мѣтили онымъ на жителей Адріатической Украины. Такъ, на примѣръ, если читаете гдѣ-либо, что въ войнѣ Аваровъ, т. е. Болгаръ, около 580—600 году съ Византійцами, находилось въ Аварской арміи столько и столько тысячь *Slavinorum*, *Sthlavorum*, *Sclaviniorum* (*Σθλαβοι*), то не думайте Богъ вѣсть о какихъ Славянахъ, но объ упомянутыхъ *Словенахъ*, которые, со времени присоединенія своего къ Руси, обязаны были выставлять ей вспомогательный корпусъ. Итакъ, и *Авары*, и *Словене* были Славяне, однако между собою нѣсколько различные. Вотъ настоящее и единственное значеніе имени Славянъ въ Византійскихъ лѣтописяхъ.

Итакъ, война сія произвела значительный переворотъ въ политическомъ относительномъ положеніи Европейскихъ Государствъ. Западная Имперія попалась въ критическое положеніе, изъ коего не могла выйдти и посредствомъ сильныхъ оборонительныхъ союзовъ съ сосѣдами; политика Аттилы и Шалонское сраженіе лишили ее сего средства; Торисмондъ и Ми-

ровой пристали къ сторонѣ тѣхъ владѣтелей, которые плясали по волѣ Аттилы; Италіанская кампанія присоединила къ нимъ и Императора Валентиніана.

Условія *Шалонскаго мира* съ Дворами Тулузскимъ и Вандальскимъ не замѣчены лѣтописцами; пріобрѣтеніе Словенской земли было только со стороны Римлянъ. Здѣсь же за достовѣрное можно принять, что Аттила подобнымъ образомъ воспользовался и Шалонскимъ миромъ. Ему уступлена, по силѣ онаго, Моравія, Богемія, и большая часть Сорабіи (нынѣ Саксоніи). Неоспоримое сему доказательство есть въ томъ, что Авары впослѣдствіи дѣйствительно собирали подати съ сихъ странъ; явнаго же ихъ завоеванія сихъ земель, кромѣ похода Аттилы, не видимъ. Походы же Аваровъ въ Германію, о коихъ упоминаютъ Западныя лѣтописи, были не для завоеванія упомянутыхъ странъ, а для защиты ихъ противъ Франковъ и Балтійцевъ, старавшихся отнять оныя обратно.

Тогда, вся тяжесть Руси сдѣлалась въ полной мѣрѣ ощутительною для Византійскаго двора; оборонительныя его мѣры не ручались вполнѣ за его безопасность; онъ почелъ за необходимость подкрѣпиться дружелюбіемъ съ Персіею. Но Богъ вѣсть, чѣмъ бы дѣло еще кончилось, если бы не прекратилась внезапно жизнь грознаго завоевателя (454 год.), послѣ возвращенія изъ Италіи. Празднуя сватьбу съ новой красавицей, и слишкомъ хлебнувъ (по Славянски) горячаго напитку, ночью въ крѣпкомъ снѣ, задохся онъ отъ сильнаго кровотеченія носомъ. Такъ скончался Великанъ, стоявшій одной ногой на Волгѣ, а другой на Рейнѣ; державшій одной рукой вершину Кавказа, а другой Сен-Готарда; ужасный для Азіи и для Европы. О Парки! почему вы не дозволили ему поработить весь родъ человѣческій? Онъ похороненъ съ великою военною церемоніею. Похороны кончились великолѣпнымъ пиршествомъ, на коемъ пили и ѣли

до нельзя больше; «это было обыкновеніе народное у Гунновъ, говоритъ старикъ Le Beau, *похороны и печальную процессію заключать пиршествомъ* *).»

Между народными пиршествами, у Карпато-Россовъ, первое мѣсто занимаютъ похороны. Всякъ имѣетъ право явиться на пиршество. Обыкновенно, усопшихъ провожаютъ въ обѣтованную землю по утру; провожатые, возвратившись съ кладбища, находящагося большею частію въ погостѣ, начинаютъ пиръ, продолжающійся до самой ночи. И послѣ стола не престаютъ пить, пока достаетъ силы и чувствъ. Сей похоронный пиръ называется у нихъ *Комашней*. Для комашни, хозяинъ дома обыкновенно закалаетъ какое-либо животное, болѣе же всего *барана* или *быка*.—Очевидно, что это обыкновеніе осталось у нихъ отъ язычества; слѣдовательно, изъ самой древности. Сей пиръ, *въ нравоописьномъ* отношеніи, есть то же, что пиршество при похоронахъ Аттилы.

Не стану повторять о душевныхъ и тѣлесныхъ качествахъ сего Монарха. Послѣднія изображены разными писателями; первыя же подразумѣваются сами собою. Великія дѣянія могутъ быть производимы только великимъ умомъ и великою душею. Здѣсь прибавлю только три о немъ анекдота.

Намѣреваясь обложить одинъ укрѣпленный городъ (кажется Троа, *Troyes*) во Франціи, лично отправился онъ, въ сопровожденіи конной команды, для осмотрѣнія укрѣпленій. На одномъ изъ бастіоновъ замѣтилъ человѣка, показавшагося ему непростымъ и несолдатомъ; это былъ Епископъ города. Прискакавъ поближе, онъ спросилъ его, кто онъ таковъ? Незнакомый отвѣчалъ: *Я слуга Божій.* Король тотчасъ

---

*) Гробъ Аттилы былъ тройной; *внѣшній* изъ свинца, *средній* изъ серебра, а *внутренній*, въ коемъ заключалось тѣло, изъ золота.

подхватилъ: « *Я бичъ Божій, посланный для наказанія злыхъ слугъ.* Епископъ, преклонивши главу свою, отвѣчалъ: «*Твори же какъ тебѣ велѣно, и накажи меня.*» Сей отвѣтъ такъ понравился Королю, что тотчасъ велѣлъ оставить городъ съ тѣмъ, чтобы горожане обѣщались услужить кое-чѣмъ проходящей его арміи.

Послѣ взятія Милана, на одной изъ лучшихъ улицъ онаго выставлена была каррикатура, на коей Римскіе Императоры представлены были на тронѣ, предъ ними же на колѣнахъ иноплеменные Короли, высыпающіе изъ мѣшковъ золото къ ногамъ Императоровъ. Аттила велѣлъ снять картину и перерисовать на оборотъ, себя на тронѣ, а обоихъ Императоровъ на колѣнахъ съ золотомъ, высыпаемымъ къ его ногамъ.

Въ одномъ изъ Италіанскихъ городовъ какой-то поэтъ поднесъ ему стихотвореніе, въ коемъ величалъ его Божествомъ. Король столь сильно разсердился, что осудилъ его на сожженіе за то, что осмѣлился сравнять его съ Богомъ. Когда несчастнаго привели къ роковому костру, и уже ставили на оный, *отпустите его,* вскричалъ Атилла, *чтобы, по крайней мѣрѣ, не перепугать и хорошихъ поэтовъ.* Слова золотыя!

Изъ сихъ и другихъ замѣчаній видно, что Аттила былъ grand и bel ésprit, не смотря на то, что боязливые внуки и чада побѣжденныхъ имъ Италіанцевъ прозвали его ужаснымъ Тираномъ, и *Бичемъ Вселенной,* и что̀ за ними и по сію пору повторяютъ Историческіе крикуны. Такъ ворчали про него Латинцы или Готы. Почему же никто не спрашиваетъ, ка̀къ отзывались о немъ Болгаре, Россіяне и прочія Славянскія племена? Аттила любилъ свой народъ душевно; всякій его подданный имѣлъ къ нему доступъ; правый

имѣлъ въ немъ покровителя. Народъ, въ коемъ и юноши возвращающемуся спѣшили на встрѣчу, какъ къ общему отцу великаго семейства, обожалъ его. Онъ любилъ народный отечественный языкъ, любилъ народныя пѣсни; былъ снисходителенъ ко всякому, если того позволяли обстоятельства; старался о народной промышленности и торговлѣ; служилъ примѣромъ воздержности, умѣренности и простоты; словомъ, Аттила былъ великъ во всякомъ отношеніи, и едва ли кто по сію пору наполнилъ собою всю сферу его величія.— О Историки! О Аттила, почему ты не велѣлъ сжечь хотя одного худаго Историка?

X.

Дополненія.

Еще нѣчто о состояніи нынѣшнихъ Болгаръ въ Турецкихъ владѣніяхъ.

(Съ сожалѣніемъ признаюсь, что, не бывъ въ Турецкихъ владѣніяхъ за Дунаемъ, я не могъ изобразить сего народа въ нынѣшнемъ ето положеніи вѣрно и подробно. Во *Введеніи*, я предложилъ только главныя черты, которыя должно распространить, объяснить. Кстати прилагаю здѣсь нѣсколько словъ изъ примѣчательнаго *Путешествія* г. Вальша *изъ Константинополя въ Англію*, только-что вышедшаго въ свѣтъ на дняхъ.)

«Нынѣшніе Болгаре, говоритъ Вальшъ, совершенно утратили тотъ воинственный духъ, который нѣкогда отличалъ ихъ

предковъ; всѣ они обратились въ земледѣльцевъ и пастуховъ» (лучше было сказать скотоводовъ), «живущихъ въ деревняхъ, которыя составлены изъ неправильно-выстроенныхъ хижинъ» (это значитъ: правильно-выстроенныхъ хижинъ, но не расположенныхъ по плану, разбросанныхъ), «и не заслуживаютъ названія городовъ. У нихъ есть, однако же, нѣсколько городовъ, гдѣ они производятъ торговлю, и имѣютъ заводы. Городъ *Селимна*, къ Югу отъ Балканскихъ горъ» (въ Румеліи), «имѣетъ около 20,000 жителей, которые почти всѣ Болгаре. Они производятъ въ семъ городѣ разныя издѣлія, весьма уважаемыя въ Турціи, какъ то: толстыя сукна, граненые ружейные стволы, и проч., но главное ихъ издѣліе, болѣе сообразное съ ихъ пастушескими нравами, есть приготовленіе *розоваго масла*. Большое пространство вокругъ *Солимны* занято на этотъ предметъ садами, и растущее въ оныхъ множество розовыхъ кустовъ увеличиваетъ еще красоту мѣстоположенія. Розовое масло въ большомъ количествѣ отправляется въ Европу, и мы простымъ поселянамъ обязаны за изящнѣйшее и пріягнѣйшее благоуханіе природы.»

Мнѣніе Г. Вальша, будто Болгаре совершенно утратили тотъ воинственный духъ, который нѣкогда отличалъ ихъ предковъ, мнѣ кажется, не справедливо; ибо сей народъ не имѣетъ ни малѣйшаго случая, въ которомъ бы могъ выказать свою храбрость; *во-первыхъ*, потому-что солдаты въ Турціи одни Турки; *во-вторыхъ*, лѣтъ тому съ 35 назадъ, Порта запретила имъ носить оружіе; *въ-третьихъ*, жилища ихъ усѣяны неприступными крѣпостями и множествомъ Турецкаго гарнизона, и, *наконецъ*, бдительный надзоръ Порты дѣлаетъ почти невозможнымъ возстаніе Болгаръ, въ которомъ они могли бы только и отличиться. Итакъ, народу остается только наблюдадь тишину и терпѣніе. Вообще же, воинственный духъ какого бы то ни было народа никогда не выходитъ совершенно

15

изъ его сердца *); обстоятельства только утоляютъ или возбуждаютъ оный.—Впрочемъ, высокой ростъ и атлетическій видъ Болгаръ совершенно ручается, что они могутъ быть и отличнѣйшими солдатами.

«Изъ всѣхъ», продолжаетъ Г. Вальшъ, «видѣнныхъ мною когда-либо деревенскихъ жителей, Болгаре суть самые простые, самые ласковые и самые услужливые.» Это и я самъ могу подтвердить собственнымъ своимъ небольшимъ опытомъ. «Они представляютъ разительную противоположность съ грубыми и невѣжествующими Турками, которые замѣшались между ними и отличаются отъ нихъ самыми рѣзкими оттѣнками.

«Болгаре отличаются своими черными шапками изъ бараньяго мѣха; они носятъ короткія суконныя полукафтанья изъ некрашеной шерсти, которую прядутъ и ткутъ ихъ жены, бѣлыя широкія шаровары и кожаную обувь, привязанную за подъемъ ноги ремнями; они не имѣютъ при себѣ ни пистолетовъ, ни ножей, ни какого другаго оружія.» Я сказалъ, что отняли у нихъ, между тѣмъ какъ Сербы и Албанцы и нынѣ еще носятъ оное. «Въ особенности же обращаютъ они вниманіе своимъ искреннимъ, ласковымъ, обхожденіемъ и любовью къ ближнему. Всѣ Болгаре, нами встрѣчаемые, казалось, принимали насъ не иначе, какъ друзей своихъ. Когда буйволы ихъ или арбы загораживали намъ дорогу, то они спѣшили сворачивать въ сторону; если же видѣли насъ въ какой-нибудь бѣдѣ, то сей часъ спѣшили къ намъ на помощь. Домы ихъ для насъ открывались, и пріѣздъ нашъ былъ радостью для всего семейства. Платимыя нами имъ за гостепріимство деньги были совершенно ничтожны, и я точно увѣренъ, что, если бы мы ничего не дали, то сами они конечно не потребовали бы. Турецкихъ женщинъ никогда не увидишь; Болгар-

---

*) Это отважно доказалъ даже 13-ти лѣтній Болгаринъ *Райчо Николовъ*, въ Іюнѣ сего года. (См. Моск. Вѣдом. 1854, № 130, стр. 1607.) *Изд.*

скія же, напротивъ того, исправляютъ всѣ домашнія работы. Онѣ обходились съ нами такъ дружелюбно, какъ съ родными. Одежда ихъ весьма опрятна и ловко сдѣлана; она состоитъ изъ исподницы и кофты темносиняго цвѣта, обшитыхъ свѣтлою каймою, и изъ бѣлой рубахи, спущенной ниже юбки, и убранной складками около шеи и рукъ съ уборкою, похожею на кружева. Замужнія женщины повязываютъ голову платкомъ, котораго одинъ конецъ виситъ у нихъ на плечахъ; дѣвушки ходятъ съ открытою головою, убирая себѣ волосы различными монетами. Всѣ онѣ носятъ серьги, запястья и кольца даже съ трехъ или четырехъ-лѣтняго возраста. Ноги у нихъ босыя. Онѣ очень трудолюбивы, и никогда не покидаютъ своего веретена. Часто онѣ просили у насъ иголокъ; и я очень жалѣлъ, что не взялъ съ собою ножницъ и другихъ женскихъ принадлежностей, которыя для нихъ были бы драгоцѣнны.

«Болгарскія деревни обыкновенно составляются изъ 30 или 40 домиковъ, раскиданныхъ безъ всякаго порядка и правильности. Домы сіи, выстроенные изъ плетня, который въ промежуткахъ набитъ землею, во внутренности своей чисты и удобны; въ нихъ не безпокоятъ васъ ни мошки, ни дымъ, ни непріятный запахъ. Въ одномъ углу жилища всегда лежатъ мѣшки, набитые шерстью, или ковры, для спанья.

«Языкъ, которымъ говорятъ Болгаре, не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ языкомъ Турокъ, Жидовъ и Армянъ, съ которыми они безпрестанно находятся; они принесли его съ собою изъ Сарматіи» (т. е. изъ *Руси*; полно вздорничать въ XIX вѣкѣ старинными прозвищами), «и онъ есть Славянское нарѣчіе, подходящее болѣе всѣхъ прочихъ на *Русскій* языкъ. Поселившись въ сихъ странахъ, они приняли Христіанскую вѣру, и, пребывъ съ тѣхъ поръ вѣрными членами Греческой церкви, они подчинены Греческому Патріарху въ Константинополѣ, который назначаетъ у нихъ Епископовъ. Сіи послѣдніе всегда бываютъ изъ Грековъ, и, по естественному предпочтенію, они ввели языкъ свой при Богослуженіи по обѣ-

стороны Балкановъ. Въ случаѣ же, если Богослуженіе отправляется не по-Гречески, то его читаютъ на древнемъ Еврейскомъ языкѣ» (къ какой кстати, этого не понимаю), «и какъ Болгаре не понимаютъ ни того, ни другаго, то Богослуженіе отправляется у нихъ на языкѣ, для нихъ неизвѣстномъ. Даже въ немногихъ школахъ, заведенныхъ въ городахъ, всѣ учебныя книги Греческія, хотя языкъ сей ни сколько не употребителенъ въ народѣ; оттого происходитъ, что Болгаре до сихъ поръ находятся въ невѣжествѣ».

Итакъ, Г. Вальшъ подтверждаетъ сказанное мною на счетъ угнетенной Болгарской Іерархіи. Дѣло въ томъ, что Порта старается *отуречить* Болгаръ, а Греки *огречить*. Недостатокъ въ церковныхъ книгахъ между Болгарами происходитъ отъ-того, что Порта воспрещаетъ народу вводить у себя Славянскія типографіи и высшія училища. Греческое же духовенство ни чуть не заботится о доставленіи въ церкви своихъ прихожанъ книгъ Славянскихъ. Прежде, когда въ Валахіи и Молдавіи Богослуженіе отправлялось на Славянскомъ языкѣ, книгами, печатаемыми тогда въ Букарестѣ, запасались и за-Дунайскіе и Румельскіе Болгаре; но нынѣшнія Волошскія для нихъ не годятся; по-сему, нужда въ церковныхъ книгахъ у нихъ со дня на день увеличивается. Величайшимъ благодѣяніемъ для сего народа было бы, если испросятъ ему у Порты позволеніе заводить собственныя типографіи и высшія училища; попеченіе о благосостояніи училищъ поставить въ обязаность всѣмъ эпархіальнымъ начальствамъ, и проч. Такимъ только образомъ народъ и можетъ пріобрѣсти собственную письменность; тѣмъ только и можно сдѣлать иго его сноснѣе; что̀ въ самомъ дѣлѣ и для Порты имѣло бы благотворныя слѣдствія.—Не стану разсуждать, удобоисполнимо ли оное желаніе; это не мое дѣло. Впрочемъ, я изложилъ оное подобно всякому другому, который не рѣдко страдаетъ надъ невозможнымъ, говоря *если бы* . . *если бы* . . и такъ далѣе. Sapienti sat!

«Языкъ, которымъ говорятъ Болгаре,» продолжаетъ нашъ

путешественникъ, «никогда еще не былъ приведенъ въ Грамматическія правила.» Не справедливо. Сей языкъ, подобно другимъ, подвергался своимъ переворотамъ; его можно вообще раздѣлить на *древній* и *новый*, т. е. нѣсколько измѣнившійся. Итакъ, сей языкъ въ древнемъ своемъ періодѣ былъ приведенъ въ грамматическія и синтаксическія правила; литература его, коей и нынѣ еще имѣемъ много памятниковъ, въ томъ числѣ и Св. Писаніе и Богослуженіе наше, была весьма обширна. Только нынѣшній не былъ приведенъ въ грамматическія правила. Недавно, однако, объявили было о подпискѣ на нѣсколько Болгарскихъ книгъ, и между прочимъ на Грамматику. См. выше стр. 15. «Мнѣ сказывали, что недавно наономъ издано нѣсколько печатныхъ книгъ, но мнѣ онѣ не попадались, а всѣ, которыя видѣлъ я въ школахъ, были Греческія, а въ церквахъ—Славянскія. При двухъ или трехъ деревняхъ есть Священникъ; но, за исключеніемъ нѣсколькихъ мѣстъ, у Болгаръ не было ни церквей, ни училищъ, ни книгъ, и, кромѣ торговцевъ, содержащихъ лавки, которые обыкновенно бываютъ Греки, вѣроятно, что никто изъ жителей деревень, чрезъ которыя мнѣ случилось проѣзжать, не умѣлъ ни читать, ни писать. Подобно какъ у народовъ золотаго вѣка, злодѣяніе между ними не извѣстно, и путешественникъ, проѣзжающій чрезъ страну ихъ, не только безопасенъ отъ слѣдствій порочныхъ наклонностей, но вездѣ обрѣтаетъ пріязнь, проистекающую отъ самыхъ похвальныхъ добродѣтелей.» Это бѣдныя чада Руси!

Объ именахъ лицъ.

Сказанное мною выше (стр. 32 — 39) объ именахъ у разныхъ народовъ, относится къ именамъ собствено народнымъ, принадлежащимъ народному *языку*. Между тѣмъ, замѣтимъ, что большая часть сихъ народныхъ именъ нынѣ означаетъ не одно лице, а цѣлыя фамиліи.—До введенія Христіанской религіи, у многихъ народовъ не было родовыхъ прозвищь, т. е. фамильныхъ именъ. Со времени крещенія всякій, кромѣ сво-

его языческаго имени, получалъ изъ Святцевъ еще новое, иностранное, и, такимъ образомъ, у всякаго сдѣлалось по два имени; и какъ сіи послѣднія сдѣлались *личными* въ Христіанствѣ, то прежнія личныя (языческія) превратились въ *фамильныя*. Итакъ, сказанное мною прежде объ именахъ вообще, разумѣть должно о *народныхъ*, станутъ ли ихъ принимать за *имена* (въ язычествѣ) или *названія* (въ Христіанствѣ), все равно. Имена, даваемыя при крещеніи, или *церковныя*, какъ иностранныя, туда не относятся.

Объ измѣненіи именъ Гунны, Авары.

На страницѣ 72-ой, я сказалъ, что имя *Гунны* прекращается, т. е. замѣнено другими уже около 587 года. Это я сказалъ, говоря о Византійскихъ, или Греческихъ Лѣтописяхъ; но о Западныхъ, или Латинскихъ этого сказать нельзя рѣшительно. Различіе между сими и тѣми состоитъ не только въ духѣ, языкѣ, но и въ успѣхахъ въ народописи. Такъ, напримѣръ, переворотъ въ *народописной номенклатурѣ* въ Западныхъ, или Латинскихъ Лѣтописяхъ происходилъ гораздо медленнѣе и позже, чѣмъ въ Греческихъ. Мы видѣли (стр. 73), что Греки, съ 626 года, Аваровъ переименовали въ *Болгаръ*; а Западные только съ 800 года. Подобнымъ образомъ происходило и переименованіе Гунновъ въ *Аваровъ*. Греки отреклись отъ имени Гунновъ уже въ концѣ VI столѣтія, между тѣмъ, какъ Западные придерживались онаго въ полной мѣрѣ еще и въ VII, отчасти въ VIII вѣкѣ. — У Западныхъ писателей, имя Гунновъ вдругъ не могло прекратиться совершенно; оно долго боролось съ именемъ Аваровъ; и *весьма замѣчательно*, что обладателей Молдавіи, Валахіи, Кроаціи, Венгріи, которыхъ Греки съ 626 года постоянно именуютъ *Болгарами*, иные изъ Западныхъ писателей называютъ, до самаго почти начала IX вѣка, *Гуннами*; иные только *Аврами*; а иные наконецъ обоими, говоря, Avari, gens Hunnica, или Hunni Avares dicti.

КОНЕЦЪ.

НѢКОТОРЫЯ ПОПРАВКИ.

Стр.	*Строк.*		
2	5	Читай:	никѣмъ
—	6	—	здѣсь — понятіе о
9	3	снизу	не смѣлъ
13	4	(и индѣ)	ни же
15	5	—	не чего
31	5	(и индѣ)	одно и то же
32	29	—	ни какой
34	19	—	*Szétsényi*
35	2	—	Также
36	22	(и индѣ)	то же, что
—	23	—	*овъ.* Воинъ — *Воиновъ*
55	3	снизу	новость
62	1	—	Волошскаго народа
88	11	—	которыя
90	31	—	Латышская
91	7	—	Саксовъ
92	10	—	по всей Европѣ
93	23	—	Чунгаріи
94	19	(и индѣ)	столь
143	17	—	называемому
159	12	—	даетъ

Сочиненія Ю. И. Венелина.

Древніе и нынѣшніе *Болгаре*, въ политическомъ, народописномъ, историческомъ и религіозномъ ихъ отношеніи къ Россіянамъ. *Историко-критическія изысканія*; *томъ I.* Москва. 1829.

Объ источникѣ народной поэзіи вообще, и о южно-русской въ-особенности. М. 1834.

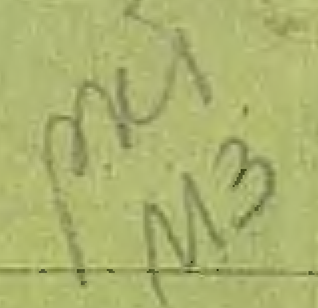
О характерѣ народныхъ пѣсенъ у Славянъ Задунайскихъ. Кн. I. *Сербскія* М. 1835.

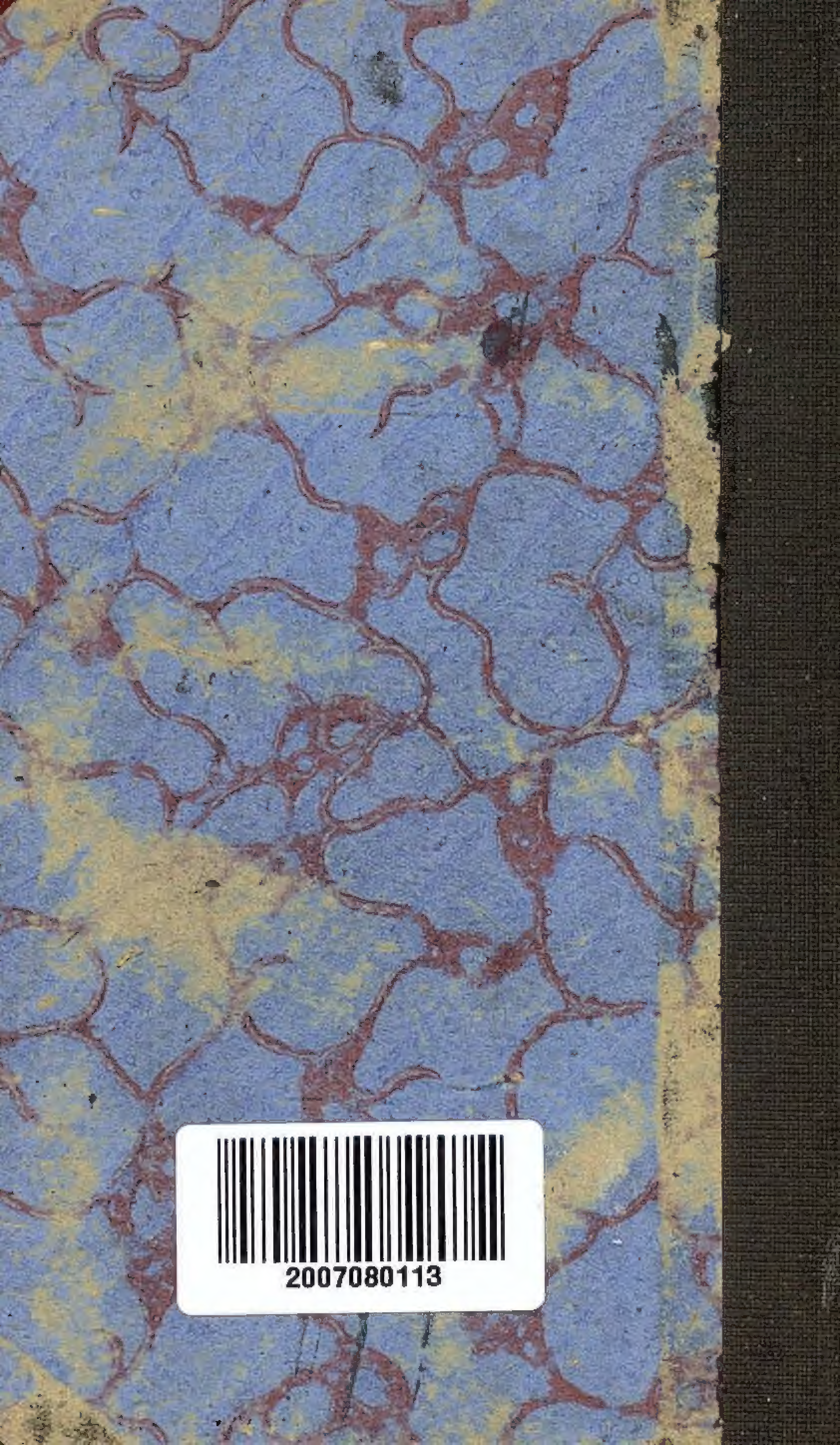
О зародышѣ новой болгарской литературы. Кн. I. М. 1838.

Влахо-болгарскія или Дако-славянскія грамоты. С-Петербургъ. 1840.

Древніе и нынѣшніе *Словене*, въ политическомъ, народописномъ, историческомъ и религіозномъ ихъ отношеніи къ Россіянамъ. *Историко-критическія*; *томъ II.* М. 1841.

Скандинавоманія и ея поклонники, или столѣтнія изысканія о Варягахъ. *Историко-критическое разсужденіе.* М. 1842.

2007080113